

Слепая зона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кэти М. Д

18+

Кэти Ди Слепая Зона

<https://litres.ru/74521129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, самая безопасная зона — это френдзона. Айрис Миллер свято верила в это правило с самой школы, упрямо прячась в своей «слепой зоне» от обжигающих взглядов лучшего друга.

Рейнар Торнтон — дерзкий капитан хоккейной сборной, у ног которого лежит весь кампус Оквуда. Он привык побеждать на льду, но годами проигрывал в попытках достучаться до её сердца.

Всё рушится на Осеннем балу, когда идеальный «Белый Рыцарь» Айрис из устраивает ей публичную казнь доверия ради грязного спора.

Сможет ли Айрис наконец открыть глаза и увидеть того, кто всегда был готов ради нее сжечь этот мир дотла?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	75
Глава 9	91
Глава 10	102
Глава 11	111
Глава 12	125
Глава 13	138
Глава 14	153
Глава 15	164
Глава 16	193
Глава 17	206
Глава 18	218
Глава 19	250
Глава 20	261
Глава 21	279
Глава 22	289
Конец ознакомительного фрагмента.	290

Кэти Ди Слепая Зона

Глава 1

Запах пережаренных кофейных зерен и сиропа «соленая карамель» — вот чем пахли мои двадцать лет. Ну, еще учебниками по макроэкономике и вечным недосыпом.

— Миллер, если ты сейчас же не нальешь мне три шота эспresso прямо в вену, я умру прямо на этом кафеле, и тебе придется утилизировать мой труп, — раздался со стороны дверей театрально-мученический стон.

Я даже не подняла глаз от рожковой кофемашины. Мне не нужно было смотреть, чтобы знать: Итан Картер сейчас выглядит так, будто его переехал школьный автобус. Его золотистые, вечно растрепанные волосы торчали во все стороны, контрастируя со светлыми, заспанными глазами, а на бледном лице залегли тени. Хотя на самом деле он просто вчера до четырех утра резался в приставку в доме братства.

— Привет, Итан. Правила заведения запрещают утилизацию трупов в утреннюю смену, — отозвалась я, ловко забивая кофейную таблетку. — Так что бери свой латте и не загораживай кассу.

— Жестокая ты женщина, Айрис, — проворчал он, но

тут же расплылся в улыбке, когда стеклянная дверь кофейни снова звякнула, впуская остальную часть нашего безумия.

Нейтан Коул вошел первым, практически полностью перекрывая собой дверной проем. Широкоплечий, высокий брюнет крепкого телосложения, с резкими, но спокойными чертами лица, в неизменной черной куртке, он бережно придерживал за талию Мию Брукс. Моя рыжая подруга с рассыпью задорных веснушек на носу и сияющими голубыми глазами светилась как начищенный цент, несмотря на то что на часах было едва за восемь утра. Она тут же подбежала к стойке, обдав меня ароматом яблочных духов.

— Эй, Лив! Ты видела расписание? Нам поставили зачет по литературе прямо перед вечерней тренировкой мальчигов! — затараторила Мия, запрыгивая на высокий барный стул. — Нейт обещал, что если они выиграют в эту субботу, мы устроим грандиозное барбекю на заднем дворе. Привет, Итан, ты выглядишь как восставший из ада.

— Я чувствую себя так же, Брукс, — буркнул Итан, забирая свой стакан.

Я улыбнулась, передавая Нейтану его привычный черный кофе без сахара, а Мие — раф с лавандой. Смотреть на них двоих было сплошным удовольствием — они встречались уже три года и казались самым надежным островком стабильности в нашем нестабильном студенческом мире.

Дверь звякнула в третий раз. В кофейню ворвался поток холодного осеннего воздуха, а вместе с ним — тяжелый, без-

ошибочно узнаваемый аромат дорогого парфюма с нотами табака и можжевельника.

Рейнар Торнтон.

Он шел ленивой, уверенной походкой хищника, который прекрасно знает, что в радиусе пяти миль нет никого, кто мог бы составить ему конкуренцию. Черное худи с логотипом нашего университета обтягивало мощные плечи защитника и капитана хоккейной сборной. Его темные, слегка растрепанные волосы падали на лоб, прикрывая фирменный, вечно оценивающий взгляд серо-стальных глаз, в которых сейчас читалась ленивая скука. Черты его лица — упрямый подбородок, резкие скулы и четко очерченные губы — приковывали к себе внимание парней и девчонок. На его руке висела высокая блондинка с юридического факультета — Кортни или Кристи, я вечно их путала. Она что-то щебетала ему на ухо, белоснежно улыбаясь, а Рейнар лишь лениво кивал, глядя прямо на меня через весь зал.

— Привет, банда, — бросил он парням, даже не посмотрев на свою спутницу, которая тут же упорхнула занимать столик у окна.

Рейнар подошел к стойке, оперся о нее локтями и склонил голову набок, разглядывая мои синяки под глазами. К слову, сама я сегодня тоже не блистала свежестью: мои длинные светлые волосы были перехвачены крабиком на затылке, а в больших серых глазах отражалась вселенская усталость.

— Выглядишь паршиво, Миллер. Опять зубрила всю

ночь?

— И тебе доброго утра, Торнтон, — я натянуто улыбнулась, вытирая пар над капучинатором. — Твой «двойной ристретто для парней без сердца» еще не готов. Придется подождать.

— Я могу подождать, — его губы тронула едва заметная, дерзкая ухмылка, от которой у половины девчонок в кампусе подкашивались ноги. Но только не у меня. Мы дружили слишком долго, с самого детства, чтобы я велась на этот фасад. Мой отец работал на его отца, и я знала Торнтона с тех времен, когда он еще плакал из-за разбитых коленей. — Слышал, ты вчера сдала проект профессору Харрису на «отлично»? Нейтан прожужжал мне все уши.

— Да, прикинь, некоторые из нас здесь действительно учатся, а не только гоняют шайбу по льду и меняют эскорт каждые три дня, — шпилька вылетела сама собой. Я кивнула в сторону блондинки, которая уже вовсю селфилась за столиком.

Рейнар даже не повернул головы. Его глаза на мгновение потемнели еще сильнее, а челюсть упрямо сжалась. Он посмотрел на меня в упор — так близко, что я могла разглядеть крошечный шрам над его бровью, полученный на позапрошлом матче с Бостоном. В воздухе между нами мгновенно натянулась невидимая струна — жаркая, давящая, от которой перехватило дыхание.

— Ревнуешь, Миллер? — тихо, с хрипотцой спросил он,

подаваясь чуть вперед, так что я ощутила тепло его дыхания на своих губах.

Я фыркнула, прерывая это странное оцепенение, и передала ему горячий стакан.

— Мечтай, Торнтон. Как вообще дела с подготовкой к субботней игре? Тренер сильно лютует?

Рейнар взял стакан, его пальцы на секунду коснулись моих — горячие, мозолистые от клюшки, они словно прошли мою кожу легким разрядом тока. Он медленно отстранился, посмотрел на парней, потом снова на меня и... просто коротко дернул одним правым плечом. Вверх и вниз.

Наш тайный знак. Наш личный код, который мы придумали еще на первом курсе, когда прятались от дождя под трибунами стадиона. *«Полный отстой. Хуже некуда».*

— Тренировки — ад, Чейз тянет одеяло на себя, а Харрис грозит урезать мне игровое время, если я не подтяну средний балл, — вслух произнес он совершенно спокойным голосом, но взгляд его оставался прикованным к моему лицу. — Ладно, я пойду. Нужно покормить мою утреннюю ошибку завтраком.

Он развернулся и пошел к столику блондинки. Я проводила его широкую спину взглядом, пока Мия громко спорила с Итаном о том, кто пойдет покупать чипсы к субботе.

Быстро раздав ребятам остатки их заказов, я повернулась к Джейку — моему сменщику, который как раз лениво выползал из подсобки. Коротко кивнув ему, мол, «подмени ме-

ня на кассе на пять минут», я развязала завязки темно-зеленого фартука, повесила его на крючок и, прихватив свою бутылку воды с лимоном, направилась к столику друзей. Рейнар к этому моменту уже успел отделаться от своей спутницы — она упорхнула в туалет поправлять и без того идеальный блеск на губах, так что он сидел с парнями.

Я протиснулась на свободное место между Мией и Итаном, устало выдыхая.

— ...Я говорю тебе, если мы не перекроем их левый фланг, защите конец, — эмоционально размахивал руками Итан, едва не пролив свой латте. — Они в прошлом сезоне разнесли парней из Мичигана чисто на скорости!

В нашей компании все мальчишки играли в хоккей. Это было нормой для нашего колледжа — здесь все были помещены на льду. Итан играл ради веселья и внимания девчонок, Нейтан был надежным нападающим, но только Рейнер относился к этому по-настоящему серьезно. Он вкалывал на тренировках до кровавых мозолей, прекрасно понимая, что спорт — его единственный шанс построить собственную карьеру и не идти на поводу у отца. Рейнер чертовски не хотел становиться послушной марионеткой в семейном бизнесе Торнтонов. Старший Торнтон спал и видел, как сын после выпуска займет кресло в его корпорации, но для Рейнара хоккей был кислородом.

Хотя для всего остального кампуса он оставался классическим персонажем: богатенький мажор, бабник, который лю-

бит тратить папины деньги, менять тачки и крутить романы на одну ночь. А меня за вечные отказы местным парням все считали недотрогой. Ну и пусть.

Пока в двери нашей кофейни не зашел новенький.

Стеклянная дверь звякнула, и мы с Мией синхронно замерли. Парень, переступивший порог, был невероятно хорош собой: высокий, с потрясающими темными кудрями и ослепительной улыбкой, от которой на щеках проступали ямочки. На нем была тяжелая спортивная куртка, но не нашей хоккейной сборной. На спине красовалась эмблема регбийного клуба. Он уверенно направлялся напрямик к кассе, на ходу поправляя лямку рюкзака.

— И чего сидишь? Иди принимай заказ! — весело хихикнула мне на ухо Мия, толкнув меня локтем в бок.

Я mogнула, возвращаясь в реальность, и обнаружила, что Рейнар уже пару секунд настойчиво мотает перед моим лицом своей большой ладонью.

— Эй, Зефир, ты поймала экран блокировки? Земля вызывает Миллер, — проворчал он, нахмурившись, и в его голосе прорезались опасные, ледяные нотки. — Что ты там увидела?

— Что?.. — я тут же вздрогнула, отводя взгляд от новенького.

Парни за столом дружно рассмеялись, а Рейнар недовольно скрестил руки на груди, буравя тяжелым, обещающим проблемы взглядом вошедшего регбиста. Я извинилась пе-

ред ребятами. Встав из-за стола, я мысленно поблагодарила Джейку за подмену и заняла свое место за кассой, натягивая профессиональную улыбку.

— Доброе утро! Рады видеть вас в «Пряничном латте», — отчеканила я на автомате. — Что для вас приготовить?

Парень остановился у стойки и открыто, невероятно тепло улыбнулся. Его глаза оказались удивительного глубокого оттенка, а от всей его могучей фигуры веяло такой бешеной уверенностью, что я невольно выпрямила спину.

— Привет. Мне, пожалуйста, большой черный американо, — его голос был низким и приятным. Он бегло осмотрел меню, а затем снова перевел взгляд на меня. — И, если тебя не затруднит, подскажешь, как пройти к главному деканату? Я только сегодня перевелся к вам и немного плутаю между корпусами.

— Да, конечно, без проблем, — я забила заказ в компьютер. — С переводом тебя к нам! Смотри, выходишь из кофейни, поворачиваешь направо за фонтаном и идешь прямо до кирпичного здания с часами. Деканат на втором этаже.

— Спасибо, выручила, — он забрал чек, а затем опустил взгляд на мою грудь, где на фартуке был приколот круглый деревянный значок. Парень прищурился, прочитал мое имя по бейджику и снова ослепительно улыбнулся, подмигнув мне: — Ещё увидимся, Айри.

Я замерла со стаканчиком в руке. *Айри.*

Даже не оборачиваясь к столику друзей, я буквально ко-

жей почувствовала, как Рейнар там скривил нос и шумно выдохнул сквозь зубы. Я прямо в деталях представила это выражение его лица.

Рейнар Торнтон просто ненавидел, когда меня называли «Айри». Стоило кому-то в кампусе использовать это сокращение, как он мгновенно злился и врубал режим агрессивного защитника. Не знаю почему, ему просто дико не нравилось это дурацкое имя. Обычно в колледже все звали меня либо Лив, либо по фамилии — Миллер. И только сам Рейнар имел эксклюзивное право использовать свое дурацкое прозвище «Зефир», которым наградил меня еще на посвящении первокурсников, когда я объелась маршмеллоу у костра.

— Эй, Зефир! — донесся его недовольный, хмурый голос из-за стола. — Хватит флиртовать на рабочем месте, у нас пары через пятнадцать минут. Двигай сюда.

Я тихо засмеялась, передавая новенькому регбисту его американо, и поймала его ответный забавный взгляд.

Когда парень ушел, я вернулась за столик к ребятам. Мы с Рейнером и Итаном учились на одном факультете — международной экономики, поэтому торчали вместе на всех лекциях. А вот Мия и её Нейт были с архитектурного. Именно поэтому они вечно устраивали эти сопливые забеги навстречу друг другу после каждой пары, будто разлучались не на полтора часа, а на пару лет. Иногда это откровенно раздражало.

Их отношения вообще были ходячим аттракционом. Они

могли крупно поругаться раза три за день, наговорить друг другу кучу гадостей, а через час целоваться по углам так, словно у них не было этих дебильных ссор. Их бурные примирения происходили везде: в библиотеке, в коридорах, на парковке. Мы с парнями уже просто привыкли закатывать глаза.

Итан, кстати, тоже знатно гулял с девчонками из группы поддержки, но его сердце принадлежало теннисной площадке. Точнее, Роуз Пэрри — звезде университетского тенниса и его главной несбыточной мечте. Итан ради неё даже раскошелился на дорогую ракетку и кучу спортивного шмота, но играть так и не научился. Он просто приходил на корт, садился на трибуну и тяжело вздыхал, пуская слюни на её подтянутую фигуру.

Что касается Рейнера... он был непостоянен во всем, кроме одного. У него было три незыблемых жизненных правил: довести меня до белого каления, мешать мне на парах и всегда садиться рядом, чтобы я делала за него лекции или практики.

Поскольку денег у него, в отличие от меня, было много, он часто вел себя как типичный мажор. Но при этом Рейнер с завидной регулярностью оставался ночевать у меня на съемной квартире. Я едва наскребала доллары, чтобы вовремя платить за эту чертову коробку на окраине кампуса. И иногда, когда дела мои были совсем плохи, Торнтон молча переводил арендодателю нужную сумму со своей карты. Мне

каждый раз было до безумия стыдно, я злилась, а он лишь отмахивался: «*Миллер, не выноси мне мозг, я просто плачу за аренду дивана, на котором сплю*». В знак благодарности я бесплатно варила ему литры кофе и подсовывала лучшие десерты из кофейни. Мы были квиты. Чисто по-дружески.

Когда мы наконец вышли из кофейни и направились в сторону экономического корпуса, осенний ветер резко крутанул палую листву у наших ног. Итан убежал вперед, пытаясь догнать промелькнувшую в толпе Роуз, а мы с Рейнаром остались вдвоем. Он шел слишком близко — так, что его плечо то и дело задевало мое при каждом шаге.

— Кто это был? — резко спросил он, нарушая молчание. Его голос звучал глухо, почти грубо.

— Ты о ком? — я сделала вид, что не понимаю, сильнее кутаясь в свой легкий кардиган.

— О кудрявом придурке в куртке регбиста, Миллер. Не делай из меня идиота. Что это за «*до встречи, Айри*»? — Рейнар резко остановился прямо посреди аллеи, вынуждая меня тоже затормозить.

Студенты обходили нас стороной, но Торнтону было плевать. Он развернулся ко мне, и я увидела, как ходит желвак на его упрямой челюсти. В его глазах полыхало что-то темное, тяжелое и пугающе горячее.

— Он просто перевелся к нам, потерялся. Я подсказала дорогу, Рей, — тихо ответила я, удивленная его вспышкой.
— Какая тебе разница?

Рейнар сделал шаг вперед, полностью перекрывая мне обзор на кампус своей массивной фигурой. От него пахло морозным воздухом, табаком и той самой дикой, животной уверенностью, которая подчиняла себе стадионы. Он протянул руку, и его большие, горячие пальцы жестко, но бережно обхватили мой подбородок, заставляя поднять голову.

Мое сердце пропустило удар. Время словно замедлилось. Его большой палец медленно, с едва ощутимым нажимом очертил контур моей нижней губы, оставляя за собой шлейф покалывающего тепла. Это прикосновение не было дружеским. В нем было столько скрытого, подавленного голода, что у меня пересохло в горле. Его взгляд опустился на мои губы, задерживаясь на них слишком долго. На целую мучительную вечность.

— Мне есть разница, Зефир, — прошептал он, и его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Мне дико не нравится, когда всякие прохожие придурки произносят твое имя так, будто имеют на него право.

— Рей... — выдохнула я, чувствуя, как внутри все стягивается в тугой узел от этой странной, пугающей химии. — Мы опоздаем.

Рейнар словно очнулся. Его зрачки на секунду расширились, он резко отдернул руку, пряча пальцы в карманы худи. Секундная слабость исчезла, и на её место вернулась привычная дерзкая маска бабника и капитана.

— Идем, Миллер, — хмыкнул он, уже направляясь к две-

рям корпуса. — Если из-за твоих телячьих нежностей с регбистами меня не допустят к лекции, ты будешь писать за меня конспект по макроэкономике всю ночь. И поверь, я прослежу, чтобы ты не спала.

Я покачала головой, сглатывая вязкую слюну и пытаюсь унять бешеный стук сердца. Это просто Рейнар. Мой лучший друг.

Но почему тогда мои губы до сих пор горели от его прикосновения?

Глава 2

В субботу вечером арена нашего колледжа напоминала растревоженный улей. Запах попкорна, дешевого пива и ледяной свежести, бьющей из-под огромных прожекторов, смешивался в единый, пьянящий коктейль. Мы с Мией и Итаном сидели на наших постоянных местах — в третьем ряду, прямо за защитным стеклом. Отсюда было идеально видно всю скамейку запасных и каждый жест парней.

Сегодня была первая серьезная игра сезона. Рейнар в своей массивной темно-синей хоккейной форме с номером «17» на спине выглядел по-настоящему устрашающе. На льду он трансформировался: исчезал ленивый бабник из кофейни, оставался только жесткий, суровый защитник, который без капли жалости размазывал соперников по бортам. Защитная сетка его шлема скрывала потемневшие глаза, но я и без этого знала, с какой ледяной яростью он сейчас просчитывает каждый шаг противника.

Но сегодня все взгляды трибун были прикованы не только к нашему капитану.

— Твою мать, Айрис, смотри, что творит этот новенький!
— Итан подскочил с места, едва не пролив на мои джинсы колу. — Он же просто сумасшедший! Откуда он вообще взялся на льду?!

Я перевела взгляд на лед, и у меня перехватило дыхание.

Чейз Девенпорт. Тот самый кудрявый парень из кофейни, который пару дней назад подмигнул мне у кассы. Весь кампус со вчерашнего дня гудел о том, что во втором составе перед самым матчем двое нападающих слегли с тяжелым гриппом. Тренер был в панике, и тогда Чейз, звезда регбийной лиги, вызвался помочь. Оказалось, до перевода в наш университет он несколько лет серьезно играл в юниорской хоккейной лиге. Его мощная регбийная дыхалка и тяжелая масса позволяли творить на льду нечто невообразимое.

Чейз летел на бешеной скорости, легко обходя защиту противника. Он играл агрессивно, красиво и безумно технично, двигаясь с пластикой породистого хищника. За пару минут до конца второго периода он перехватил шайбу, сделал обманный маневр и мощным щелчком загнал ее точно в девятку.

Трибуны буквально взорвались от оглушительного крика. Девенпорт победно вскинул клюшку, обращаясь к зрителям. И тут наши взгляды встретились сквозь толстое защитное стекло. Он узнал меня.

Чейз замедлил ход, плавно затормозил, взметнув фонтан ледяной крошки, и подъехал ближе к нашему сектору. Глядя мне прямо в глаза, он коротко, приветливо салютовал крагой, удерживая мой взгляд. Мое сердце сделало странный, глухой кульбит, а в животе сладко потянуло.

— Ого, подруга, кажется, этот регбист положил на тебя глаз, — Мия пихнула меня в бок, хитро прищурившись. —

Ты видела это? Он выпендривается специально ради тебя!

Я лишь смущенно улыбнулась, низко опуская голову и принимаясь усердно скручивать в трубочку свой маленький пластиковый флажок с эмблемой колледжа. Щеки предательски горели, а краем глаза я заметила, как на другом конце поля Рейнар Торнтон с такой силой ударил клюшкой о борт, что пластик жалобно треснул.

После матча, завершившегося нашей разгромной победой, когда трибуны уже опустели, мы по привычке собрались на нашем излюбленном месте — на бетонных парапетах возле главного входа в ледовый дворец. Вокруг клубился холодный ночной туман, а мы ждали, пока парни выйдут из раздевалки перед тем, как все разъедутся по домам.

Рейнар сегодня вышел к нам злее черта. Он был дико недоволен тем, что игру внезапно перенесли на час раньше, из-за чего они с парнями толком не успели отработать новые тактические схемы на раскатке. Но главным источником его раздражения был, конечно же, Чейз Девенпорт. Я пока не совсем понимала, как именно сложатся их отношения, ведь Чейз явно метил на лидерские позиции в спортивной иерархии кампуса и всюду перетягивал одеяло на себя, что было очевидно всем.

— Да ладно тебе, Торнтон, хорош кипишевать на ровном месте, — Итан лениво потянулся, закидывая руки за голову. — Нормально же откатали. Новенький прет как танк, нам такие нападающие пригодятся.

— Закрой рот, Картер, — огрызнулся Рейнар, на ходу со свистом застегивая молнию на своей спортивной куртке. — Этот придурок играет сам по себе. Он не видит команду, он видит только трибуны.

Мия, которой вечно не сиделось спокойно, решила подлить масла в огонь. Она хмыкнула и беззаботно пожала плечами:

— Ой, да ладно тебе, Рейн! Что такого-то? Это всего лишь игра, главное — счет на табло.

Рейнар остановился как вкопанный. От него всё еще пахло горячим после матча телом, мылом и ледяным парфюмом. Он повернулся и зыркнул на нее таким тяжелым, бешеным взглядом из-под нависших бровей, что бедная Мия мгновенно притихла. Она сжалась и буквально вжалась в плечо стоявшего рядом Нейтана, ища защиты у своего парня.

— Еще раз так скажешь, Брукс, и мы больше не друзья, — мрачно прорычал Рейнар, с силой закидывая тяжелый рюкзак со снаряжением на одно плечо. Желваки у него на лице ходили ходуном.

Затем он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до опасного минимума. Он навис надо мной, полностью блокируя пути к отступлению, пока моя поясница не уперлась в холодный бетон парапета. Его серо-стальной взгляд на секунду опустился к моим губам, а затем приковал меня к месту. Внутри меня всё скрутилось в тугую, сладкий узел, а пульс

забился где-то в горле. Это было слишком глубоко для «просто дружбы».

— Пошли, Зефир. Подвезу тебя, — хрипло бросил он, не оставляя пространства для возражений.

Я отпиралась каждый божий раз, придумывая нелепые отговорки, на что он неизменно отвечал своим фирменным: *«Зефирка, прекрати меня бесить. Я чертовски устал»*. Рейнар, видимо, считал своей священной обязанностью следить за каждым моим шагом. Перед самым переездом в этот кампус он сдуру дал обещание моему отцу, что со мной ничего здесь не случится. Мой папа верил Торнтону как самому себе, а я теперь была вынуждена терпеть эту круглосуточную гиперопеку.

Я лишь молча поплелась следом за ним к его припаркованной машине. Спорить сейчас было себе дороже: одно лишнее слово, и мне тоже конец. Рейнер в гневе был похож на стихийное бедствие.

В салоне его дорогого внедорожника пахло кожей, кондиционером и всё тем же можжевелевым парфюмом. Рейнар шумно выдохнул сквозь зубы и завел мотор. Он смотрел только вперед, крепко сжимая руль обеими руками до побеления костяшек. Я сидела на пассажирском сиденье тихо, как мышь, и всё так же на автомате нервно крутила несчастный флажок в руке.

Вдруг он совершенно спокойно, без лишних слов потянулся к панели, приоткрыл мое окно, легким движением вы-

хватил пластиковую палочку с эмблемой матча из моих пальцев, выбросил ее к чертям на асфальт парковки и так же невозмутимо нажал на кнопку, закрывая стекло обратно.

Я только рот открыла как рыба, глядя на свои пустые руки, а потом со стуком сложила их на груди и обиженно уставилась на него.

— Просто бесит, что они посреди сезона пихают хрен пойми кого к нам в команду, — процедил он, и костяшки его пальцев на руле побелели еще сильнее. Мы выехали на шоссе, ведущее к окраине кампуса.

— Подумаешь, один человек. У вас в сборной всё равно недобор после того, как Уилсон сломал ногу. Вам в любом случае нужен был нападающий. А этот парень хороший. Играл тоже вроде нормально.

Рейнер на секунду оторвался от дороги и смерил меня таким злым, уничтожающим взглядом, что мне физически захотелось вжаться в глубокое кожаное кресло.

— Вот именно, что вроде, Зефир, — жестко отрезал он, снова переводя взгляд на темную трассу. — Для нас это не просто игра после пар. Я не собираюсь лажать в этом сезоне. Сама знаешь, что сделает мой отец, если я вылечу из основы или мы проиграем чемпионат. Этот старик спит и видит, как засунуть меня в свое душное офисное кресло и похоронить мою карьеру. Хоккей — мой единственный шанс.

Я тихо вздохнула, и моя мимолетная обида из-за выброшенного флажка как-то сама собой испарилась. Я слишком

хорошо знала, какое бешеное, удушающее давление Рейн испытывал со стороны семьи. По сути, ледовая арена была его единственным местом абсолютной свободы, где он не был «наследником Торнтонов», а был самим собой.

— Всё будет хорошо, — тихо, но уверенно проговорила я, слегка подавшись в его сторону. — К тому же у меня для тебя кое-что есть.

Я повернулась к заднему сиденью, перетянула к себе свою сумочку и, немного покопавшись среди лекционных тетрадей, достала оттуда большой шоколадный батончик с нугой и арахисом. Настоящая калорийная бомба, которую спортсменам вообще-то нельзя.

Рейнер скосил глаза на плитку в моих руках, и его суровые темные брови удивленно взлетели вверх. Напряжение в его широких плечах начало понемногу спадать.

— Ты тоже только спишь и видишь, чтобы у меня отрасли бока, я потерял скорость и больше не смог выйти на лёд? — проворчал он, но в его низком голосе наконец-то прорезались те самые привычные, теплые дружеские нотки, от которых по телу разлилось приятное расслабление.

Я лишь искренне рассмеялась, качая головой.

— Нет. Только чтобы у тебя на ближайшем матче выпало пару зубов. Уверена, эстетика сурового беззубого хоккеиста тебе чертовски пойдет. Будешь пугать соперников одной улыбкой.

Рейнер наконец-то хрипло, раскатисто рассмеялся, окон-

чательно расслабляя плечи. Тяжелое, душное напряжение в салоне бесследно исчезло, уступая место нашему привычному уюту. Одной рукой он уверенно перехватил руль, а второй ловко забрал у меня батончик, тут же зубами надрывая шуршащую обертку.

— В таком случае тебе придётся выйти за меня замуж, — хмыкнул Торнтон, отправляя в рот приличный кусок шоколада. Его голос прозвучал буднично, но пальцы, сжимающие руль, на мгновение напряглись. — Потому что другие девушки точно больше не захотят со мной встречаться. Беззубый Торнтон — это сокрушительный удар по репутации кампуса.

Я на секунду буквально опешила от такого внезапного заявления и уставилась на его резкий профиль во все глаза. Сердце предательски пропустило тяжелый удар, а к щекам прилила новая волна жара.

— Ты сейчас что, угрожаешь мне? — удивилась я, приподняв бровь и пытаясь перевести всё в шутку, чтобы скрыть глупое смущение.

Рейнер скосил на меня весёлый, искрящийся взгляд, и мы оба громко рассмеялись. Салон машины наполнился звуками нашего привычного, ни к чему не обязывающего хохота. Это было так глупо, так просто и так в нашем стиле, что остатки вечернего стресса окончательно испарились.

Вскоре внедорожник мягко затормозил у моего старого кирпичного дома на окраине. Рейнер, как всегда, дождался,

пока я дойду до входной двери и проверну ключ в замке, коротко хлопнул по рулю в знак прощания и, дождавшись моего ответного кивка, с тихим рычанием сорвался с места.

Я поднялась к себе в полутемную квартиру, на автомате скинула кроссовки и рухнула на кровать прямо в одежде. Закрывая глаза и погружаясь в сон, я почему-то вспомнила не ворчание Торнтона и даже не его шутку про наше замужество. В темноте перед глазами настойчиво всплывали тёплые глаза Чейза Девенпорта и то, как уверенно и красиво он салютовал мне клюшкой через защитное стекло арены.

Глава 3

Если бы в моем колледже выдавали медаль за звание *«Самого эксплуатируемого студента года»*, я бы определенно забрала золото. Желательно высшей пробы.

Из кураторской я выбежала, едва удерживая подбородком огромную, грозящую вот-вот рассыпаться охапку глянцевого бланков и объявлений. Наша деканша лично вручила мне этот неподъемный груз с напутствием развесить информацию на всех информационных стендах кампуса. Речь шла о грядущем Осеннем бале в честь Хэллоуина — главном событии семестра, на которое обязаны были явиться абсолютно все, от первокурсников до преподавательского состава.

Зарывшись носом в пахнущие типографской краской бумаги и сверяясь на ходу с часами на экране телефона, я неслась по главному коридору экономического корпуса на полной скорости. Пятнадцать минут до лекции. Пятнадцать минут, за которые мне нужно оббежать три этажа, не растеряв по дороге остатки своей гордости.

«Быстрее, Миллер, быстрее, или Торнтон сожрет твой пончик за задней парте и займет твое любимое место у окна», — пронеслось в голове.

И именно в этот момент вселенная решила, что моя жизнь течет слишком спокойно и предсказуемо.

На крутом, слепом повороте возле кабинета истории я на

полной скорости врезалась в чью-то спину. Ощущение было такое, словно я со всего размаху впечаталась в кирпичную стену. Охапка глянцевого объявления взмыла в воздух, рассыпаясь белым веером, а я, издав глухой, жалкий писк, не удержала равновесие и со стуком шлёпнулась прямо на линолеум.

— Какого черта... — раздался сверху недовольный, глуховатый мужской голос.

Подняв глаза, я уже приготовилась увидеть какого-нибудь разозленного профессора или высокомерного первокурсника, но на меня сверху вниз смотрело лицо Чейза Девенпорта. Он стоял, слегка потирая лопатку, в которую я прилетела лбом, а его друзья-регбисты позади него уже вовсю прыскали от смеха, перекидывая из рук в руки овальный мяч.

Однако стоило Чейзу опустить взгляд и рассмотреть, кто именно сидит на полу в окружении хэллоуинских бланков, как смех на его лице мгновенно пропал. Глаза нападающего удивленно расширились, а в глубине зрачков вспыхнул искренний интерес.

— Оу, привет, — он тут же сделал широкий шаг вперед, полностью игнорируя своих парней, наклонился и уверенно перехватил мои ладони.

Его руки были большими, сильными и надежными. Чейз помог мне подняться на ноги одним легким, почти невесомым движением, словно я ничего не весила. Он произнес это так бархатно, так мягко и с такой явной заботой, что у ме-

ня внутри все перевернулось, а ноги на секунду показались абсолютно ватными. Кажется, я едва не упала обратно, удерживаемая лишь его крепкой хваткой.

— Все хорошо, спасибо, — пробормотала я, судорожно поправляя складки своей короткой трикотажной юбки и пытаюсь вернуть лицу нормальный, не пунцовый цвет. Получалось паршиво — щеки полыхали так, словно их опалило огнем.

Я тут же опустилась на корточки, принимаясь лихорадочно сгребать с пола разлетевшиеся листовки. Чейз, разумеется, не остался стоять в стороне. Как во всех этих дурацких ванильных романтических фильмах, он опустился на корточки рядом со мной, помогая собирать бланки и ловко перехватывая уплывающие от сквозняка листы.

Боже, я такая мечтательная. Вечно мне мерещится эта книжная романтика, но одно только его лицо, находящееся сейчас слишком близко к моему, вызывало у меня табун осязаемых, покалывающих мурашек. От Чейза пахло морозным воздухом катка, хорошим кондиционером для одежды и свежим мятным парфюмом.

Чейз взял один из бланков, бегло пробежался глазами по яркому оранжевому тексту с черепами и тыквами, а затем хитро посмотрел на меня из-под своих идеальных темных кудрей:

— Осенний бал? И... ты придешь туда, Айрис?

От того, как интимно, глубоко и мягко прозвучало мое

полное имя из его уст, у меня на секунду перехватило дыхание. Никакого «Миллер», никакого «Зефира». Я завороченно кивнула, даже не подумав соврать или сострить.

Чейз ослепительно улыбнулся, обнажая ровные белые зубы, отчего на его щеках проступили те самые чертовски привлекательные ямочки. Он аккуратно, в несколько раз сложил листок и неторопливо спрятал его в задний карман своих темных джинсов.

— Тогда спасибо за приглашение, — тихо проговорил он, подаваясь чуть ближе.

Его пальцы, все еще хранившие легкую прохладу, внезапно коснулись моего лица. Чейз аккуратно, невесомым движением заправил непослушную светлую прядь волос мне за ухо, намеренно задержав руку на моей щеке на пару секунд дольше необходимого. Его подушечки пальцев буквально обжигали кожу, заставляя сердце пуститься вскачь.

— Пожалуйста, — едва слышно отозвалась я, с трудом сглотнув вязкий ком в горле.

Кое-как выхватив из его рук остатки стопки объявлений, я судорожно кивнула ему на прощание и быстрым, почти бегущим шагом поспешила дальше по коридору, стараясь не оглядываться. Сердце в груди стучало как бешеное, с силой отдаваясь в ушах.

«Это что... сейчас было? Флирт? Свидание? Точнее, приглашение на него?»— крутилось в моей бедной голове, пока я поднималась на следующий этаж.

С остатками плакатов на последнем этаже мне вызвалась помочь Мия. Точнее, как помочь — она просто ходила за мной хвостом, держа в руках тубик клея, и без умолку возмущалась. Наша сладкая парочка снова была в контрах. Мия злилась, потому что Нейт наотрез отказывался идти на Хэллоуин в парных костюмах. Он упрямо хотел быть вампиром, в то время как у нее были совершенно другие, куда более масштабные планы.

— ...На что я ему говорю: Нейтан Коул, включи свои мозги! Кем ты хочешь быть? — передразнила она своего парня, смешно размахивая руками перед моим носом.

— Ну и кем ты хочешь быть? — спросила я, сдерживая улыбку и прижимая очередной плакат к доске объявлений.

— Ядовитым Плющом! Я уже купила это потрясающее зеленое платье с листьями и заказала туфли! А эти его вампиры были в тренде еще в прошлом веке, ясно? К тому же, у него в том году бутфорский клык упал прямо в общий чан с пуншем на вечеринке у футболистов. Мы этот гребаный пластиковый зуб искали полдня в крошечной темноте, пока Итан его чуть не проглотил!

Я расхохоталась так громко, что от смеха случайно прилепила плакат криво, полностью перекрывая свежую распечатку со статистикой успеваемости первокурсников.

— Ладно, бог с ним, с Нейтом, я его допинаю, — Мия махнула рукой, хитро сощутив свои голубые глаза. — А ты? В чем пойдешь?

— Она идёт в костюме тыквы, — раздался сзади низкий, хрипловатый голос Рейнера.

Прежде чем я успела обернуться, две тяжелые, теплые ладони по-хозяйски легли мне на плечи, слегка сжимая пальцы. Этот гигант, как обычно, вырос за моей спиной совершенно бесшумно, окутывая меня ароматом можжевельника и возвышаясь надо мной на целую голову. На его красивом лице играла привычная, слегка ленивая ухмылка.

— Никакой тыквы! — отозвалась я, со смешком сбрасывая его руки со своих плеч и разворачиваясь к нему лицом. — Кажется, у меня на этот вечер намечается свидание, и мне нужен красивый наряд, а не позорный оранжевый мешок.

Чтобы не терять времени, я тут же бесцеремонно вручила Рейнеру остатки плакатов и отобрала у Мии клей, всучив его Торнтону.

— Свидание? — Рейнер резко вздернул темные брови, и его ленивая ухмылка мгновенно сползла с лица. В серых глазах промелькнуло что-то ледяное, острое и пугающе жесткое. — Серьезно?

— Чего ты удивляешься?! — возмутилась я, упирая руки в бока и глядя на него снизу вверх. — Представь себе, Торнтон, я тоже, как и вы все, иногда хожу на свидания, флиртую и занимаюсь всей этой ерундой, ясно тебе?

— И кто этот бедняга? — снова поддел он меня, мгновенно вернув на лицо привычную язвительную маску, но косяшки его пальцев, сжимающих несчастную стопку плака-

тов, заметно побелели. Картон жалобно хрустнул.

Сначала я вообще не хотела ничего им говорить, чтобы не вызывать лишних расспросов и охов Мии. Но из-за этих его бесконечных, задевающих за живое подколов решила уязвить его раздутое эго и выдать правду в лоб.

— С Чейзом. Девенпортом. Ясно?

Мия тут же вытаращила глаза так, будто перед ней только что приземлился НЛО, а в следующую секунду оглушительно, ультразвуком пропищала на весь коридор. Она схватила меня за руки и начала так прыгать от восторга, что её огненно-рыжие кудряшки стали забавно подсакивать во все стороны.

А вот Рейнер... Рейнер просто опешил. Он застыл на месте, словно его вморозило в лед арены. Потемневшие глаза буквально пригвоздили меня к полу, а челюсть сжалась с такой бешеной силой, что, казалось, у него сейчас зубы треснут. Он выглядел так, словно я только что прилюдно отвесила ему оглушительную пощечину.

Пользуясь его ступором, я перехватила визжащую Мию за запястье и решительно потащила её в сторону нашей аудитории, откуда уже доносился спасительный звонок на пару.

— Сами доклеите! — крикнула я через плечо, кивая на застывшего Рейнера и подошедшего к нему Нейтана, который лишь сочувственно похлопал друга по плечу. — Не скучайте, мальчики!

В аудитории макроэкономики было душно и шумно. Я

быстро пробралась к нашему постоянному месту на третьем ряду у окна, мечтая просто раствориться в толпе студентов. Мия ушла на свой этаж, Итан уже сидел на галёрке, лениво перекидываясь бумажками с парнями из братства.

Я разложила тетрадь, достала ручку и попыталась сосредоточиться на теме лекции, которую профессор Харрис уже выводил на доске. Но мысли путались. Перед глазами то и дело возникало лицо Чейза, его мягкая улыбка и то, как его пальцы коснулись моей щеки.

Вдруг тяжелая тень упала на мою тетрадь.

Рейнер зашел в аудиторию за минуту до того, как профессор закрыл дверь. Он не смотрел по сторонам, не улыбался девчонкам, которые тут же зашептались при его появлении. На нем лица не было. Торнтон молча подошел к нашему ряду, бесцеремонно заставил какого-то первокурсника пересесть и рухнул на стул прямо рядом со мной.

Он сел так близко, что его бедро плотно прижалось к моему, а от его куртки повеяло ледяным холодом улицы. Рейнер не достал ни тетрадь, ни ручку. Он просто закинул одну ногу на другую, скрестил руки на груди и уставился на доску невидящим, стеклянным взглядом.

— Рей, ты взял конспект? — тихо спросила я, толкнув его локтем в бок.

Он не ответил. Даже не повернул головы. Его профиль казался высеченным из мрамора — холодный, резкий и абсолютно чужой. Обида и злость волной поднялись у меня в гру-

ди. Ну и пожалуйста. Хочет молчать — пусть молчит.

Прошло около двадцати минут лекции. Я усердно записывала формулы, стараясь игнорировать то, как сильно его присутствие влияет на мой пульс. Атмосфера между нами была настолько наэлектризованной, что, казалось, чиркни спичкой — и всё взлетит на воздух.

Внезапно под столом большая, горячая ладонь Рейнера легла прямо на мое голое колено, открытое короткой юбкой.

Я вздрогнула и едва не выронила ручку. Его пальцы жестко сжались на моей коже, чуть выше коленной чашечки. Это прикосновение было таким, что у меня внутри все завязалось в тугой узел, а по спине прошел мощный разряд тока.

— Рейнер,пусти, — прошептала я, испуганно косясь на профессора Харриса.

Торнтон медленно, очень медленно повернул ко мне голову. Его серо-стальные глаза были темными, почти черными. Он не убрал руку. Напротив, его большой палец медленно, с сильным нажимом двинулся вверх по моему бедру, заставляя меня судорожно вздохнуть и до боли вцепиться пальцами в край стола.

— Ты не пойдешь с ним, Зефир, — тихо, но так веско прошептал он, что его низкий голос прошел меня до самых костей. — Я не разрешаю.

— Ты мне не парень, Торнтон, чтобы разрешать или запрещать, — огрызнулась я, хотя мой собственный голос предательски дрожал от той бешеной химии, которая сейчас ис-

крила между нами под столом. Я попыталась сбросить его руку, но он лишь крепче сжал мое бедро, заставляя меня вспыхнуть от кончиков ушей до пят.

— Мне плевать, — процедил он сквозь зубы, приближая свое лицо к моему так близко, что я видела, как расширены его зрачки. — Кем бы я ни был, ты никуда с ним не пойдешь. Считай это моим предупреждением, Миллер.

Он резко отдернул руку, пряча её в карман куртки, и снова отвернулся к доске, оставляя меня сидеть с пылающим лицом и бешено колотящимся сердцем.

Глава 4

До Хэллоуина оставался почти месяц, но мой шкаф уже напоминал поле боевых действий. В комнате тихо играл какой-то инди-плейлист, а я, стоя перед зеркалом в облегающем трикотажном платье, всю крутилась и пыталась понять, насколько выгодно оно подчеркивает фигуру.

Мои мысли были полностью заняты Чейзом Девенпортом. Я перебирала в голове варианты нарядов, отчаянно размышляя, как произвести на него впечатление и понравиться еще сильнее. Бабочки в животе устраивали настоящий бунт при одном воспоминании о том, как его пальцы заправляли мне прядь за ухо, обжигая кожу прохладной нежностью. Мне хотелось быть красивой для него. Хотелось этой книжной, правильной романтики, где парень смотрит на тебя так, словно ты — центр его вселенной.

Из любовных размышлений меня бесцеремонно вырвал резкий, настойчивый звонок в дверь.

Я вздрогнула и бросила взгляд на настенные часы. Стрелки плавно приближались к одиннадцати ночи. Кого там принесло в такой час?

Я подошла к двери, щелкнула замком, и стоило мне потянуть ручку на себя, как в прихожую, едва удерживая равновесие, буквально упал Рейнер. Он навалился на меня всей своей огромной, тяжелой тушей, обдав убойным запахом креп-

кого алкоголя и табачного дыма.

— Эй! Ты с ума сошел?! — тут же возмутилась я, упираясь ладонями в его твердую, как каменная плита, грудь, чтобы мы оба не полетели на пол.

Кое-как, кряхтя и ругаясь под нос, я дотащила этого стокилограммового хоккеиста до гостиной. Рейнер с глухим стоном грохнулся на диван лицом вниз, раскинув мощные руки в стороны. Я шумно выдохнула, вернулась в коридор, закрыла входную дверь на все замки и, вернувшись, встала над ним, сурово сложив руки на боках.

— И-и-и... Что на этот раз, Торнтон? — требовательно спросила я.

За все долгие годы нашей дружбы я видела Рейнера по-настоящему пьяным всего два раза. Первый раз — после смерти его мамы, когда нам было по шестнадцать. Тогда он сидел со мной на скамейке в парке, глушил дедовский виски из горла, а потом его знатно стошнило прямо на мои новые кроссовки. Второй раз — на его восемнадцатилетие. Он на спор опрокинул в себя целую бутылку бурбона после того, как изрядно попил пива с парнями из команды, и в итоге испортил мою любимую кофту, которая мирно лежала на шезлонге у бассейна.

Помятуя о его богатом алкогольном анамнезе, на этот раз близко подходить к дивану я не стала. Безопасная дистанция — залог сохранности моих вещей.

Рейнер с трудом перевернулся на бок, приоткрыл один по-

мутневший глаз, лениво окинул меня долгим взглядом с ног до головы и едва заметно дёрнул уголком губ. В его расфокусированном зоре скользнуло что-то странное, острое, от чего у меня по спине пробежали мурашки.

— Ты куда-то идёшь? — прохрипел он, кивая на мое платье, которое я так и не успела снять.

— Нет, просто... примеряю кое-что, — буркнула я, чувствуя, как щеки снова заливает глупый румянец. — Так что случилось? Не говори только, что тебя бросила очередная девица.

Рейнер издал хриплый, утробный смешок, утыкаясь носом в подушку:

— Ты же знаешь, Зефир... они меня не бросают.

— Да-да, конечно. Потому что ты у нас весь такой крутой, незаменимый мачо, — закатила я глаза, направляясь на кухню, чтобы заварить этому хоккеисту самый крепкий, убойный кофе, на какой только способна моя кофемашина.

Когда я вернулась в гостиную с дымящейся чашкой, Рейнер уже успел принять вертикальное положение. Правда, сидел он, тяжело откинув голову на спинку дивана и прикрыв глаза, словно само нахождение в пространстве давалось ему с колоссальным трудом.

— На, держи, — я протянула ему кофе.

Торнтон тут же вздёрнул голову, сфокусировал на мне мутный взгляд и аккуратно принял кружку. Я вздохнула и села на противоположный край дивана, поджав под себя од-

ну ногу.

— Ну? Что случилось-то? Какого черта ты решил так напиться в самый разгар тренировок? Ты же капитан, Рей.

— Отец прислал сообщение, — глухо отозвался Рейнер, глядя на черную поверхность жидкости в чашке. — Через неделю мы летим в Нью-Йорк. На три дня. Какая-то закрытая сделка с инвесторами и благотворительный вечер, где я обязан светить лицом рядом с ним. Костюмы, фальшивые улыбки, вот это всё.

— И ты из-за этого так накидался? Seriously? — я удивленно округлила глаза.

В ответ Рейнер лишь лениво и тяжело дёрнул одним плечом. Вверх и вниз. Наш дурацкий жест. *«Полный отстой»*.

— О нет, даже не делай так сейчас! — тут же возмутилась я, забирая у него из рук чашку, пока он её окончательно не выронил на ковер. — Это действительно неприятно, Торнтон. Только отстой не то, что тебя заставляют лететь, а то, что ты творишь со своим телом перед важными матчами. Я думала, у тебя случилось что-то по-настоящему серьезное, к примеру как...

Я внезапно запнулась, не решаясь произнести вслух «как тогда, с мамой». Но Рейнер понял меня без слов. Его челюсть упрямо сжалась.

— Это серьезно, Лив, — тихо проговорил он, и у меня внутри всё болезненно сжалось.

Когда Рейнер Торнтон звал меня не своими дурацкими

кликками, а моим настоящим именем, это означало только одно — его фасад сломан. Ему действительно чертовски паршиво.

— Слушай... ты ведь не думаешь, что всё полетит к чертям всего из-за трех дней? — уже мягче сказала я, пододвигаясь чуть ближе по дивану. — Учеба только началась. Ты всё отыграешь, ты лучший защитник в лиге. Просто поговори с тренером, поставь замену на это время. У всех бывают семейные сложности, он поймет.

— Ты такая глупая, Зефир, — простонал Рейнер, качая головой.

И прежде чем я успела возмутиться, он резко подался в мою сторону и навалился всем телом. Только на этот раз не на подушку. Он бесцеремонно опустил свою тяжелую голову прямо мне на колени, утыкаясь лицом в тонкую ткань моего трикотажного платья.

От неожиданности я замерла, боясь даже вздохнуть. Его горячее дыхание прожгло ткань, опалая кожу моих бедер. Внутри все завертелось в бешеном вихре. Рейнер зарылся лицом сильнее, словно искал во мне спасение от всего мира. Его большая, мозолистая ладонь собственнически, тяжело легла на мое бедро, пальцы слегка сжались, удерживая меня на месте и не позволяя подняться. От этого прикосновения у меня перехватило дыхание.

— Эй! Ты что, собираешься тут ночевать? — я попыталась приподняться, но у этого пьяного была слишком тяже-

лая хватка.

— Я уже сплю, Зефирка... Прекрати кричать, у меня раскалывается башка, — пробормотал он куда-то мне в ногу, и его пальцы на моем бедре расслабились, но руку он так и не убрал.

Я всё же с трудом, стараясь не делать резких движений, вырвалась из-под него, аккуратно переложив его голову на мягкий валик дивана, и поднялась на ноги, тяжело дыша.

— Рейнер, ты не можешь каждый раз приходить сюда и просто спать здесь, когда тебе вздумается! — Я обреченно обвела руками полутемную гостиную, пытаюсь унять бешеный стук сердца. — Ты посмотри вокруг. Ты же почти прописался в моей квартире! В ванной стоит твоя запасная зубная щётка, бритва и гель. В моем шкафу висит пара твоих дурацких огромных толстовок. На кухне — чай, который пьешь только ты. По углам вечно валяются твои клюшки, шайбы, тетради... Если ты так тихонько ко мне переезжаешь, то я официально против!

Конечно же, он ничего не ответил. Рейнер уже мерно и глубоко дышал, окончательно провалившись в тяжелый пьяный сон.

Я лишь устало поджала губы, глядя на его до невозможности красивое и сейчас такое измученное, расслабленное лицо. Вся моя злость улетучилась, оставив после себя только привычную, щемящую нежность. Я опустила на корточки, аккуратно стащила с его огромных ног кроссовки, поставив

их у порога, а затем принесла из спальни теплый плед. Накрыв Торнтона до самого подбородка и осторожно подложив под его голову подушку, я еще несколько секунд постояла рядом, слушая его дыхание.

Мне было безумно жаль его. Мы дружили слишком долго, прошли вместе через слишком многое, и я знала изнанку его идеальной жизни слишком хорошо, чтобы вот так просто взять и прогнать его в ночь.

Переодевшись в пижаму, я вернулась в свою комнату и легла в кровать, но сон не шел. Я лежала в темноте, глядя в потолок, и лениво размышляла о Рейнере. Почему он так упрямо, до зубовного скрежета отказывается работать на своего отца? Наверное, понять его по-настоящему мне было сложно. Я почему-то думала, что ему просто не хочется расставаться с той роскошной, беззаботной жизнью, которая у него была сейчас. Постоянное внимание девчонок, статус хоккейной знаменитости кампуса, абсолютная свобода действий... А там, в огромной корпорации Торнтона-старшего, его ждали вечная бумажная работа, душные костюмы-тройки и жесткая ответственность. А Рейнер и ответственность за миллиардный бизнес — это, по моему твердому убеждению, были две абсолютно несовместимые вещи. Ему нужен был лед, а не офисные стены.

Правда, построить логические цепочки до конца мне так и не удалось. И, конечно же, я не спала всю оставшуюся ночь.

Где-то около половины первого Рейна начало тошнить с

такой непреодолимой силой, что мне пришлось экстренно подпрыгивать с кровати. Оставшиеся три часа я провела сидя над ним в обнимку с пластиковым тазом. Я прекрасно знала, что этот придурок совершенно не умеет пить крепкий алкоголь в таких количествах. Знала, что за каждую подобную выходку судьба выставляет ему суровый счет в виде похмелья, но чтобы так сильно...

— Нет, Торнтон, ты точно после этого дерьма будешь обязан оплатить мою аренду как минимум на полгода вперед, — ворчала я, удерживая его за холодный, покрытый испариной лоб и бережно убирая растрепанные пряди с его лица. Мои пальцы то и дело касались его горячей шеи, и внутри все замирало от странного, запретного чувства. — Я не подписывалась на работу круглосуточной сиделки для заносчивых хоккеистов.

— Прости... Зефирка... — едва слышно прошептал он в перерыве между очередными спазмами, тяжело, со свистом дыша и утыкаясь лбом в край таза. Его плечи мелко дрожали от слабости.

— Боже, он еще и говорить умудряется, — поразила я, качая головой, но аккуратно протягивая ему стакан с прохладной водой, чтобы он мог прополоскать рот. Моя ладонь наткнулась на его подрагивающие пальцы, и мы на секунду замерли, обмениваясь лихорадочным теплом.

В итоге парню стало легче только к четырем часам утра. Алкогольный яд наконец-то покинул его сильное тело, и Рей-

нер, бледный, измотанный и абсолютно обессиленный, рухнул обратно на диван в гостиной, мгновенно отключаясь и утягивая плед на себя.

Я унесла таз, тщательно вымыла руки и устало поплелась в свою комнату. За окном уже начинало едва заметно сереть хмурое осеннее небо Оквуда. Спать оставалось от силы три часа, а на моем лице гарантированно пропишутся такие синяки, что никакой консилер Мии их не замажет.

Но, засыпая и натягивая одеяло до носа, я поймала себя на странной, пугающей мысли: я ни разу за эту адскую ночь не пожалела о том, что открыла ему дверь. И бабочки в моем животе, которые еще вечером порхали от мыслей о Чейзе, сейчас тихо замерли, уступив место тяжелой, тягучей нежности к парню, который спал на моем диване.

Глава 5

Бездушный, мерзкий будильник разразился противным звоном ровно в восемь утра. Моя смена в «Пряничном лате» сегодня начиналась в полдевятого, и я подскочила с постели как ошпаренная. Пары в университете были только с десяти, но я сдуру согласилась подменить Джейка на час.

Я собралась за считанные минуты, на ходу натягивая джинсы и завязывая светлые волосы в небрежный пучок, потому что мне нужно было еще успеть добежать до нашей кофейни у кампуса Оквуда.

Когда я на полной скорости выбежала в гостиную, Рейнера там уже не было. Зато на журнальном столике обнаружился аккуратно свернутый плед, подушка и вырванный из моей лекционной тетради листок, исписанный его размашистым, небрежным почерком. Я схватила бумажку, пробегая глазами по строчкам:

«Зефирка, прости за ночной визит. И за всё, что я мог натворить, потому что я ни хрена не помню. Серьезно, в башке полный белый шум. Если мы переспали, то я полный кретин. Потому что кретин я вдвойне из-за того, что ничего из этого секса не помню. А если у меня вдруг не встал, то, боже, просто никогда мне об этом не напоминай. Твой лучший друг (который сейчас умирает от похмелья на тренировке)».

Я закатила глаза, но так и не смогла сдержать глупого смеха. В этом был весь Торнтон. Даже умирая от жуткого перепоя, он умудрялся пошлить и строить из себя альфа-самца. Покачав головой, я спрятала записку в карман джинсов. Вся эта ситуация заставила меня улыбнуться. Голова гудела от дикого недосыпа, но я мысленно сделала себе жирную зарубку на носу: про эту ночь я ему обязательно напомню. В самый подходящий момент, когда захочу как следует отомстить этому хоккеюге.

В кафе я прибежала вовремя и на чистом автомате успела обслужить добрую половину утренних заспанных студентов, когда в дверях наконец появился Чейз.

Я тут же мысленно прокляла себя за то, что из-за бешеной спешки даже не успела нанести легкий макияж, а под глазами наверняка красовались темные тени после ночного дежурства с пластиковым тазом. Но, судя по ослепительной, довольной улыбке Девенпорта, он этого даже не заметил. Он шел к стойке свободной походкой, лениво приковывая к себе восхищенные взгляды девчонок за столиками.

— Привет, Айри, — проговорил он, облакачиваясь на деревянную столешницу между нами и заглядывая мне прямо в глаза. От него веяло утренней свежестью и безупречной уверенностью.

— Привет, — я улыбнулась, стараясь дышать как можно ровнее. Пульс снова начал предательски частить. — Чего будешь пить? Как обычно, американо?

— Да, пожалуйста, — отозвался он, не разрывая нашего плотного зрительного контакта. — И... как насчет свидания сегодня вечером?

Я немного опешила. Вот так сразу? Прямо у кассы, на глазах у толпы студентов?

Чейз, заметив мою секундную заминку, тут же слегка стусевался, и на его щеках проступили те самые очаровательные ямочки:

— Или у тебя уже кто-то есть? Черт, а я придурок, сразу попер напролом...

— Нет-нет! — тут же перебила я его, смущенно заулыбавшись и чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. — Всё в порядке. Куда пойдём?

— Может, в кино? — предложил он, заметно расслабившись и выдохнув.

— Хорошо, кино я люблю, — отозвалась я, плавно поворачиваясь к кофемашине.

И в этот самый момент над входной дверью пронзительно и громко зазвонил колокольчик. Я обернулась и почувствовала, как внутри всё мгновенно закипает от злости. В кофейню вальяжной, хозяйской походкой заходил Рейнер. И, конечно же, под руку с очередной спутницей в вызывающе коротком наряде.

Я сжала зубы так сильно, что заболели челюсти. Да как он смеет?! У него еще и сил на это хватает! Всю ночь спать мне не давал, хрипел над тазом и умолял о прощении, а сейчас

уже вовсю выгуливает новую страсть! Кобель несчастный.

Чейз, заметив, как я резко изменилась в лице, проследил за моим недовольным взглядом и посмотрел в сторону Торнтона.

— Твой бывший? — небрежно спросил регбист, слегка приподняв бровь.

Я скривилась так, будто разом съела целый лимон.

— Нет. Мы просто дружим. Просто он идиот, — отрезала я, с глухим стуком ставя перед Чейзом стакан с горячим американо.

— Понял, — Чейз мягко улыбнулся, мастерски переводя всё мое внимание обратно на себя, и протянул мне свой навороченный смартфон. — Так во сколько, ты говоришь, освобождаешься? Давай в семь. Я заеду за тобой. Напишешь свой адрес и номер?

Конечно же, я взяла телефон и быстро вбила свои цифры в строку контактов. Чейз тут же сохранил меня, в открытую подписав как «Айри» и добавив смайлик маленькой тыквы. Он сразу же сделал звонок на мой мобильный, чтобы у меня остался его номер, хитро подмигнул и забрал свой стакан.

— Заеду в семь! — крикнул он уже у самого выхода, весело помахав мне телефоном.

— Ладно! — крикнула я в ответ, маша ему рукой и чувствуя, как бабочки в животе снова начинают свой сумасшедший танец.

Я демонстративно уставилась на дисплей кассового аппа-

рата, принципиально отказываясь смотреть в сторону дальнего столика, где сидел Рейнер. Я буквально кожей, каждым волоском на теле чувствовала его дурацкий, тяжелый и жгучий взгляд, направленный прямо на меня. Но никаких идиотских шуток и разборок на сегодня. У меня вечером свидание. Настоящее, с потрясающим парнем. И никто, особенно один заносчивый похмельный хоккеист, этот день мне не испортит.

После утренней смены началась обычная студенческая рутина. В обеденный перерыв мы всей нашей бандой, за исключением Нейтана, у которого была какая-то важная передача по архитектурному проектированию, сидели в шумной столовке кампуса. Вокруг звенели подносы, студенты гудели, а мы болтали, смеялись и лениво ковыряли вилками свои ланчи.

Конечно же, я не выдержала и шепотом поделилась с Мией главной новостью утра — Чейз позвал меня в кино. Реакция Брукс превзошла все ожидания.

— Так, стоп! — Мия бросила свой салат и замахала руками. — Нужно собраться заранее! Я сегодня же заеду к тебе после пар со своими нарядами, потому что всё то, что есть в твоём шкафу, Лив, — это полный отстой для первого свидания.

— Ой, да ладно тебе. Чего это сразу отстой? — раздался прямо над моим ухом ленивый, хриплый голос, и на свободный стул рядом со мной бесцеремонно плюхнулся Рейнер.

От него пахло свежим похмельным душем, мятной жвачкой и дорогим парфюмом. — У нее в шкафу есть очень даже милое чёрное платье. Ну, то, которое до колен.

Я резко повернулась к нему, опалая его самым злым взглядом, на какой только была способна. От его опасной близости по коже пробежала волна жара, напоминая о том, как его голова лежала на моих коленях всего несколько часов назад.

— Торнтон, а тебя там разве не ждёт твоя новая пассия? — ядовито поинтересовалась я. — И откуда ты вообще помнишь длину моих платьев?

— А ты что, ревнуешь уже, Зефирка? — отозвался он, нагло ухмыляясь и без зазрения совести воруя с моей тарелки картошку фри. Он наклонился еще ближе, так что тепло его тела окутало меня, и понизил голос до интимного шепота: — Слушай, если мы вчера всё же переспали, то просто напомни мне об этом сегодня ещё раз, ладно? Я бы с огромной радостью повторил, вместо того чтобы отпускать тебя на какое-то дурацкое кино с регбистами.

Я закатила глаза, чувствуя, как лицо заливает пунцовая краска, а сердце бьется где-то в горле. Рейнер был просто невыносим!

Но самое худшее случилось в следующую секунду. Мия и Итан, которые до этого момента мирно жевали, синхронно замерли. Их глаза округлились до размеров чайных блюдец, а Итан даже выронил свой сэндвич обратно на поднос.

— Вы... чего?! Переспали?! — громко, на добрую половину столовой проговорил Итан, хватаясь за голову. — Нет, только не говорите мне, что вы теперь тоже ванильная парочка! Я же в этой компании один в одиночках умру!

— Боже, нет! Прекрати орать, Картер! — я отчаянно замахала руками, готовая провалиться сквозь землю под дикий хохот Мии. — Никто ни с кем не спал! Просто этот идиот вчера нализался в хлам и рыгал всю ночь у меня в гостиной. А я, как проклятая нянька, до четырех утра вертелась около него с тазом!

Рейнер, который в этот момент как раз решил сделать глоток своего холодного кофе, резко вытаращил глаза, поперхнулся и знатно, оглушительно закашлялся. Его привычная бледность мгновенно сменилась густо-бордовым румянцем, пока Итан и Мия буквально ложились на стол от грохочущего ржача. Главного мачо и бабника кампуса только что публично спустили с небес на землю.

— Миллер... — пробурчал Торнтон, судорожно утирая рот салфеткой и злобно косясь на ржущего во весь голос Картера. — Лучше бы у меня реально не встал, чем этот твой позорный компромат.

Я тоже не выдержала и весело рассмеялась, глядя на его недовольную мину. Ладно, счет за испорченную ночь можно считать частично закрытым.

— Ладно, шутники, я пошла, — сказала я ребятам, поднимаясь из-за стола и подхватывая свой рюкзак. — Мне ещё

нужно родителям позвонить, пока большая перемена не закончилась.

Я сделала шаг от стола, но напоследок обернулась к Рейнеру, который всё ещё пытался вернуть себе невозмутимый, гордый вид:

— И кстати, Торнтон... Я обязательно скажу отцу, что ты совершенно не справляешься со своей миссией. Судя по прошедшей ночи, это я за тобой тут слежу и спасаю твою шкуру, а не ты за мной.

Послав ему воздушный поцелуй, от которого он лишь страдальчески застонал и закрыл лицо ладонями, я поспешила к выходу из столовой.

Часам к пяти вечера моя маленькая съемная квартира на окраине кампуса окончательно превратилась в филиал сумасшедшего дома. Мия всю уже хозяйничала у меня в спальне, устроив на кровати настоящий склад из своих вещей, а парни... парни как ни в чем не бывало оккупировали гостиную, включив приставку. Я понятия не имела, как у них это вообще происходит и почему они вечно собираются именно у меня, словно тут медом намазано.

— Вообще-то, Брукс, мне не нужна была группа поддержки, — отозвалась я, уворачиваясь от подруги, которая в очередной раз пыталась натянуть на меня обтягивающее мини-платье. — Мы просто идём в кино. Обычный сеанс, попкорн, темнота. Ничего такого.

— Конечно-конечно, — саркастично закивала Мия, кри-

тически осматривая мою фигуру. — Сначала в кино, потом на заднее сиденье его машины, а потом к нему в постель. Знаем мы этих регбистов, плавали. И вот это ещё надень!

Она резко развернулась и швырнула в меня роскошный, чертовски откровенный комплект дорогого черного кружевного белья. И надо же было случиться такому совпадению, что стоило мне на лету перехватить эти невесомые кружева, как дверь в спальню без стука с грохотом распахнулась. На пороге нарисовался Итан, а за его широкой спиной маячил Нейтан.

— Эй, Лив, там Рейн доедает послед... — начал было Итан и осекся на полуслове.

Парни замерли как вкопанные, вытаращив на меня глаза. Картинка и правда была специфическая: я стою посреди комнаты в полурасстегнутом платье, а в руках держу комплект, который явно намекал на очень бурное продолжение вечера. Кожа мгновенно покрылась мурашками от их взглядов.

— Ого... — синхронно выдали эти два придурка. Итан восхищенно присвистнул: — Выглядишь здорово, Миллер. Эй, Рейн! Слышь! Тут Лив идёт на свидание вообще без белья! — заорал он на всю квартиру так, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули.

Нейтан рядом с ним просто дико заржал, прислонившись плечом к деревянному косяку.

— Пошли вон отсюда, извращенцы недоделанные! — тут

же визгливо крикнула Мия, хватая с тумбочки большую декоративную подушку и со всего размаху швыряя её в парней.

Где-то в коридоре уже слышались тяжелые, стремительные шаги Торнтона, который, судя по звукам, целенаправленно бежал к моей комнате с набитым рогом и сэндвичем в руке. Но Мия сработала на опережение — она с силой толкнула дверь, и та с оглушительным щелчком захлопнулась прямо перед самым носом Рейнера.

— Мия, твою мать! — донесся из-за двери приглушенный, дико недовольный бубнеж Торнтона. Он явно пытался прожевать мой сэндвич на ходу. — Ты снова всем всё показала, а мне нет! Какого хрена?

— Переживешь! — рявкнула Брукс в закрытую дверь. — На своих моделях посмотришь, Торнтон!

Я лишь искренне расхохоталась, утыкаясь лицом в ладони. С этой бандой остаться загадочной девушкой было просто физически невозможно.

— Слушай, я думаю, это платье — слишком, — проговорила я, критически осмотрев свое отражение в зеркале и принимаясь решительно расстегивать молнию. — Чейз подумает, что я слишком отчаянно пыталась его впечатлить. Это не в моем вкусе.

Но кружевное белье я под одежду всё же передела. Просто так, для собственной внутренней уверенности. Тонкая ткань приятно ласкала кожу. Вместо вызывающего платья я выбрала более комфортный, но стильный вариант: надела

простой облегающий топ, короткую джинсовую юбку, а сверху накинула уютный лонгслив на пуговицах. Мия, конечно, немного поворчала для приличия, но признала, что в этом наряде я выгляжу одновременно чертовски мило и сексуально.

На часах было уже полседьмого. До приезда Чейза оставалось тридцать минут, и мой желудок начал медленно сжиматься от приятного, волнительного предвкушения.

Когда мы наконец вышли из спальни в гостиную, я застала парней в полном составе. Итан и Нейтан сидели на моем стареньком диване, синхронно скрестив руки на груди, с такими важными и суровыми лицами, словно я вышла к ним на международную оценку.

Рейнер сидел чуть поодаль, лениво развалившись в глубоком кресле. Его взгляд скользнул по моим открытым ногам, и я заметила, как на секунду потемнели его глаза, а челюсть упрямо сжалась. Стоило мне сделать шаг вперед, как Нейтан молча поднялся с дивана, с абсолютно серьезной миной подошел ко мне и без лишних слов уверенно вложил мне прямо в ладонь маленький квадратный пакетик контрацептивов.

— Держи, Лив. Мы все прекрасно знаем, чем обычно заканчиваются эти ваши «походы в кино», — усмехнулся он, многозначительно косясь на хохочущую Мию.

— Твою мать, Коул, меня сейчас снова стошнит, — страдальчески простонал из своего угла Рейнер, демонстративно закрывая глаза рукой до побеления костяшек. Вся эта тема

с моим свиданием явно действовала ему на и без того большую после бурной ночи голову. В его голосе сквозила едва сдерживаемая ярость.

Я лишь закатила глаза, чувствуя, как щеки обдает мощным жаром, и быстрым движением закинула этот «сувенир» на самое дно своей сумочки.

— Ну уж нет, Торнтон. Убирать за тобой на этот раз будешь сам, — ехидно отбрила я его. — У меня сегодня свидание, так что крутись как хочешь.

Парни дружно и громко загоготали на всю квартиру. Я накинула легкую куртку, обула любимые кеды и, строго пригрозив этой банде: *«Чтобы бардак мне тут не оставляли!»*, буквально выпорхнула за дверь, улетая на крыльях абсолютного счастья.

Внизу меня уже ждал Чейз.

Глава 6

Я выбежала из дверей подъезда, на ходу застегивая молнию легкой куртки. Вечерний воздух Оквуда уже приятно, ободряюще охлаждал кожу, смывая остатки дневного напряжения. Чейз ждал меня у своей машины, лениво подпирая плечом водительскую дверцу блестящего черного седана. Стоило ему заметить меня, как его лицо озарила ослепительная улыбка. Глубокие, чертовски привлекательные ямочки на щеках в сочетании с привычной харизмой буквально сводили меня с ума. У меня внутри всё сладко, тягуче сжалось в предвкушении.

— Привет! — тут же отозвалась я, невольно ускоряя шаг.

Чейз оттолкнулся от машины, сделал пару уверенных шагов навстречу и просто, без лишних пафосных разговоров, мягко наклонился и поцеловал меня в щеку. Это было короткое, почти джентльменское прикосновение, но моя кожа в месте контакта его губ словно загорелась, а глупое сердце сделало ощутимый, тяжелый кульбит и ухнуло куда-то в район ребер.

— Привет, Айри. Ты потрясающе выглядишь, — его низкий, бархатный голос окутал меня осязаемым теплом.

Он плавно обошел машину, по-рыцарски открыл передо мной пассажирскую дверь и, дождавшись, пока я усядусь в глубокое кресло, аккуратно её закрыл. В салоне его авто при-

ятно пахло дорогой новой кожей и мятной свежестью. Когда Чейз сел за руль, он негромко включил расслабляющую музыку, и мы поехали по оживленному, залитому неоновыми огнями вечернему городу.

В кинотеатре было шумно илюдно. Мы стояли в длинной очереди у кассы, весело выбирая, какой попкорн взять. Чейз упрямо настаивал на огромном ведре сырного, а я требовала сладкий карамельный. В итоге этот невыносимый регбист просто купил два средних ведра разных вкусов, безапелляционно заявив, что на первом свидании компромиссы не работают.

Сам сеанс прошел для меня как в тумане. Мы смотрели какую-то незамысловатую комедию, постоянно перешептывались в темноте зала, смеялись, а в самые забавные моменты Чейз как бы случайно задевал своим плечом мое. Это мимолетное физическое присутствие отзывалось во мне щеко-чушим током. Напряжение между нами росло с каждой минутой, приятное, будоражащее и заставляющее пульс биться чаще.

После фильма мы решили не ехать сразу обратно. Нам обоим отчаянно не хотелось заканчивать этот вечер, поэтому мы пошли прогуляться по освещенным аллеям парка недалеко от кинотеатра.

— Слушай, а как ты вообще успеваешь и учиться на дневном, и в кофейне вкалывать? — Чейз засунул руки в карманы куртки, с теплой улыбкой глядя на меня сверху вниз. —

Я видел твоё расписание в кураторской. Это же адский, изматывающий график.

— Ну, жить на что-то надо, — я слабо улыбнулась, пиная носком кеда упавший кленовый лист. — Родители помогают, чем могут, но колледж — штука дорогая. Да и мне нравится быть независимой, не хочу висеть у них на шее. Мечтаю после выпуска зацепиться за хорошее место, переехать в мегаполис и заняться администрированием или ресторанным бизнесом. А ты? Твоя жизнь — это только поле, мяч и тренировки?

— Почти, — Чейз хрипло рассмеялся, и в его глазах на секунду промелькнула удивительная, глубокая серьёзность. — Спорт — это моя огромная страсть, сколько себя помню. Отец рано приобщил к нагрузкам. Но перевелся я в Оквуд, если честно, не только из-за сильной программы университета.

— А из-за чего? — полюбопытствовала я.

— Здесь, в паре миль от кампуса, живет моя младшая сестра, — он мягко улыбнулся, и его лицо потеплело. — Она поступила на первый курс медицинского, и ей безумно тяжело дается адаптация в чужом городе. Родители далеко, вот я и решил перевестись поближе, чтобы помогать ей, присматривать и забирать к себе на выходные, когда на нее накатывает тоска по дому.

Я удивленно и с нарастающей теплотой посмотрела на его профиль. Популярный спортсмен, звезда лиги, любимец де-

вушек — и такой заботливый, надежный брат. В моих глазах его акции мгновенно взлетели до небес. Контраст с Торнтоном, который только и делал, что тусовался в домах братств, колол сознание.

Мы болтали обо всем на свете: о дурацких профессорах, о любимой еде, о шрамах. Я совершенно не заметила, как стремительно пролетело время и на город опустилась глубокая прохладная ночь. Кампус уже спал, когда мы наконец замерли около его машины.

Обратная поездка до дома пролетела для нас как одно прекрасное, невесомое мгновение. Мы снова без умолку болтали, шутили и смеялись, обсуждая глупые моменты из фильма. Напряжение, которое слегка сковывало меня в начале вечера, окончательно растворилось. Рядом с Чейзом было удивительно легко, правильно и спокойно.

Где-то на полпути к моему району он внезапно притормозил около небольшого круглосуточного магазинчика, чья неоновая вывеска ярко горела в темноте.

— Подожди меня пару минут в машине, ладно? Я быстро, — улыбнулся он и, не дожидаясь ответа, выскочил на прохладный ночной воздух.

Я удивленно проводила его взглядом. Чейз вернулся действительно быстро. Дверь внедорожника распахнулась, и мне в руки буквально уткнулся огромный, невероятно красивый букет свежих цветов. От них потрясающе, одуряюще пахло весной, сладостью и свежесрезанными стеблями.

— Не стал дарить сразу, подумал, что тебе будет неудобно таскаться с ним в кинотеатре, — Чейз сел за руль, бросив на меня быстрый, слегка смущенный взгляд.

— Боже, Чейз... Спасибо, они просто прекрасны, — я уткнулась носом в прохладные, влажные бутоны, отчаянно пытаюсь скрыть пылающие щеки.

Мое сердце снова пустилось вскачь, выстукивая сумасшедший ритм. Парни еще никогда не дарили мне таких роскошных букетов просто так, без повода, на первом же свидании. Торнтон, если и покупал мне цветы на праздники, то это обычно был какой-нибудь убогий маленький кактус в горшке со словами: *«На, Миллер, он такой же колючий и бесячий, как и ты, ухаживай за ним»*. Контраст был просто разительным, и это заставляло меня чувствовать себя желанной девушкой.

Когда мы наконец подкатили к моему старому кирпичному дому, я еще раз тихо поблагодарила его за вечер и вышла из машины. Конечно же, Чейз не остался сидеть в теплом салоне — он мгновенно заглушил мотор и вышел следом за мной.

Мы постояли у капота под тусклым светом фонаря. Чейз сделал уверенный шаг ближе, полностью сокращая расстояние между нами и вынуждая меня слегка закинуть голову. Его большие ладони аккуратно, бережно перехватили мои пальцы. Мы стояли в полумраке двора, чувствуя дыхание друг друга.

— Слушай, Айри... Пойдешь со мной завтра погулять? После тренировки. Если ты, конечно, не занята в кофейне, — его голос прозвучал неожиданно тихо, с хрипловатой, интимной ноткой.

— Конечно. Я с огромным удовольствием, — я открыто улыбнулась, даже не пытаясь строить из себя недотрогу.

Чейз облегченно, шумно выдохнул, и на его лице снова проступили эти сводящие меня с ума ямочки. Он медленно отпустил мои руки, но вместо того, чтобы отступить, его ладони плавно скользнули вверх, ложась на мою талию и притягивая меня ближе к своему горячему телу.

Я затаила дыхание. Всё вокруг перестало существовать: и холодный ветер, и тусклый фонарь, и качающиеся деревья. Чейз медленно наклонился, и его губы накрыли мои.

Это был не просто мимолетный чмок в щеку. Его поцелуй был мягким, глубоким и невероятно чувственным. Его теплые, влажные губы уверенно сминали мои, пробуя их на вкус, словно ту самую карамель из кинотеатра. По телу мгновенно пронеслась волна жара, заставив колени подогнуться. Внизу живота всё сладко, мучительно стянулось в тугий узел. Я неосознанно подалась вперед, упираясь ладонями в его тяжелую грудь, чувствуя, как бешено бьется его сердце. Чейз углубил поцелуй, его язык слегка коснулся моих губ, заставляя меня издать тихий, едва слышный выдох прямо ему в рот. Моя голова закружилась от этого пьянящего, душного ощущения близости. Тонкое кружевное белье под одеждой

казалось обжигающим.

Когда он медленно, нехотя отстранился, его дыхание было рваным. Он нежно провел большим пальцем по моей нижней, слегка припухшей от поцелуя губе.

— Тогда до завтра, Айри. Напишу тебе днем.

Он отпустил мою талию, но упрямо дождался, пока я дойду до входной двери подъезда, открою её и окажусь в безопасности внутри. И только когда я уже поднималась на свой этаж, эхо донесло с улицы характерный, глухой звук уезжающей машины.

Домой я пришла, когда в квартире уже никого не было. Парни и Мия благополучно испарились, оставив после себя блаженную тишину. На моем лице блуждала дурацкая, абсолютно счастливая улыбка. К моему огромному удивлению, в гостиной и на кухне царил идеальный порядок — банда действительно послушалась меня. Более того, когда я зашла в свою спальню, то обнаружила, что все те горы шмоток, которые я в панике разбросала перед зеркалом, были аккуратно сложены и убраны в шкаф, а мое трикотажное платье ровно расправлено на стуле. Мия определенно была святой подружкой.

Я тяжело, с тихим, изнеможенным вздохом рухнула прямо на диван, бережно прижимая к себе роскошный букет цветов и глубоко вдыхая его сладкий аромат. Я улыбалась как круглая дура, глядя в потолок полутемной комнаты и всё еще чувствуя на своих губах мягкий, будоражащий вкус поцелуя

Чейза.

Этот день не смог испортить никто. У меня было идеальное свидание, завтра меня ждало еще одно, а на моем журнальном столике стояли потрясающие цветы. Жизнь казалась невероятно прекрасной штукой, и я засыпала с твердым ощущением, что наконец-то двигаюсь в правильном направлении. В ту самую зону, где нет места сомнениям.

Глава 7

Моё утро не задалось с самого начала. Бездушный будильник на телефоне почему-то решил не звенеть, и я с треском проспала первую пару.

Выудил меня из глубокого, сладкого сна нежный утренний свет, а истошный крик Мии и оглушительный грохот из прихожей. Я подорвалась на кровати, дико озираясь по сторонам, и обнаружила, что прямо у меня на ногах уже всюю прыгает Брукс, а в дверном проеме спальни, лениво прислонившись плечом к косяку, стоит Торнтон.

Они припёрлись ко мне спозаранку под надуманным предлогом того, что забыли свои лекции. Как их конспекты оказались одновременно в моей закрытой квартире — я понятия не имела. Но если насчет Рейна я ещё могла догадаться (этот придурок вечно бросает у меня свои тетради, шмотки и сумки, когда уходит на очередное свидание, чтобышний раз не попадаться на глаза своему строгому отцу), то вот Мие просто до безумия не терпелось узнать пикантные подробности вчерашнего вечера.

— Ты проспала! — прокричала Мия, безжалостно тормоза меня за плечи. — Вставай, соня! Нас Харрис живьем закопает!

— Боже мой, Брукс, полегче... Как ты вообще вошла в запертый дом? — простонала я, утыкаясь лицом в подушку.

Вместо подруги ответил Рейнер. Он молча, лениво поднял руку и покрутил на указательном пальце связку запасных ключей от моей квартиры. Тех самых, которые я сама лично дала ему на всякий случай пару месяцев назад. В конце концов, Торнтон регулярно, без лишних слов подкидывал мне деньги на оплату этой чертовой коробки, так что я вполне могла считать, что снимаю квартиру наполовину с лучшим другом. С очень богатым лучшим другом, если говорить точнее.

Меня всегда искренне удивляло, почему парень с его безлимитным отцовским кошельком предпочитает проводить столько времени здесь, на окраине кампуса, среди пошарпанных домов и полутемных улочек не самого престижного района Оквуда.

— Слушай, Миллер, может, ты уже переедешь и снимешь нормальную квартиру поближе к экономическому корпусу? — проворчал Рейнер, лениво пряча ключи в глубокий карман своих спортивных брюк. — Тащиться в эту глушь каждый раз после тренировок — один сплошной геморрой.

— Я тебя вообще-то и не просила сюда тащиться, Торнтон, — буркнула я, с трудом принимая сидячее положение и кутаясь в одеяло. — И тебя, между прочим, тоже, — я выразительно посмотрела на зазорное лицо Мии.

— Ой, перестань, — хихикнула подруга, чувствительно хлопнув меня по руке. Её глаза загорелись опасным, за забор заглядывающим любопытством. — Ну как? Выклады-

вай! Чем вы занимались в темноте? У вас уже всё было? Ну, секс? И как он вообще в этом плане? Стоит ли его куртка регбиста таких свеч?

— Боже мой, меня сейчас снова стошнит, — страдальчески простонал Рейнер, демонстративно закатывая глаза и отворачиваясь к окну. Его широкие плечи напряглись.

Я лишь брезгливо скривилась, глядя на его недовольную, уязвленную мину:

— Знаешь что, Торнтон? Если бы меня тошнило от каждой девчонки, с которой гуляешь ты, я бы уже заблевала эту квартиру до самого верха, включая потолок. Сколько ты их сменил за эту неделю? Десять? Или уже сбился со счета?

— Семь, — совершенно серьезно, ровным голосом и без капли стыда отозвался он, поворачивая ко мне лицо.

— Класс! Ты их ещё и считаешь! У тебя там что, журнал специальный с графами, куда ты записываешь их по порядку и выставляешь оценки за поведение?

Рейнер промолчал, лишь упрямо, до скрежета сжал челюсти, но мне и не нужен был его ответ.

— Дурак. Терпеть тебя не могу, — прошептала я, наконец сползая с кровати. — Ну почему в нашей компании один парень попался настолько дефектный? За какие такие грехи вселенной?

— Не переживай, Лив, он у нас в команде держится только ради красивого интерьера, честное слово, — со смешком отозвалась Мия. Она с разбегу плюхнулась прямо в уличной

одежде на мою кровать, нагло закидывая ноги на подушку.

Я лишь устало покачала головой и, подхватив полотенце, направилась в ванную, чтобы попытаться смыть под струями горячей воды этот утренний хаос.

Мы ехали в колледж на огромном внедорожнике Торнтона. Сегодня я демонстративно проигнорировала переднее пассажирское сиденье, которое обычно занимала, и забралась назад. Мне нужно было кровь из носа переписать лекцию по экономике, которую я так удачно проспала, иначе профессор Харрис сожрёт меня заживо на следующем же семинаре.

Огромное человеческое спасибо стоило сказать Итану: этот придурок, вопреки всем законам природы, сегодня дошёл до аудитории вовремя и законспектировал всё до единого слова. Теперь я сидела на заднем сиденье, обложившись тетрадями, и лихорадочно переносила текст с фотографий, которые он скинул мне в мессенджер.

— Боже мой! — внезапно охнула я, едва не выронив капиллярную ручку.

Экран моего телефона замигал как безумный от целой цепочки входящих уведомлений. Заявки в друзья. Причём абсолютно во всех существующих соцсетях сразу. Чейз Девенпорт решил устроить на меня самую настоящую, полномасштабную цифровую атаку.

Мия, сидевшая на переднем сиденье, среагировала со скоростью профессионального военного перехватчика. Она с

грацией дикой кошки перемахнула через спинку сиденья, едва не раздавив мою сумку, и бесцеремонно выхватила мобильник прямо у меня из-под носа.

— Ого-о-о... — протянула Брукс, вовсю листая его открытый профиль. — Нет, Лив, ну он реально красавчик. Ты только посмотри на эти рельефные фотки с предсезонных сборов! Какая фигура!

Через зеркало заднего вида я заметила, как Рейнер тоже косится на светящийся экран. Стоило ему разглядеть лицо кудрявого нападающего регбийной лиги, как он тут же недовольно, брезгливо скривился.

— Ничего особенного, — буркнул Торнтон, крепче, до побеления костяшек сжимая кожаный руль. — Обычный богатенький придурок, который ловит хайп на смазливой роже и ямочках. На поле он сломается при первом же хорошем ударе.

Я со смешком посмотрела на его суровое отражение в зеркале, и наши глаза на секунду встретились.

— Сказал мне главный богатенький придурок нашего кампуса, — безжалостно съязвила я.

— Я не такой, честное слово, — Рейн внезапно мягко, обезоруживающе улыбнулся через зеркало, и в его глазах промелькнули забавные, теплые искорки.

— Конечно, верю, Рейн, — я со смехом хлопнула его по плечу через промежуток между креслами, потянулась вперед и решительно забрала свой телефон из цепких пальцев

Мии. — Кстати, мы сегодня снова идём гулять. На самом деле он оказался очень нормальным. Весёлый, интересный... И, представляешь, так же, как и ты, просто до безумия болеет хоккеем, хоть и играет в регби.

Рейнер на секунду замолчал, а его ленивая ухмылка как-то неестественно, криво застыла на губах. Он резко перестроился в левый ряд, обгоняя плетущийся автобус, и глухо, с непонятным, давящим раздражением произнес:

— Ну и зачем тогда нужно было так всё усложнять, Миллер? Если тебе так сильно нравятся богатые хоккеисты и спортсмены, могла бы просто встречаться со мной. Зачем искать замену?

В салоне на мгновение повисла удушающая, звенящая тишина. Я аж дышать перестала от такой внезапной, эгоистичной логики, чувствуя, как лицо стремительно заливают краской. А затем шумно, обиженно буркнула:

— Ой, заткнись, Торнтон! Слишком много чести!

Мия рядом громко прыснула и буквально покатилась со смеху, держась за живот:

— О боже, Рейн, если бы она встречалась с тобой, это была бы катастрофа вселенского масштаба! Вы бы поубивали друг друга на первой же неделе!

Он зло бросил на подругу быстрый взгляд, но мы всё равно дружно рассмеялись, разряжая обстановку.

— Это точно, — поддакнула я, убирая телефон в карман юбки. — Я бы в твоём огромном списке оказалась где-ни-

будь в самом хвосте, затерявшись посреди остальных твоих длинноногих моделей, и покорно ждала бы своей очереди на свидание раз в полгода.

— Ради тебя я бы выделил индивидуальный, чистый лист в самом начале, Зефирка, — лениво протянул он, снова улыбаясь этой своей дурацкой, самоуверенной улыбкой. Его голос прозвучал низко, бархатно, заставив внутри всё сладко сжаться.

Я лишь выразительно закатила глаза к кожаному потолку машины:

— Знаешь что? Я лучше выпью стакан горячего молока, чем соглашусь на это сомнительное предложение.

И Рейнер мгновенно замолчал. Его улыбку как ветром сдуло, а челюсть напряглась. Он прекрасно знал, что я органически не перевариваю этот напиток. Меня от одного только запаха пенки и теплого молока тошнило в самом прямом, физическом смысле слова с раннего детства, и это была наша общая школьная шутка.

До самого корпуса университета мы доехали в полной, тяжелой тишине. Торнтон больше не шутил, угрюмо глядя на дорогу и крутя руль с такой бешеной силой, будто пытался его сломать прямо на ходу. А я вернулась к конспекту Итана.

Оставшиеся пары пронеслись перед глазами как один сплошной, смазанный туман. Профессора монотонно бубнили у доски, выводя графики, но моё внимание было приковано к экрану мобильного под партой. Чейз всерьез решил

устроить мне сегодня настоящий текстовый спам. Уведомления от него прилетали каждые десять минут, заставляя меня глупо улыбаться.

«Привет, Айри! Как дела на этих унылых лекциях?» — высветилось на экране.

«Всё хорошо, переписываю макроэкономику у Итана. А ты как?» — быстро набрала я, прячась за широкой спиной Картера.

«Думаю, я окончательно сойду с ума, если наши куратор ещё хотя бы раз скажет слово "безопасность" в контексте хэллоуинского бала. Он читает нам лекцию о том, почему на вечеринку нельзя приносить бутафорские топоры и мечи. Скука смертная, спасай меня».

Я тихо рассмеялась прямо в ладонь, а Мия, сидевшая рядом, тут же заговорщически толкнула меня локтем в бок, пытаясь рассмотреть текст на экране.

На этой паре мы наконец-то сидели всей нашей дружной компанией. Мы традиционно заняли самую высокую точку амфитеатра аудитории — самый дальний ряд, откуда открывался идеальный обзор на весь кабинет. С другой стороны от меня сидел Итан. Он, в своей привычной манере развалившись на стуле, тоже вовсю пялился в свой телефон, краем глаза нагло отслеживая мою переписку.

— М-да, Миллер, этот парень явно вообще не умеет нормально общаться с девушками, — авторитетно заявил Итан, знающе поджав губы. — Мог бы просто пожелать тебе доб-

рого утра и прислать какой-нибудь милый мем, а не жаловаться с самого порога на то, как ему, бедняжке, плохо на лекции по безопасности. Размазня.

— Ой, Итан, помолчал бы лучше, — Мия легла грудью на деревянную парту, перегибаясь через меня. — Сам-то ты хоть раз что-нибудь дельное или романтическое написал своей ненаглядной Роуз Пэрри? А? Спортсмен хренов.

Итан мгновенно сдулся и смешно поджал губы, утыкаясь носом в свою девственно пустую тетрадь.

— Писал... — буркнул он обиженно, ковыряя ручкой стол. — Она просто не отвечает. Уже три дня. Наверное, занята на кортах.

— Ну тогда сходи к Рейну на индивидуальный секретный семинар по теме *«Как правильно кадрить девчонок кампуса»*, — со смешком отозвался Нейтан, который сидел с другого бока от Мии, нежно перебирая пальцами её волосы. — Наш Торнтон в этом деле явный сертифицированный спец. Диплом может защищать без подготовки.

Рейнер, сидевший с самого края — по правую руку от Итана, — даже не оторвал взгляда от своего телефона, в котором лениво листал какую-то спортивную хоккейную сводку. Он выглядел отстраненным.

— Нет у меня такого семинара, Коул, — глухо и абсолютно безучастно бросил он, даже не улыбнувшись нашей обычной шутке. — В моей программе есть только один краткий курс: *«Как в полной темноте быстро снять с неё кружевное*

белье».

В аудитории над нашей партой повисла секундная, удушающая тишина. Мия прыснула, прикрыв рот ладонью, а я почувствовала, как у меня от его пошлой, наглой шутки к щекам прилил мощный заряд тока.

— Боже мой! — я в сердцах с грохотом захлопнула тетрадь по экономике и зло уставилась на парней. — Может, вы трое вообще отсыдете от нас на другой ряд? С вами просто невозможно находиться в одном помещении! Извращенцы!

Парни лишь заговорщически, довольно переглянулись, и даже на угрюмом лице Рейнера наконец-то промелькнула мимолетная, сытая ухмылка хищника. Он лениво убрал телефон в карман худи и уставился на доску, делая вид, что он здесь самый прилежный и внимательный студент.

Глава 8

Мы выходили из душевной аудитории под раскатистый голос преподавателя, который пытался перекрычать шум собирающихся студентов:

— И не забывайте, скоро Хэллоуин! Готовьте костюмы! И Торнтон, — профессор Харрис грозно наставил палец на нашего защитника, — вы больше не будете приглашены на бал, если снова додумаетесь подлить в общий пунш крепкий алкоголь! Студенческий совет до сих пор отмывает репутацию!

— Это был не я, профессор, у вас нет доказательств, — лениво отозвался Рейнер через плечо, даже не замедляя своего размашистого шага.

Итан рядом со мной тут же дико заржал на весь коридор, потому что в тот год организатором этой грандиозной диверсии был именно он.

— Согласитесь, это было чертовски круто! — проговорил Картер, собственнически и тяжело закинув свою руку мне на плечи, пока мы шли по заполненному коридору корпуса.

— Это точно, — согласились все мы, дружно посмеиваясь. Правда, та история закончилась легендарно. — Жаль только, что тихоня-ботаник Уэнсди перенесла то празднество так сурово, что наутро очнулась в одной постели с Картером-младшим из параллельного курса. Бедная девочка до

сих пор заикается при виде хоккеистов.

Мы снова громко рассмеялись на весь этаж, привлекая внимание, вспоминая шокированное лицо бедной отличницы.

Но наш веселый гул оборвался в ту же секунду, когда на крутом повороте у лестницы нам навстречу из коридора вышел Чейз. Вся наша банда тут же замерла как по звуку сирены. Он выглядел потрясающе: на нем были удобные спортивные штаны и легкая куртка с эмблемой регби, а на плече висела огромная, массивная сумка со снаряжением. От него веяло той самой уверенностью, которая вчера пленила меня в парке.

— Привет всем, — Чейз открыто, тепло улыбнулся ребятам, удерживая взгляд на мне.

Парни сдержанно, едва заметно кивнули в ответ — у хоккеистов сейчас как раз должна была начаться предсезонная раскатка, и все мыслями уже были на льду. Атмосфера мгновенно сгустилась. Итан тут же поспешно убрал руку с моего плеча и заложил ладони в карманы, переводя настороженный взгляд с Чейза на Рейнера, который внезапно стал мрачнее самой глубокой грозовой тучи.

— Вы идите в раздевалки, я вас догоню, — быстро проговорила я друзьям, останавливаясь у кирпичной стены.

Мия хитро, понимающе подмигнула мне, утягивая за собой Нейтана, а Рейнер... Рейнер прошел мимо Чейза так близко, что они едва не столкнулись широкими плечами.

Торнтон даже не повернул головы, устремив ледяной, уничтожающий взгляд строго вперед.

Я осталась стоять с Чейзом в стороне от основного, шумного потока студентов.

— Ну как? Как прошла твоя лекция о безопасности на Хэллоуине? — с мягкой улыбкой спросила я, заглядывая в его теплые глаза.

Чейз тихо и очень нежно рассмеялся, перекидывая ремень тяжелой сумки поудобнее:

— О, это было суровое, изматывающее испытание для моей неокрепшей психики, Айри. Куратор сорок минут с серьезным лицом объяснял, что если кто-то придет в костюме зомби или вампира, то бутафорская кровь не должна пачкать дорогую обшивку диванов в главном холле. Я сидел на первом ряду и думал только о том, как хочу поскорее сбежать оттуда. К тебе.

Мои щеки мгновенно обдало приятным, сладким жаром от его неприкрытого, смелого флирта. На губах фантомно отозвался вкус вчерашнего поцелуя.

— Всё в силе на сегодняшний вечер? — тихо спросил он, делая уверенный шаг ближе и внимательно всматриваясь в мое лицо.

— Да, конечно, — я кивнула, чувствуя, как внутри снова начинают порхать те самые глупые, сумасшедшие бабочки.

— Ты придешь сейчас на нашу тренировку на поле? — Чейз с надеждой приподнял бровь. — Мне бы очень помогла

твоя поддержка на трибунах, Айри.

— Оу... прости, сегодня точно не получится, — я виновато поджала губы, искренне сожалея. — Мне кровь из носу нужно подготовиться к завтрашней сложной практике по макроэкономике, иначе Харрис меня просто отчислит. Я проспала лекцию.

— Эй, всё в порядке, учеба всегда на первом месте, я всё понимаю, — абсолютно искренне и нежно проговорил он, ни капли не обидевшись. Он протянул руку и слегка, мимолетно коснулся моих пальцев, пуская по коже разряд тока. — Тогда я напишу тебе сразу, как закончу возиться с мячом. Получится где-то в районе шести вечера. Заеду за тобой.

— Отлично, буду ждать, — кивнула я.

Чейз мягко улыбнулся, наклонился и быстро, но так трепетно, собственнически чмокнул меня в губы прямо посреди людного перехода. Краткий, но безумно сладкий контакт заставил мои колени на секунду задрожать.

— До вечера, Айри, — проговорил он и направился дальше по коридору, к выходу на стадион.

Кажется, в этот момент весь коридор просто замер и тарасился на меня. Студенты оборачивались, девчонки с параллельного курса завистливо шушукались, глядя на то, как главный новичок сезона открыто проявляет ко мне интерес. Я смущенно заправила выбившиеся светлые волосы за ухо, поправила лямку рюкзака и на полной скорости побежала догонять своих ребят, которые ушли вперед.

Мы всей толпой дошли до массивных двойных дверей, ведущих к ледовой арене. Из-за них уже отчетливо тянуло приятным холодом и запахом свежего льда. Парни начали на ходу перестраиваться в суровый спортивный режим, но перед самым входом в раздевалку Рейнер резко затормозил.

Он без лишних слов стянул с плеча рюкзак с тетрадками и бесцеремонно протянул его мне.

— Зефирка, поддержи у себя до вечера, ладно? — лениво попросил он, упрямо глядя на меня сверху вниз своим тяжелым взглядом. — Заеду потом и заберу. Чтобы мне с ним в корпусе не таскаться.

Я выразительно закатила глаза к самому потолку, но баул всё же послушно перехватила.

— Торнтон, у меня от твоих вещей дома скоро целая гора образуется! Склад устроил! — в сердцах заворчала я, с трудом поправляя лямку его баула. — Из-за тебя ко мне ни один нормальный парень домой не придет, потому что ты везде оставил свой след! У меня вся квартира уже пропахла твоим можжевельником и хоккеем!

Рейнер на это эмоциональное заявление лишь хмыкнул, а в его взгляде промелькнула странная, довольная искорка. Он словно именно этого и добивался — заявить свои права на моё пространство. Он медленно развернулся и вместе с Нейтаном и Итаном зашагал вглубь прохладного коридора раздевалок.

— Ладно, ребят, до завтра! — крикнула я им вдогонку,

собираясь наконец развернуться в сторону выхода.

И в этот самый момент Мия, стоявшая в дали, сложила ладони рупором и во всё горло, оглушительно заорала на весь эхо-коридор вслед парням:

— Лив, просто подари ему свои трусики на память! Чего мелочиться-то с рюкзаками?!

Я замерла на месте, готовая провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Студенты вокруг удивленно обернулись, а из глубины коридора донесся громогласный, дикий и победный ржач Итана и Нейтана. Рейнер, судя по всему, тоже знатно оценил шутку, потому что даже со спины было видно, как весело и широко дрогнули его плечи. Я лишь обреченно покачала головой, крепче вцепившись в его рюкзак, который пах льдом и можжевельником. С этой безумной бандой моя репутация приличной девочки была обречена на полный провал.

Дома я была уже к пяти вечера. Оставив рюкзак Рейнера в гостиной прямо по центру дивана, я первым делом сбросила кеды и побежала в душ, чтобы смыть с себя липкую усталость этого сумбурного университетского дня. После этого я быстро перекусила, но, замешкавшись на крошечной кухне, по привычке приготовила небольшой полноценный ужин.

Я прекрасно знала этого прожорливого, вечно голодного хоккеиста: если Рейн зайдет за вещами по своему запасному ключу, пока меня нет дома, он гарантированно подчистит в моем холодильнике абсолютно всё, что попадется ему под

руку, включая остатки вчерашнего йогурта. Так что пусть лучше ест то, что я сознательно оставляю для него на плите. Я сделала легкий витаминный салат и приготовила запеченную куриную грудку с овощами — идеальный вариант, сытный и совсем не вредный для спортсмена, строго следящего за режимом перед субботним матчем. Сама не понимая зачем, я накрыла сковороду фольгой, чтобы еда дольше оставалась теплой.

Как раз около шести вечера на дисплее телефона загорелось новое сообщение от Чейза. Он написал, что освободился после тяжелой тренировки, и пообещал заехать за мной ровно в семь, как только успеет заскочить к себе в дом братства, принять душ и скинуть спортивные вещи. Куда именно мы поедem в этот туманный вечер, он мне так и не сказал, намеренно сохранив интригу.

Да это было, впрочем, и не важно. Рядом с Чейзом я чувствовала себя как-то по-особенному: защищенной, хрупкой и по-настоящему нужной. Я даже сама толком не могла понять почему, ведь мы были знакомы всего ничего, и это была наша вторая полноценная прогулка. Внутри шевелилось легкое, пугающее опасение: мне казалось, что всё между нами начинается уж больно как-то быстро, стремительно, словно лавина. Словно я нарушаю свои собственные правила недоtroги.

И именно в этот момент моих тревожных размышлений на экран прилетело новое смс, но уже от Рейнера:

«Заеду в 9», — лаконично, почти приказом отозвался он.

«Ладно, без проблем, но меня не будет дома», — быстро отстукала я в ответ, кусая губы.

На это сообщение он ничего не ответил. Статус остался «прочитано». Я раздраженно отбросила телефон на кровать и принялась наконец одеваться. Погода на улице сегодня была на удивление теплой для поздней осени, поэтому я решила оставить привычные джинсы в шкафу. Вместо них я надела свое любимое легкое платье чуть выше колена, мягко подчеркивающее талию, а сверху накинула джинсовую куртку. Тонкое кружевное белье под нарядом приятно ласкало кожу, добавляя уверенности.

Оставалось совсем немного времени до семи. Сердце снова взволнованно, оглушительно застучало в груди, когда внизу, прямо под моими окнами, послышался знакомый, короткий автомобильный гудок. Чейз приехал.

Я выбежала из подъезда, поправляя подол платья, и тут же замерла на крыльце. Около обочины стояла совершенно другая машина — на этот раз это был новенький, глянцевого красного внедорожник, который буквально приковывал к себе взгляды редких прохожих. Сам Чейз стоял ря-

дом, небрежно скрестив руки на груди. Он был одет максимально просто: классические темные джинсы и белоснежная футболка, которая выгодно подчеркивала его крепкие плечи. Глядя на него, я невольно прикусила губу. Я бы не сказала, что прямо нарядилась, но в этот момент мне остро показалось, что, наверное, тоже стоило остаться в привычных джинсах. Слишком уж я выбивалась из его простого, домашнего стиля.

Но стоило Чейзу повернуться ко мне, как все мои сомнения улетучились. Его глаза загорелись таким искренним восторгом, что бабочки в моем животе устроили очередную революцию.

— Привет, Айри, — он сделал шаг навстречу и снова нежно поцеловал меня в щеку. Его губы были теплыми, а пальцы, как и в прошлый раз, аккуратно заправили выбившуюся светлую прядь мне за ухо. — Как дела? Успела отдохнуть?

— Привет, — я кивнула, чувствуя, как глупо улыбаюсь. — Всё отлично, практику переписала.

Чейз понимающе улыбнулся, обнажая свои фирменные ямочки, обошел внедорожник и открыл передо мной пассажирскую дверь.

Это свидание получилось совершенно непохожим на наше первое напыщенное кино. Чейз отвез меня за город, к огромному пустынному пляжу. Солнце уже медленно клонилось к горизонту, окрашивая воду в нежно-розовые и золотистые тона. Мы разулись, взяли кеды в руки и долго шли

вдоль кромки воды, слушая тихий шум прибоя. Прохладный песок приятно щекотал ступни, а теплый ветер развеивал подол моего платья. Мы снова много болтали о жизни, делились историями из детства, вспоминали школьные неловкие моменты и обсуждали наши интересы. С Чейзом было удивительно легко — он не пытался казаться кем-то другим, он просто был собой.

Когда мы изрядно проголодались, он не повез меня в дорогой элитный ресторан, как сделал бы любой другой мажор кампуса. Вместо этого мы припарковались у небольшого, ярко освещенного фургончика с уличной кухней на набережной. Чейз сам сбегал к окошку и вернулся с двумя огромными, сочными хот-догами и холодным лимонадом. В этот момент, когда он весело рассказывал какую-то байку из раздевалки, параллельно пытаясь аккуратно откусить огромный кусок и не капнуть соусом на свою белую футболку, он окончательно покорила меня. В нем не было ни капли заносчивости или высокомерия, которые так часто приписывают главным звездам университета.

Чуть позже мы перебрались на пустую парковку у обрыва, откуда открывался потрясающий вид на догорающий закат. Чейз запрыгнул на капот своего красного внедорожника и протянул мне руку, помогая забраться повыше и сесть рядом. Небо полыхало багровыми красками. В моих руках был зажат сладкий петушок на палочке — Чейз купил его мне в том же фургончике ради шутки.

Некоторое время мы сидели в уютной тишине, наслаждаясь моментом. Внезапно Чейз повернулся ко мне, и его лицо стало непривычно серьезным.

— Слушай, Айри... — тихо начал он, внимательно вглядываясь в мои глаза. — Я знаю, что, может, всё это и слишком быстро происходит между нами. Я и сам, честно говоря, удивлен. Обычно я долго присматриваюсь к людям. Но... ты мне реально очень нравишься. С самой первой секунды, когда я увидел тебя за стойкой кофейни.

Мое сердце глухо ухнуло и, кажется, вообще перестало биться. Я так и замерла на месте с этим дурацким леденцом на палочке в руке, не шевелясь.

— Может, это любовь с первого взгляда? — Чейз мягко улыбнулся, но в его теплых глазах читалось волнение. Он не врал. Я видела в нем абсолютную, пугающую серьезность.

Прежде чем я успела хоть что-то ответить, он плавно протянул руку, аккуратно взял меня за подбородок и большим пальцем нежно провел по уголку моих губ. Видимо, я умудрилась испачкаться соусом от хот-дога, пока засматривалась на закат. От этого интимного, заботливого жеста я окончательно смутилась, чувствуя, как щеки вспыхивают пунцовым цветом.

Чейз не убирал руки. Его пальцы мягко оглаживали мою скулу. Он ждал ответа.

— Ты... станешь моей девушкой, Айри?

В моей голове пронеслось сумасшедшее: *«Да, конечно, я*

согласна!» Господи, сам Чейз Девенпорт, лучший нападающий лиги и мечта всего кампуса, сидит на капоте машины и предлагает мне встретаться. В это верилось с огромным трудом. И плевать, что всё развивалось так стремительно. Я смотрела на его открытое, честное лицо и понимала, что хочу довериться этому чувству.

Я заворуженно посмотрела в его глаза и... просто согласно кивнула, соглашаясь на эту безумную, красивую неизвестность.

Чейз подался вперед, сокращая последние дюймы между нами. Он на мгновение замер на опасном расстоянии, едва касаясь моих ресниц своим дыханием, словно бережно проверял — оттолкну я его или нет. Мое сердце зашло в бешеном ритме, и я осталась неподвижной, не в силах пошевелиться.

А затем он всё же аккуратно прикоснулся к моим губам. Этот нежный, едва ощутимый поцелуй заставил меня затаить дыхание. Я была совершенно не опытна в подобных откровениях — за всю мою жизнь нормальных, взрослых отношений у меня толком и не было. Чейз, видимо, сразу понял это по моей скованности. Он отстранился на долю секунды, слегка улыбнулся своими мягкими губами и еще ближе притянул меня к своему теплему телу.

— Просто расслабься, Айри, — бархатно проговорил он мне прямо в губы.

И я беспрекословно подчинилась. В тот миг я была готова

подчиниться ему во всём, лишь бы он не переставал обнимать меня и дарить это невероятное, кружащее голову тепло.

В темноте перед глазами внезапно вспыхнуло глупое, старое воспоминание из прошлого. Нам тогда было по пятнадцать лет. Мы собрались большой компанией у кого-то дома на каникулах и играли в бутылочку, как делают абсолютно все обычные подростки. Горлышко указало на нас, и по правилам игры нас закрыли в тесном, темном шкафу для одежды, где мы должны были просидеть несколько минут и поцеловаться.

Мой самый первый в жизни поцелуй забрал Рейнер. Он уже тогда был опытным, не по годам развитым парнем — красивым, завидным школьным мальчиком, который всюду крутил романы и всюду гулял с девчонками из старших классов. Оказавшись в темноте шкафа среди чужих курток, Рейн сначала просто предложил мне сжалиться над моей паникой: *«Миллер, расслабься. Давай просто постоим здесь положенное время, и никто ничего не узнает»*. Я, конечно, с облегчением согласилась.

Мы смотрели друг на друга в полумраке, он что-то тихо шептал, пытаясь глупо шутить и разбавить мое дикое смущение. А потом... потом он всё же не выдержал, наклонился и поцеловал меня. Это был обычный, легкий поцелуй, совсем не по-взрослому, просто прикосновение губ к губам. Но я тогда так жутко смутилась, что замерла на месте как деревянная шпала, не зная, куда деть руки. Рейнер лишь тихо

хмыкнул и перед тем, как толкнуть дверь и выйти к ребятам, бросил через плечо: *«По твоему лицу будет слишком видно, что мы не целовались, Зефирка. А нам нужно сделать вид, что было»*. И с тех самых пор я его больше никогда не подпускала к себе близко, а он в отместку вечно надо мной прикалывался.

Но сейчас, на капоте красного внедорожника, всё было совершенно иначе.

Я отбросила старые мысли и попыталась уловить каждое мимолетное движение Чейза, подстраиваясь под его ритм. Его поцелуй был глубоким, детальными настолько чувственным, что его не с чем было сравнить — казалось, я просто парю где-то высоко в облаках или пью ледяной, покалывающий язык лимонад в невыносимую жару. Я была уверена, что у него во рту остался сладкий привкус моего медового петушка на палочке, но Чейз даже не обращал на это внимания. Его язык уверенно, но безумно бережно проник в мой рот, исследуя и подчиняя себе.

Я полностью отдалась этому моменту, теряя связь с землей. В какой-то момент я обнаружила, что уже сижу прямо у него на коленях, обвивая его талию ногами и робко зарываясь пальцами в его прохладные, мягкие темные кудри. Мои щеки, уверена, покраснелись до невозможного пунцового цвета, и оставалось только радоваться, что на улице уже окончательно стемнело и Чейз не видел моего смущения.

Когда воздух в легких окончательно закончился, он плав-

но оторвался от моих губ первым. На его лице играла теплая, торжествующая и очень нежная улыбка.

— Не будем торопиться, — тихо проговорил он, тяжело дыша и бережно поглаживая меня по спине через джинсовую куртку. — Я не хочу смущать тебя ещё больше, Айри.

— Да, ладно... — прошептала я, улыбаясь в ответ и пытаюсь аккуратно слезть с его колен, чтобы унять дрожь в теле.

Но Чейз не позволил мне уйти. Он удержал меня за талию, просто сильнее прижимая к своей груди в крепких, надежных объятиях, и еще раз коротко, собственнически поцеловал меня в самый уголок губ. Мы сидели под ночным небом, и я чувствовала себя самой счастливой девчонкой во всем этом чертовом кампусе.

Когда красный внедорожник наконец затормозил у моего дома, ночь уже окончательно вступила в свои права. Наш двор был пуст, и лишь тусклый желтый свет одинокого уличного фонаря пробивался сквозь кроны деревьев.

Чейз заглушил мотор, проводил меня до крыльца, и там, стоя у самого подъезда в густой тени навеса, мы просто не могли отлипнуть друг от друга. Время словно остановилось. Все мои страхи о том, что всё развивается слишком быстро, окончательно растаяли под его теплыми ладонями, которые уверенно покоились на моей талии.

Мы снова и снова целовали друг друга. На этот раз у меня уже получалось гораздо лучше: я больше не замирала деревянной шпалой, а смело отвечала на его движения, пол-

ностью растворяясь в моменте. Этот поцелуй был тягучим, глубоким и безумно пьянящим. Весь мир вокруг перестал существовать, сузившись до стука наших сердец и тяжелого, прерывистого дыхания на двоих.

— Добрых снов, солнышко, — тихо проговорил Чейз, когда мы наконец неохотно отстранились друг от друга. Его голос откровенно хрипел, а в потемневших глазах плясали опасные искорки.

— Добрых, — едва слышно отозвалась я.

Дыхание полностью закончилось, а мои губы горели и заметно опухли от долгих, накаленных поцелуев. Чейз еще раз мягко коснулся ладонью моей щеки, нежно провел большим пальцем по нижней губе и, дождавшись, пока я скроюсь за тяжелой дверью подъезда, не спеша пошел обратно к своей машине.

Я поднималась по ступенькам на свой этаж, чувствуя себя так, словно парю в невесомости. В голове до сих пор стоял туман, а во рту отчетливо оставался сладкий привкус того самого медового леденца. На моем лице блуждала глупая, мечтательная улыбка. Я была абсолютно, безоговорочно счастлива.

Глава 9

Я выбежала из дверей подъезда, на ходу нетерпеливо поправляя подол своего легкого платья, и тут же замерла на каменном крыльце. Около обочины стояла совершенно другая машина — на этот раз это был новенький, глянцевого красного внедорожник, который своим хищным силуэтом буквально приковывал к себе удивленные взгляды редких прохожих. Сам Чейз стоял рядом, небрежно скрестив руки на груди и подпирая плечом массивный капот. Он был одет максимально просто: классические темные джинсы и белоснежная облегающая футболка, которая выгодно, рельефно подчеркивала его крепкие, широкие плечи спортсмена.

Глядя на него, я невольно, судорожно прикусила нижнюю губу. Я бы не сказала, что прямо наряжалась, но в этот момент мне остро, до паники показалось, что, наверное, тоже стоило остаться в привычных, потертых джинсах. Слишком уж я выбивалась своим летящим подолом из его простого, по-домашнему уютного стиля.

Но стоило Чейзу повернуться на звук моих шагов, как все мои глупые девичьи сомнения мгновенно улетучились. Его глаза загорелись таким искренним, неприкрытым восторгом, что несчастные бабочки в моем животе устроили очередную масштабную революцию.

— Привет, Айри, — он сделал широкий шаг навстречу и

снова мягко, нежно поцеловал меня в щеку. Его губы были обжигающе теплыми, а пальцы, как и во время нашей первой встречи у кассы, аккуратно, бережным движением заправили выбившуюся светлую прядь мне за ухо. — Как твои дела? Успела отдохнуть после утренней суматохи?

— Привет, — я кивнула, чувствуя, как лицо расплывается в глупой, счастливой улыбке. — Всё отлично, сложную практику по экономике переписала. Конспект Итана меня спас.

Чейз понимающе улыбнулся, обнажая свои фирменные, обезоруживающие ямочки на щеках, плавно обошел внедорожник и по-джентльменски открыл передо мной пассажирскую дверь. В салоне пахло дорогим парфюмом и свежестью.

Это свидание получилось совершенно непохожим на наше первое, слегка скованное кино. Чейз увёз меня далеко за город, к огромному, пустынному в этот будний вечер песчаному пляжу. Солнце уже медленно, лениво клонилось к горизонту, окрашивая бескрайнюю гладь воды в нежно-розовые, перламутровые и золотистые тона. Мы разулись прямо у кромки асфальта, взяли свои кеды в руки и долго, не торопясь шли вдоль набегающих волн, слушая тихий, успокаивающий шум прибоя. Прохладный влажный песок приятно щекотал ступни, а теплый загородный ветер то и дело поднимал и развеивал подол моего тонкого платья.

Мы снова без умолку много болтали о жизни, делились сокровенными историями из детства, со смехом вспоминали школьные неловкие моменты и бурно обсуждали наши вкусы

в музыке. С Чейзом было удивительно, непривычно легко — он не пытался казаться кем-то другим, не врубал режим пафосной знаменитости, он просто был собой.

Когда мы изрядно проголодались, он не повез меня в дорогой элитный ресторан, как сделал бы любой другой избалованный мажор нашего кампуса, привыкший сорить родительскими деньгами. Вместо этого мы припарковались у небольшого, ярко освещенного фургончика с уличной кухней на набережной. Чейз сам весело сбегал к окошку и вернулся к машине с двумя огромными, сочными хот-догами и бутылками холодного лимонада. В этот самый момент, когда он увлеченно рассказывал какую-то нелепую байку из регбийной раздевалки, параллельно пытаясь аккуратно откусить огромный кусок и отчаянно стремясь не капнуть соусом на свою идеальную белую футболку, он окончательно покори́л мое сердце. В нем не было ни грамма заносчивости, гордости или высокомерия, которые так часто приписывают главным звездам университета.

Чуть позже, когда сумерки начали сгущаться, мы перебрались на пустую парковку у самого обрыва, откуда открывался просто потрясающий, кинематографичный вид на догорающий закат. Чейз первым ловко запрыгнул на высокий капот своего внедорожника и протянул мне свою большую, сильную руку, помогая забраться повыше и сесть прямо рядом с ним. Небо над рекой буквально полыхало багровыми, густыми красками. В моих пальцах был зажат сладкий медовый

петушок на палочке — Чейз купил его мне в том же фургончике ради глупой шутки, когда я засмотрелась на витрину со сладостями.

Некоторое время мы сидели в абсолютной, удивительно уютной тишине, наслаждаясь моментом и слушая, как остывает мотор машины. Внезапно Чейз повернулся ко мне, и его лицо стало непривычно, пугающе серьезным.

— Слушай, Айри... — тихо, вкрадчиво начал он, внимательно всматриваясь в мое лицо. — Я знаю, что, может, всё это и слишком быстро происходит между нами. Я и сам, честно говоря, чертовски удивлен. Обычно я долго присматриваюсь к людям, держу дистанцию. Но... ты мне реально очень нравишься. С самой первой секунды, когда я увидел тебя за стойкой кофейни в зеленом фартуке.

Мое сердце глухо, тяжело ухнуло куда-то вниз и, кажется, вообще на секунду перестало биться. Я так и замерла на теплом металле капота с этим леденцом в руке, боясь сделать даже мимолетный вдох.

— Может, это любовь с первого взгляда? — Чейз мягко, чуть смущенно улыбнулся, но в его потеплевшем взгляде читалось сильное волнение. Он не врал. Я видела в его позе абсолютную, взрослую и пугающую меня серьезность.

Прежде чем я успела собраться с мыслями и хоть что-то ответить, он плавно протянул руку, аккуратно взял меня за подбородок и большим пальцем нежно, бережно провел по уголку моих губ. Видимо, я всё-таки умудрилась испачкать-

ся горчичным соусом от хот-дога, пока замороженно засматривалась на закатное небо. От этого интимного, заботливого жеста я окончательно потеряла дар речи, чувствуя, как щеки стремительно вспыхивают пунцовым цветом.

Чейз не убирал руки. Его пальцы продолжали мягко, гипнотизирующе оглаживать мою скулу. Он ждал моего ответа, не сводя с меня глаз.

— Ты... станешь моей девушкой, Айри?

В моей голове в эту секунду пронеслось сумасшедшее, ликующее: «Да, конечно, я согласна!». Господи, сам Чейз Девенпорт, лучший нападающий лиги и главная мечта половины девчонок кампуса, сидит со мной на капоте машины и предлагает мне официальные отношения. В это верилось с огромным трудом. И плевать, что всё развивалось так стремительно, почти безумно. Я смотрела на его открытое, честное лицо и понимала, что хочу до конца довериться этому чистому чувству.

Я замороженно посмотрела в его глаза и... просто согласнo, робко кивнула, соглашаясь на эту красивую неизвестность.

Чейз облегченно выдохнул, и его лицо оказалось совсем близко, сокращая последние дюймы между нами. Он на мгновение замер на опасном расстоянии, едва касаясь моих ресниц своим горячим дыханием, словно бережно проверял — оттолкну я его в последний момент или нет. Мое сердце зашло в бешеном, рваном ритме, и я осталась неподвиж-

ной, не в силах пошевелиться под его магнетическим влиянием.

А затем он всё же аккуратно, трепетно прикоснулся к моим губам.

В этот раз мой поцелуй поначалу был робким, отчаянно неуверенным. Поскольку я еще ни с кем в своей жизни не встречалась официально, этот момент казался мне чем-то невероятно важным, хрупким и сокровенным. Наша вчерашняя близость была спонтанной, но сейчас, когда я стала его девушкой, ответственность пугала. Я была откровенно неопытна в поцелуях. Да, я кое-что умела, но Чейз двигался с такой безупречной, опытной грацией, что мне мгновенно стало не по себе. Внутри болезненно уколол стыд: мне казалось, что я целуюсь ужасно, и я безумно боялась, что он сочтет меня неумехой. Не потому, что мне было противно, а просто от осознания собственной неловкости перед парнем, который явно знал в этом толк.

В темноте перед глазами внезапно, непрошеной вспышкой возникло старое, глупое воспоминание из прошлого. Нам тогда с Рейнаром было: мне пятнадцать, ему шестнадцать. Мы собрались огромной школьной компанией на каникулах и играли в банальную бутылочку. Стекло горлышка четко указало на нас двоих, и под улюлюканье друзей нас закрыли в тесном, абсолютно темном шкафу для одежды, где мы должны были просидеть три минуты.

Оказавшись в удушающей темноте среди чужих курток, я

жутко паниковала. Рейнер сначала лениво шепнул: *«Миллер, расслабься. Хватит дышать как загнанный кролик. Давай просто постоим здесь положенное время, и никто снаружи ничего не узнает»*. Я с облегчением кивнула. Но Торнтон уже тогда был красивым, не по годам развитым парнем, который всю крутил романы со старшеклассницами. Он помолчал пару секунд, а потом его голос в темноте внезапно изменился, теряя привычную насмешливость: *«Знаешь что, Лив... А давай я тебя лучше научу. Ты ведь еще ни разу ни с кем не целовалась, верно?»*.

Честно сказать, я тогда смущалась до одури, сердце готово было выпрыгнуть из груди, но я всё же так же робко кивнула ему в полумраке, как только что кивнула Чейзу.

Тот поцелуй с Рейнаром был странным. Я совершенно ничего не понимала, зажалась, и Рейн, мягко удерживая меня за плечи, терпеливо объяснял, что именно я должна делать. Его губы были непривычно горячими, а голос — низким и хриплым: *«Не замирай, поддавайся навстречу... Вот так. А теперь коснись моего языка своим. Мягко, Миллер, не торопись»*.

Как бы я тогда ни старалась следовать его инструкциям, тот первый опыт казался мне катастрофическим и неуклюжим просто потому, что я была деревянной от страха. И когда три минуты истекли, Рейнер, отстранившись и тяжело дыша, нагло ухмыльнулся в темноте и выдал свою фирменную шутку, которую я запомнила на всю жизнь:

«Ну и ну, Миллер. Официально заявляю: это был самый худший поцелуй в моей жизни. Но не переживай, я буду рад научить тебя снова, ведь здесь нужна долгая, упорная практика».

После этого он толкнул дверь шкафа, и я больше никогда не позволяла ему переступать эту черту, спрятавшись за броней из вечных пикировок.

Но сейчас, на капоте огромного красного внедорожника, Чейз словно почувствовал мою минутную заминку и этот дурацкий страх оказаться неумехой. Он отстранился на долю секунды, мягко, понимающе улыбнулся своими теплыми губами прямо мне в лицо и еще ближе, надежнее притянул меня к своему широкому телу.

— Просто расслабься, Айри, — бархатно, интимно говорил он мне прямо в губы, обжигая их своим рваным дыханием. — Ты всё делаешь правильно. Доверься мне.

И я беспрекословно подчинилась этому успокаивающему голосу, отбрасывая прочь все мысли о Торнтоне. Я попыталась полностью уловить каждое мимолетное движение Чейза, расслабляя зажатые плечи и подстраиваясь под его уверенный, неспешный ритм. Его поцелуй постепенно становился глубоким, детальным и настолько чувственным, что всякая неуверенность растворилась в пьянящем тепле. Чейз действовал безумно бережно, его язык ласково проник в мой рот, исследуя и полностью подчиняя себе мои чувства, стирая остатки девичьего стыда.

Я полностью отдалась этому моменту, окончательно теряя всякую связь с реальностью. В какой-то момент я с удивлением обнаружила, что уже сижу прямо у него на коленях, устроившись на его крепких бедрах. Мое легкое платье задралось, и я кожей ощущала плотную ткань его джинсов. Я обвила его талию ногами, робко, но с нарастающей страстью зарываясь пальцами в его мягкие волосы. Тонкое кружевное белье под нарядом казалось обтягивающим и горячим, а внизу живота всё мучительно и сладко стянулось в тугий узел. Чейз прерывисто вздохнул, его ладони собственнически легли на мои бедра, прижимая меня к своему сильному телу еще плотнее.

Когда воздух в легких окончательно закончился, он плавно оторвался от моих губ первым. На его лице играла теплая, торжествующая и очень нежная улыбка.

— Не будем торопиться, — тихо проговорил он, тяжело дыша и бережно поглаживая меня по спине через джинсовую куртку. — Я не хочу смущать тебя ещё больше, Айри.

— Да, ладно... — прошептала я, улыбаясь в ответ и пытаюсь аккуратно слезть с его колен, чтобы унять дрожь в теле.

Но Чейз не позволил мне уйти. Он удержал меня за талию, просто сильнее прижимая к своей груди в крепких, надежных объятиях, и еще раз коротко, собственнически поцеловал меня в самый уголок губ. Мы сидели под ночным небом, и я чувствовала себя самой счастливой девчонкой во всем этом чертовом кампусе.

Когда красный внедорожник наконец затормозил у моего дома, ночь уже окончательно вступила в свои права. Наш двор был пуст, и лишь тусклый желтый свет одинокого уличного фонаря пробивался сквозь кроны деревьев.

Чейз заглушил мотор, проводил меня до крыльца, и там, стоя у самого подъезда в густой тени навеса, мы просто не могли отлипнуть друг от друга. Время словно остановилось. Все мои страхи о том, что всё развивается слишком быстро, окончательно растаяли под его теплыми ладонями, которые уверенно покоились на моей талии.

Мы снова и снова целовали друг друга. На этот раз у меня уже получалось гораздо лучше: я больше не замирала деревянной шпалой, а смело, с нарастающей уверенностью отвечала на его движения, полностью растворяясь в моменте. Этот поцелуй был тягучим, глубоким и безумно пьянящим. Весь мир вокруг перестал существовать, сузившись до стука наших сердец и тяжелого, прерывистого дыхания на двоих.

— Добрых снов, солнышко, — тихо проговорил Чейз, когда мы наконец неохотно отстранились друг от друга. Его голос откровенно хрипел, а в глазах плясали опасные искорки.

— Добрых, — едва слышно отозвалась я.

Дыхание полностью закончилось, а мои губы горели и заметно опухли от долгих, накаленных поцелуев. Чейз еще раз мягко коснулся ладонью моей щеки, нежно провел большим пальцем по нижней губе и, дождавшись, пока я скроюсь за тяжелой дверью подъезда, не спеша пошел обратно к своей

машине.

Я поднималась по ступенькам на свой этаж, чувствуя себя так, словно парю в невесомости. В голове до сих пор стоял туман, а во рту отчетливо оставался сладкий привкус того самого медового леденца. На моем лице блуждала глупая, мечтательная улыбка. Я была абсолютно, безоговорочно счастлива.

Глава 10

Дверь моей квартиры оказалась не заперта на ключ, и у меня внутри на секунду всё похолодело от глупого, детского испуга. Приоткрыв её, я аккуратно проскользнула внутрь, стараясь не шуметь и сжимая в руках сумочку. Но стоило мне включить тусклый свет в прихожей и увидеть Рейнера, как я облегченно, шумно выдохнула.

Он мерил шагами маленькую гостиную, на ходу раздраженно швыряя какие-то свои вещи в огромную спортивную сумку.

— Ты время вообще видела, Миллер? — вместо приветствия глухо, почти зловеще проговорил он.

Рейнер резко затормозил посреди комнаты, развернулся ко мне и выразительно, с силой постучал пальцем по стальному циферблату своих наручных часов. В его голосе вибрировала такая ярость, что воздух в прихожей мгновенно стал осязаемо тяжелым.

— Нет, не видела, — буркнула я, демонстративно скидывая кеды у порога и пытаясь казаться абсолютно невозмутимой.

Рейнер замер и в упор посмотрел на меня своим тяжелым, пронзительным и пугающе трезвым взглядом. Я неловко повела плечами, чувствуя, как под этим рентгеном внутри всё начинает странно, предательски плавиться. Я была абсолют-

но уверена, что на моем лице, с этими до сих пор горящими, покрасневшими щеками и слегка припухшими от долгих поцелуев Чейза губами, и так всё написано крупным, жирным шрифтом. Рейн медленно скользнул взглядом по моим открытым ногам, задержался на губах, и я физически ощутила, как по его телу прошла судорога. Он лишь шумно, со свистом выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и упрямо поджал губы, резко отворачиваясь обратно к своей сумке.

Я не собиралась перед ним отчитываться. В последнее время он слишком сильно нянчился со мной, и эта его незапная одержимость тотальным контролем начинала меня откровенно, глубоко раздражать.

— Ты всё же решил наконец освободить мою территорию? — поинтересовалась я, проходя в гостиную и заметив, что добрая часть его огромных толстовок, которая обычно сиротливо висела в моем шкафу, уже небрежно упакована в баул.

Рейнер коротко, язвительно усмехнулся, с силой застегивая один из металлических замков:— Не дожدهшься, Миллер. Я отсюда так просто не исчезну.

Он легким пинком пододвинул ко мне другую, абсолютно забитую доверху текстильную сумку, от которой безошибочно, убойно пахло потом и ледовой ареной. Я недовольно скосила нос, демонстративно отступая на шаг назад.

— Только не говори, что я должна всё это стирать, Торнтон! Я тебе не личная прислуга и не сестра, ясно? И уж точно

не твоя девушка и не жена, слава богу. У твоих пассий шёлковые ручки для этого приспособлены. Бери весь этот хлам и вези к себе в особняк.

— Зефир, ну ты же прекрасно знаешь мои отношения с отцом в последнее время, — Рейнер резко сбавил обороты. Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние. Его голос стал непривычно тихим, хрипловатым, а на красивом лице появилось донельзя жалостливое, просящее выражение. То самое выражение, против которого у меня с самого детства никогда не было иммунитета. Он умел мной манипулировать как никто другой. — И с этим чертовым хоккеем. Дома стиралка сломалась, горничная в отпуске, а отец караулит меня в гостиной с какими-то юридическими контрактами и юристами. Я просто не могу там находиться, у меня крыша едет. Прошу, Зефирка, неужели ты не можешь мне помочь?

Я тяжело, обреченно выдохнула, чувствуя, как вся моя напускная злость и броня стремительно тают под этим его вкрадчивым взглядом.

— Сам будешь стирать, Рейн. Я пальцем не прикоснусь к твоим хоккейным джерси. У меня, между прочим, была бессонная ночь из-за одного похмельного прикурка, и меня уже как час ждет теплая постель.

Я потянулась, чтобы повесить куртку на крючок, но Рейнер бесшумно вырос прямо у меня за спиной. Его большие, горячие ладони легли поверх моих рук, перехватывая джинсовку. Его пальцы намеренно, медленно скользнули по моей

коже, оставляя за собой шлейф покалывающего, обжигающего жара. Меня буквально прошило мощным разрядом тока от кончиков пальцев до самых пяток. Внизу живота сладко, мучительно потянуло, и я замерла, боясь обернуться. Это было странное, пугающее чувство, которое будоражило меня каждый раз, когда он оказывался слишком близко. Но я упорно, ожесточенно оттолкнула эти мысли прочь. Мы друзья. Лучшие друзья. У Рейнера полно длинноногих моделей, он бабник, меняющий девчонок как перчатки, а я... я уже в официальных отношениях. Чейз мне безумно нравится, он надежный, открытый, и я только что согласилась стать его девушкой.

Рейнер не отпускал куртку, продолжая удерживать мои руки в своей горячей хватке. Он наклонился ниже, так что его тяжелое, рваное дыхание опалило мою шею, заставив кожу покрыться крупными мурашками.

— Ты светишься, Миллер, — тихо, с какой-то опасной, вибрирующей хрипотой в голосе произнес он прямо мне в ухо. — И от тебя пахнет чужой мятой. Кино было настолько интересным?

— Рей,пусти, — прошептала я, пытаюсь высвободить пальцы, но его хватка была железной.

— Ты ведь думаешь, что нашла свою идеальную книжную романтику, да? — Торнтон резко развернул меня за плечи к себе, вынуждая посмотреть на его суровое лицо. Его челюсть ходила ходуном, а серо-стальной взгляд буквально прожигал

во мне дыру. Он смотрел на меня с такой неистовой, отчаянной болью, от которой у меня перехватило дыхание. — Ты чертовски слепая, Айрис. Ты смотришь по сторонам, ищешь какие-то фальшивые знаки, но в упор не видишь того, что происходит прямо перед твоим носом. Ты ходишь в слепой зоне, Зефир. И когда-нибудь ты очень больно разобьешься.

Я непонимающе нахмурилась, глядя на его тяжело вздымающуюся грудь:

— О чем ты говоришь, Рей? При чем тут Чейз? Отец давит на тебя, и ты срываешься на мне!

Рейнер внезапно горько, глухо усмехнулся, и его пальцы медленно разжались, выпуская мои плечи. Он отступил на шаг, и мне мгновенно стало холодно без его осязаемого тепла.

— Да, Миллер, — тихо процедил он, забрасывая рюкзак на плечо и подхватывая вторую сумку. — Ты абсолютно права.

— Ладно, меня уже как час ждёт Бэтт, — отозвался он с улыбкой, снова возвращая свою привычную маску ленивого мачо. — Сумка на тебе.

— Ты просто невыносим, — простонала я, без сил падая на диван прямо рядом с его сумкой и устало глядя на него снизу вверх. — Я не буду ясно? — возмутилась я. — Завел бы ты уже лучше себе одну нормальную девчонку. Одну и навсегда. Надоел, ей-богу, менять их каждые три дня.

Рейнер внезапно замер на месте. Его ухмылка исчезла, а

глаза на мгновение потемнели так сильно, что мне стало не по себе. В полумраке гостиной повисла давящая, наэлектризованная тишина. Он смотрел на меня сверху вниз, словно мучительно о чем-то размышлял, взвешивая каждое слово, и этот его взгляд буквально пригвоздил меня к дивану.

— Та девушка, которая мне действительно нужна, уже очень давно в упор меня не видит, Зефир, — негромко, с какой-то странной, режущей слух горечью проговорил он. В его низком голосе прорезалось столько скрытой боли, что у меня перехватило дыхание.

Я на секунду нахмурилась, совершенно не понимая, о ком он говорит, и отчаянно пытаюсь переварить услышанное. Рейнер Торнтон, главный бабник кампуса, сохнет по кому-то безответно? Это не укладывалось в голове.

— Ну так выбери из тех семи, что у тебя есть прямо сейчас, — беззаботно отмахнулась я, потягиваясь на диване и пытаюсь сбросить это странное, удушающее напряжение. — Среди них наверняка найдется та, которая с радостью постирает твою форму. Ты просто зажрался, Торнтон. Смотришь куда-то не туда.

Рейнер сделал резкий шаг вперед, нависая надо мной всем своим массивным телом, так что его тень полностью перекрыла свет от торшера.

— Это я-то смотрю не туда, Миллер? — тихо, с какой-то опасной, вибрирующей хрипотой процедил он сквозь зубы. Он наклонился ближе, и его взгляд на секунду опустился к

моему лицу. — Из нас двоих не туда смотришь именно ты. Ты просто заигралась в свою недотрогу и полностью потеряла связь с реальностью.

Я растерянно моргнула, чувствуя, как от его близости, от запаха можжевельника и тепла его кожи внутри всё переворачивается в диком, хаотичном танце. Его слова больно кололи

— О чем ты вообще говоришь, Рей? — возмутилась я, упираясь ладонями в его твердую грудь, чтобы немного отодвинуть его от себя. Под моими пальцами бешено билось его сердце. — При чем тут я? Если твоя загадочная пассия тебя отшила, это не значит, что нужно срывать свою злость на мне!

— А меня и так сейчас всё устраивает, — резко и сухо отозвался Рейнер, мгновенно меняясь в лице, стоило мне упомянуть другую девушку.

Он перехватил мои запястья, на секунду сжал их слишком крепко, обжигая кожу своими пальцами, а затем резко отпустил. На его лицо снова вернулась привычная, непроницаемая маска холодного и уверенного в себе парня. Он с силой дернул замок сумки, застегивая её до конца.

— А меня вот не устраивает, ясно? — я упрямо вздернула подбородок, глядя на него снизу вверх и пытаюсь унять дрожь в руках. — У меня теперь парень есть. Настоящий. И я вообще не собираюсь в перерывах между свиданиями с ним стирать твою вонючую спортивную форму.

Рейнер тут же нахмурился, и его челюсть снова качнулась от плотно сжатых зубов. На секунду мне показалось, что он сейчас взорвется, швырнет эту сумку в стену или сделает что-то безумное, но он лишь обиженно пробурчал под нос:

— Приду завтра и сам всё постираю. Не трогай ничего.

Он резко развернулся, подхватил свой баул с чистыми вещами и уверенными, тяжелыми шагами зашагал к выходу.

— Поздравляю, — глухо бросил он уже в прихожей, даже не обернувшись. В этом коротком слове не было ни капли дружеской радости — только лед и какая-то злость.

В следующую секунду с той стороны прозвучал тяжелый, хлесткий звук закрывающегося замка. Рейнер ушел.

Я осталась сидеть на диване в полной тишине, чувствуя, как мое настроение после идеального свидания с Чейзом начинает медленно покрываться глубокими, уродливыми трещинами. Слова Рейнера почему-то оставили в душе странный, ноющий след.

Я перевела взгляд на оставленную посреди гостиной вторую сумку. Из полуоткрытого замка донесся такой отчетливый, ядреный аромат ледовой арены, пота и мужского дезодоранта, что я поморщилась.

— Ну уж нет, Торнтон, — со стоном выдохнула я, закрывая лицо руками.

Я прекрасно понимала: если я оставлю этот баул здесь до завтра, за ночь этот амбре намертво пропитает всю мою крошечную квартиру, включая шторы и постельное белье. Мне

в любом случае придется её постирать прямо сейчас. Просто ради собственного выживания.

Кое-как поднявшись на ноги, я ухватила тяжеленную сумку за одну лямку и, шумно ругаясь на всех хоккеистов мира, медленно потащила её по полу в сторону ванной комнаты. Моя идеальная романтическая ночь плавно превращалась в ночную смену прачки.

Глава 11

С того памятного свидания на капоте машины пролетело чуть больше недели. Наша жизнь закрутилась с какой-то бешеной, кинематографичной скоростью, не оставляя времени на сомнения. Чейз оказался потрясающим, чутким парнем. Каждое божье утро он неизменно приезжал к моему старому кирпичному дому на своем глянцевом красном внедорожнике, бережно завозил меня в кофейню перед началом смены, терпеливо ждал у деревянной кассы свою порцию американо, а перед уходом на тренировку нежно, открыто целовал меня у всех на виду. Он оставлял меня глупо улыбаться у стойки и чувствовать себя абсолютно счастливой на весь оставшийся день.

Теперь практически всё свободное время мы проводили вместе. Он ввел меня в свой круг и познакомил со своими ближайшими парнями по регбийной лиге — Кайлом и Рони. Эти двое оказались знатными шутниками и при каждом удобном случае вовсю, безжалостно подкалывали Чейза насчет «домашней девчонки под боком». Они громко ржали и утверждали, что раньше за их суровым нападающим такой ванильной, трепетной одержимости замечено не было. Чейз в ответ просто со смехом посылал их куда подальше, притягивая меня к себе, а я смущенно прятала лицо у него на широком плече.

В университетской столовой Чейз теперь тоже на постоянной основе сидел за нашим столом. Картина со стороны выглядела забавно: в нашей компании образовались сразу две официальные, воркующие «ванильные пары» — Нейт с Мией и мы с Чейзом. Итан и Рейнер на этом фоне остались гордыми, подчеркнутыми одиночками. Оба хоккеиста были жутко недовольны тем, что мы вчетвером напрочь портим им всю брутальную пацанскую атмосферу своими постоянными обнимашками. Они демонстративно кривили носы, а мы с Мией лишь весело переглядывались и смеялись над их кислыми, суровыми минами.

Нейтан и Чейз, на удивление, быстро нашли общий язык. Они стремительно сблизились на почве спорта и теперь проводили кучу времени вместе, рубясь в приставку в гостиной дома братства. Оказалось, у них даже вкусы в алкоголе полностью совпадали: оба терпеть не могли пиво, в отличие от вечно глушащих эль Итана и Рейнера, зато обожали мешать сок с водкой.

Вот и сейчас мы все вместе сидели в огромной, душной гостиной дома хоккейного братства, где обычно по выходным проводились самые шумные и безумные студенческие вечеринки. Вокруг оглушительно грохотала музыка, басы били прямо по нервам, кто-то в углу уже вовсю резался в бирпонт на длинном столе, а в воздухе стоял стойкий, сизый запах алкоголя и табачного дыма. Пока Чейз и Нейтан были полностью поглощены напряженным матчем в фифу, а Мия гром-

ко, с визгом болела за своего парня, я решила тихонько дойти до кухни, чтобы взять себе еще одну бутылку холодной колы.

Но стоило мне переступить порог кухонной зоны, как в меня на полной скорости кто-то тяжело врезался. В следующую секунду я почувствовала неприятный, липкий холод, и на моей новой белой футболке мгновенно расплозлось огромное, жуткое багровое пятно.

— Оу, черт... Прости, Айрис! — прошептал уже изрядно пьяный Итан, испуганно глядя на плоды своего тарана. В руке он судорожно сжимал пустой пластиковый стакан. — Ей-богу, Миллер, вообще не видел тебя! В глазах всё плывет.

— Всё нормально, Картер, — вздохнула я, принимаясь из его рук пачку бумажных салфеток и пытаясь судорожно промокнуть ткань. Томатный сок въедался в белый хлопок прямо на глазах, превращая вещь в грязное месиво.

— Лучше замыть в уборной... — виновато проговорил он, косясь на это художество на моей груди.

— Да, пожалуй, так будет лучше, — согласилась я.

Бросив мокрые салфетки в ведро и напрочь позабыв про напиток, я развернулась и поспешила подняться по деревянной лестнице на второй этаж, где находилась большая общая уборная братства. Я закрылась, включила ледяную воду и честно попыталась хоть как-то оттереть это кроваво-красное пятно. Но какой в этом был смысл? Футболка была безнадежно, окончательно испорчена. А стоять тут полуголой,

пытась застирать вещь под краном в разгар шумной тусовки, было явно не самым лучшим и безопасным вариантом.

В этот самый момент дверная ручка резко дернулась, замок с треском щелкнул, и дверь уборной без стука распахнулась. Я вздрогнула от неожиданности, инстинктивно прикрывая грудь руками.

— Пардон! — тут же прозвучал до боли знакомый, хриплый голос. Дверь с хлопком закрылась обратно.

Но не успела я облегченно выдохнуть, как задвижка снова поддалась, дверь открылась, и в ванную уверенно вошел Рейнер, аккуратно прикрыв за собой замок. Он держал в руке наполовину пустую бутылку темного пива, и от его фигуры мгновенно повеяло можжевельником и холодом.

— Не говори только, что ты не пережила эту тусовку и тебя уже знатно стошнило, Миллер, — хмыкнул он, лениво опершись спиной о косяк и в упор разглядывая меня. На его лице играла привычная, дерзкая ухмылка.

— Итан и его чертов томатный сок, — страдальчески простонала я, убирая руки и демонстрируя ему масштаб катастрофы на своей груди.

— У-у-у... — Рейнер понимающе протянул, и его губы тронула колючая ухмылка. — Это значит, что Картера сегодня снова жестоко бросила Роуз Пэрри. Тяжелый случай.

Он отставил свою стеклянную бутылку на край раковины, плавным движением стащил с себя объемное черное худи, под которым осталась лишь простая серая майка, выгодно

обтягивающая его рельефный торс защитника, и без лишних слов протянул теплую ткань мне.

— Переоденься. А это искусство лучше вообще выброси, — проговорил он, слегка сморщив нос и кивнув на мою грудь. — От тебя теперь разит так, словно на тебя реально кто-то нарыгал в углу.

— Неправда! — тут же оскорбленно возмутилась я, хотя спорить с очевидным было глупо. Запах томата вперемешку со спиртом действительно оставлял желать лучшего.

Рейнер понимающе хмыкнул и демонстративно, поджентльменски отвернулся к стене, давая мне личное пространство. Я быстро стянула испорченную футболку, оставшись в одном кружевном черном топе, и спешно натянула на себя его теплое объемное худи. Ткань, хранившая жар его тела, мгновенно окутала мою кожу, заставив внутри всё странно, сладко сжаться. Толстовка оказалась настолько огромной, что полностью скрыла мою короткую юбку, превратившись в полноценное плотное платье.

Закатав длинные рукава до локтей, я все же включила воду и попыталась оттереть пятно на своей футболке жидким мылом. Но чуда не произошло: въевшийся багрово-оранжевый след так и остался красоваться на ткани.

— Если хочешь, я куплю тебе завтра точно такую же, — неожиданно тихо, негромко проговорил Рейнер, бесшумно вырастая прямо позади меня и внимательно разглядывая мое отражение через зеркало над раковиной.

— Нет, спасибо, — буркнула я, с силой отжимая мокрую ткань и безжалостно швыряя её в мусорную корзину под раковиной. — Обойдусь.

— Ах, точно. Прости, я и забыл, что у тебя теперь есть богатый, незаменимый парень, — с ленивой, сочащейся ядом ухмылкой выдал он через зеркало.

— Хватит, Рейн! — тут же резко отозвалась я, разворачиваясь к нему лицом и упираясь спиной в холодный край раковины.

Торнтон мгновенно замер, а его издевательская ухмылка сползла с лица.

— Я прекрасно вижу и понимаю, что у вас с Чейзом с самого первого дня что-то крупно не заладилось в команде и в братстве. Но прекрати срываться из-за своего эго на мне, ясно? — я упрямо, зло посмотрела в его потяжелевший, хмурый взгляд. — Чейз хороший, заботливый. И мне абсолютно не нужно твое официальное одобрение, чтобы строить с ним серьезные отношения.

Рейнер тут же опасно, до белизны поджал губы. Вместо того чтобы отступить и дать мне уйти, он сделал резкий шаг вперед, полностью нависая надо мной. Он со стуком уперся обеими ладонями в края раковины по бокам от меня, зажимая меня в ловушку между своих сильных рук. От него ощутимо пахло хмелем, а взгляд подернулся пеленой. Внутри меня от этой близости всё перевернулось, а пульс забился где-то в висках. Каждое его дыхание отзывалось дрожью в

моих коленях.

— Меня просто до усрачки раздражает смотреть на то, как ты стелешься перед ним, Миллер, — глухо, сдерживая рык, пробурчал он мне прямо в лицо, и его горячее дыхание обожгло мои губы. — Девенпорт далеко не так прост и идеален, как тебе кажется, Зефир. А ты, как наивная, слепая дура, ведешься на все эти его слащавые, фальшивые сопли.

— И что же, по-твоему, с ним не так? — я тут же инстинктивно вскинула руки, плотно складывая их на груди в защитной реакции, чтобы не коснуться его майки. Сердце в груди испуганно и сладко заколотилось. — Скажи прямо, если что-то знаешь!

— Будет чертовски здорово, если этот ублюдок сам тебе когда-нибудь расскажет, — процедил Рейнер сквозь зубы, резко отталкиваясь от раковины и разрывая нашу дистанцию, словно ему самому было физически тяжело дышать рядом со мной в этой тесной уборной. — Но мой тебе совет, Миллер: лучше сразу разорвать всё это дерьмо, пока не стало слишком поздно.

— Ты просто бесишься, что я встречаюсь именно с ним, потому что он твой главный соперник на поле и всю метит на твое место капитана! — в сердцах, задыхаясь от обиды, крикнула я ему в спину, когда он уже решительно направился к выходу.

Рейнер замер у самой двери, крепко взявшись рукой за металлическую ручку. Он медленно повернул голову, сме-

рил меня тяжелым, абсолютно непроницаемым и каким-то опустошенным взглядом, а затем глухо, безэмоционально бросил:

— Именно так, Миллер. Ты, как всегда, зорко зришь в самый корень.

Остаток вечеринки протекал в куда более размеренной и приятной атмосфере. Стоило мне спуститься на первый этаж, как я мельком заметила Рейнера. Он стоял чуть поодаль от общей, забитой студентами гостиной, в полутемном переходе у деревянной лестницы, и уже вовсю засовывал язык в глотку какой-то новой девчонке с параллельного курса. Чем именно закончится эта сцена для них двоих в одной из спален второго этажа, абсолютно все в этом доме знали заранее и без лишних слов. В груди почему-то неприятно заныло.

Мы же с Мией, решив поскорее сбежать от этого раздражающего зрелища, перехватили у барной стойки по свежему прохладному коктейлю и направились во внутренний дворик, подальше к большому бассейну. Выйдя на улицу, мы обе тяжело, облегченно выдохнули, наслаждаясь возможностью наконец-то отдохнуть от оглушающей, бьющей по ушам музыки. Приятно было подставить разгоряченную танцами кожу прохладному ночному воздуху. Мы устроились на мягких шезлонгах у самой кромки колеблющейся воды.

— Знаешь, Лив... Мне непривычно видеть тебя такой счастливой, — внезапно нарушила тишину Мия, отставляя

свой бокал на пластиковый столик и посмотрев на меня с непривычной серьезностью.

Я сделала медленный глоток своего напитка и повторила её жест, убирая стакан в сторону.

— Это странно, не так ли? Всё происходит слишком быстро.

— Нет, что ты! — она тут же активно замахала руками, но из-за приличного количества выпитого алкоголя у нее это получалось дико забавно. Её движения были смазанными, словно у какой-то пьяной музы в полете. Я даже тихонько захихикала, поддразнивая её и передразнивая эти плавные, нелепые пассы руками.

— Это здорово, Лив, — уже тише, серьезнее продолжила Мия, подтягивая голые колени к своей груди. — Сейчас как раз тот самый возраст, когда любовь приходит быстро, и она самая страстная. Даже если... даже если это и не навсегда.

Я тут же нахмурилась, и моя веселая улыбка мгновенно улетучилась. Когда Мия Брукс начинала подобные философские разговоры с налётом светлой грусти, это означало только одно — у них с Нейтаном снова что-то шло не так.

— Рассказывай, что стряслось? — потребовала я, внимательно глядя на поникшую подругу.

Мия тяжело, со свистом вздохнула, потянулась к столику и залпом допила остатки своего крепкого коктейля.

— Нейтан уедет сразу после выпуска в Нью-Йорк, — глухо выдала она, и её голос на секунду болезненно дрогнул. — Его

пригласили в очень сильную профессиональную хоккейную команду. И он согласился. Почти сразу, Лив. Хотя прекрасно знал, что я уже выбрала и утвердила здесь место для своей будущей архитектурной стажировки. Нейт ведь всегда говорил, что хоккей для него — это просто игра, увлечение... А сам побежал подписывать контракт, как только его позвали. Я теперь вообще не уверена, что наши отношения сохранятся. Тебе ли не знать про все эти чертовы отношения на расстоянии? Это же утопия.

Я грустно посмотрела на колеблющуюся от неоновой подсветки воду бассейна и тихо, потерянно пожалала плечами:

— Вообще-то, если честно, Брукс, я без понятия. Чейз — это первый парень, с которым у меня вообще строится хоть что-то по-настоящему серьезное. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Я тоже медленно поникла в собственных, не самых веселых размышлениях. Слова Мии обманчиво больно укололи где-то в груди. Их выпускной курс действительно летел к финалу с бешеной скоростью, а это значило, что нашу устойчивую компанию скоро раскидает по разным городам, и взрослая жизнь со своими жесткими правилами уже наступала нам на пятки.

— Но Чейз и правда хороший, — добавила я, пытаюсь всеми силами отогнать дурные мысли и ободряюще улыбнуться подруге. — Знаешь, он иногда настолько идеальный, что это даже как-то приторно и противно.

Мия шмыгнула носом, посмотрела на мое лицо, и мы обе снова негромко рассмеялись, разделяя эту минутную девичью слабость на двоих.

Наш грустный междусобойчик продлился недолго. Парни, которые, видимо, из окон гостиной бдительно отслеживали наши перемещения, тут же заметили наши кислые мины. Дверь на террасу с грохотом распахнулась, и на дорожку выбежали Чейз и Нейтан. На ходу скидывая свои куртки и обувь, они с победными воплями подлетели к нам. Не успели мы с Мией даже пикнуть, как они сгребли нас в охапку прямо с шезлонгов и с оглушительным всплеском с разбега разом плюхнулись вместе с нами в теплую, прогретую воду бассейна.

Ночной воздух огласился нашими громкими визгами, брызгами и смехом.

— Чего грустим, солнышко? — мягко проговорил Чейз, уверенно удерживая меня на плаву, пока я инстинктивно обвивала ногами его талию, а руками крепко держалась за его шею.

— Мы просто размышляли, — тихо отозвалась я, мельком поглядывая на Мию. Подруга уже вовсю слюнявила лицо Нейтана, прерывисто, горячо целуя его прямо в воде. Судя по всему, они оба изрядно перебрали с алкоголем, и я была абсолютно уверена, что завтра утром они будут горько плакать от дикой боли в голове.

Мы же с Чейзом плавно пристроились у самого бортика,

чуть в стороне от их бурного примирения. Вода в бассейне была восхитительно теплой благодаря мощным обогревателям, а его лицо находилось так близко, что я видела каждую прозрачную капельку на его ресницах.

— И что же тебя так расстроило? — спросил он, по своей неискоренимой привычке бережно убирая влажную светлую прядь волос мне за ухо.

— Мы думали о том, что будет после выпуска парней, — тихо вздохнула я, утыкаясь носом в его плечо. — Мия переживает, что Нейтан уедет в Нью-Йорк, а она останется здесь. Ну, ты понимаешь... расстояние, туманное будущее и всё такое. Это пугает.

Чейз понимающе кивнул, и его лицо стало серьезным:

— Это тяжело, бесспорно. Но разве настоящая любовь исчезнет из-за километров? В такой ситуации всегда можно найти компромисс, если люди действительно хотят быть вместе. Переехать с ним, например.

— Ты хоть можешь иногда быть не таким правильным и идеальным? — беззаботно, беззлобно проворчала я, глядя на его безупречный профиль.

Чейз весело рассмеялся, заглушая мой ропот, наклонился и нежно поцеловал меня во влажные от брызг губы.

— Я далеко не идеальный, Айри. К примеру, я только что пил томатный сок с водкой. Отврат полнейший, если честно. Но мне пришлось это сделать, потому что Итану сейчас очень паршиво после расставания, и я должен был его как-

то поддержать.

Я тут же брезгливо скривила нос, вспоминая жуткий багровый след на своей одежде, оставленный Картером. И только в этот момент Чейз наконец-то обратил пристальное внимание на то, во что именно я была одета. Огромное черное худи Рейнера сильно раздулось в воде, как колокол.

— Итан пролил на меня свой томатный сок, — поспешно рассмеялась я, опережая его вопросы. — Так что Рейн одолжил мне свою кофту, чтобы я не ходила полуголой по дому братства.

К моему огромному удивлению, Чейз даже не приревновал. В его глазах не промелькнуло ни капли той собственнической, удушающей злости, которую я подсознательно ожидала увидеть, помня реакцию Торнтона на любые чужие знаки внимания. Это почему-то болезненно, странно укололо меня где-то глубоко внутри, оставляя неприятный осадок. Я наивно думала, что он хотя бы проявит характер, нахмурится или жестко скажет что-то вроде: *«Могла бы попросить мою куртку или сразу прийти ко мне в комнату»*. Но Чейз лишь понимающе кивнул и снова нежно притянул меня к себе.

Его большие, горячие ладони уже привычно и уверенно забрались под мокрый, тяжелый край чужого худи, мягко сминая мою талию и неторопливо поглаживая обнаженную спину. От его прикосновений по телу побежали обжигающие мурашки, стирая остатки мыслей.

— Может, сбежим отсюда? — интимным шепотом прого-

ворил он мне прямо в губы, обжигая дыханием.

И я, не задумываясь ни на одну секунду и отчаянно стремясь заглушить странную внутреннюю пустоту, соглас-но кивнула.

Глава 12

Пока я стягивала с себя в ванной мокрые после бассейна вещи и отправляла их в барабан стиральной машины, Чейз терпеливо ждал меня в гостиной. Переодевшись в сухое, уютное домашнее платье, я наконец вышла к нему и неловко протянула чистые, аккуратно сложенные серые спортивные и свободную черную футболку. Уверена, Рейн будет в полном бешенстве, если узнает, но мне было безумно, невыносимо стыдно, что Чейз стоит посреди моей комнаты абсолютно сырой и заметно дрожит от прохладного ночного воздуха.

Чейз удивленно выгнул бровь, переводя взгляд со стопки вещей на мое растерянное лицо.

— Рейнер, — тихо отозвалась я, поспешно отводя глаза в сторону. — Он... ну, иногда оставляет здесь свои вещи. На всякий случай. Чтобы не таскать баулы.

Чейз секунду помедлил, словно взвешивая, стоит ли надевать одежду своего главного соперника, но все же забрал и скрылся за дверью, чтобы переодеться. Когда он вернулся, на его лице отчетливо проступило тщательно скрываемое недовольство — серые спортивные сидели на нем чуть плотнее, чем на Торнтоне. И, как ни странно, этот его хмурый вид меня даже немного расслабил. Значит, ему всё-таки не всё равно. Тот самый легкий укольчик ревности, которого мне так отчаянно не хватало у бассейна, наконец-то в нем

проснулся.

Пока я возилась на крошечной кухне, заваривая нам горячий, ароматный кофе, Чейз неторопливо, по-хозяйски ходил по квартире. Он внимательно изучал пространство, в котором я живу, и, конечно же, заикливал больше всего внимания на чисто мужских вещах, которые то и дело попадались ему на глаза. У меня сложилось стойкое, раздражающее ощущение, будто Рейн словно специально разбросал свой хлам тут прямо на самых видных местах, маркируя границы. Чертов Торнтон! Я ведь точно помнила, что буквально на днях убирала его дурацкие журналы и запасные хоккейные ленты в самый дальний ящик, а сейчас они снова каким-то мифическим образом красовались на полке.

— И часто он у тебя бывает? — спросил Чейз, плавно проходя на кухню, садясь за стол и принимая из моих рук дымящуюся кружку. В его голосе скользнули натянутые нотки.

— Не сильно часто, — я слегка замялась, оперевшись поясницей о кухонную столешницу и пряча ладони за спину. — Он иногда ночует на этом диване, когда задерживается на раскатках. Или просто забывает шмотки после того, как мы все вместе тут сидим нашей шумной компанией. Ты только ничего такого не подумай, пожалуйста!

Я тут же испуганно, смущенно затараторила, когда Чейз мягко, но уверенно перехватил мою ладонь и плавно притянул меня к себе на колени. Я покорно устроилась на его крепких бедрах, инстинктивно обвивая руками его шею.

— Мы просто дружим с ним почти с горшков. И... он вроде няньки для меня, — я проговорила это тихо, открыто, заглядывая в его лицо. — Играет роль заботливого, ворчливого старшего брата. Мой отец лично попросил его приглядывать за мной перед отъездом в кампус. Торнтон пообещал.

Чейз довольно, облегченно кивнул. Ему явно понравился этот честный ответ, и жесткое напряжение в его плечах мгновенно спало. А что я, собственно, должна была ему сказать, если так оно и было на самом деле? В моих глазах Торнтон всегда оставался просто Рейном — невыносимым, опекающим другом, и никем более.

— Но у меня есть одно жесткое, нерушимое правило, — добавила я, ухмыльнувшись и слегка расслабившись в его руках. — Чтобы он ни в коем случае не водил ко мне сюда своих многочисленных девиц. Помимо его бесконечных свитеров, мне тут еще не хватало находить чужие трусы или ещё чего похуже. Ну и плюс ко всему он иногда тайно платит за эту квартиру, поэтому будет странно и по-свински, если я его сюда вообще пускать не буду.

— Платит за квартиру? — Чейз снова удивленно приподнял брови, на секунду замерев с кружкой у самых губ.

— Ну да. Мне не всегда хватает моей скромной зарплаты в кофейне, аренда дорогая, а он сам это делает. Причем просто ставит перед фактом: мимоходом предупреждает, что перевел хозяину сумму, или кидает смс из банка с чеком. Говорит, что платит за аренду дивана.

— Понял, — негромко проговорил Чейз. Он бережно поставил кофе на стол, полностью освобождая руки, и крепко обнял меня за талию, утыкаясь лицом в изгиб шеи. Его губы мягко, щекотно коснулись моей кожи, вызывая мурашки. — Старший брат, который играет в няньку и подкидывает денег... Что ж, это действительно успокаивает. Мне гораздо легче понимать то, что он здесь находится не потому, что вы...

— Эй! — я тут же несильно, возмущенно ударила его кулаком по плечу, прерывая фразу. — Даже не смей произносить это слово вслух в этой святой святых, ясно тебе? Иначе у меня прямо сейчас завянут все цветы!

Чейз тут же весело, хрипло рассмеялся, легко перехватывая мои запястья ладонями. А в следующую секунду он одним движением подхватил меня на руки, уверенно поднимаясь со стула, и понес в сторону моей полутемной спальни.

— Надеюсь, они не завянут от одного моего присутствия здесь? — интимным, низким шепотом проговорил он, аккуратно укладывая меня на мягкую кровать и мгновенно нависая сверху, полностью блокируя все пути к отступлению.

— Думаю, им даже намного лучше, когда ты здесь, — едва слышно, задыхаясь от близости его тела, прошептала я в ответ.

Я запустила пальцы в его прохладные волосы и полностью отдалась его новому, требовательному поцелую.

Его поцелуи обжигали кожу, стремительно стирая из го-

ловы последние капли здравого смысла. Я растворялась в его сильных руках, чувствуя, как по телу волнами пробегает невыносимый, сладкий и тягучий жар. Весь мир вокруг сузился до размеров моей кровати, прерывистого дыхания Чейза и бешеного стука двух сердец. В какой-то момент, полностью потеряв контроль над собственными мыслями под действием его губ, я сама не заметила, как мои ладони забрались под нижний край его футболки. Рейнеровский серый хлопок в эту секунду показался мне лишним, мешающим барьером, и я нетерпеливым, лихорадочным движением стянула вещь через его голову, отбросив куда-то на пол.

Мои ладони скользили по его горячим, рельефным лопаткам, кожа к коже. Тонкое кружевное белье под домашним платьем казалось обжигающим. Чейз на секунду замер, его поцелуй стал глубже, требовательнее, сминая мои губы, но затем он внезапно перехватил мои запястья, мягко, но упрямо прижимая их к белой подушке по бокам от моей головы.

— Айри... Не думаю, что это хорошая идея, — хрипло продышал он мне прямо в губы. Его дыхание было тяжелым, рваным, а во взгляде плясало бешеное пламя, которое он с видимым трудом удерживал под жестким замком контроля. — Я не хочу торопиться. Поверь мне, у нас ещё будет время. Обязательно будет.

— Чейз, прошу... — едва слышно прошептала я ему в самые губы, пытаюсь высвободить руки из его захвата.

Я никогда в своей жизни не чувствовала себя такой рас-

крепощенной, смелой и отчаянной. И, будем честны, легкий алкогольный коктейль, выпитый у бассейна на пару с Мией, сыграл в этом далеко не последнюю роль. Мне хотелось забыться в его тепле, заглушить все странные слова Торнтон.

Но Чейз, как истинный, благородный джентльмен, мягко, но уверенно ослабил мой пыл. Он аккуратно отстранился, укладываясь рядом на матрас, притянул меня к своему горячему боку и бережно укрыл нас мягким пледом до самого подбородка. Его сердце в груди колотилось как сумасшедшее, выстукивая быстрый ритм.

— Перестань, солнышко, — он нежно поцеловал меня в лоб, пальцами перебирая мои растрепанные светлые волосы. — Мы обязательно это сделаем. Но только тогда, когда оба будем уверены в этом трезво, на все сто процентов. Я не хочу, чтобы наутро ты жалела о поспешности или думала, что я просто воспользовался моментом и твоим состоянием. Ты слишком дорога мне для этого, Айри.

Я уткнулась носом в его обнаженное плечо, чувствуя, как к горлу внезапно подступает ком странной, щемящей девичьей благодарности. Он был идеальным. Настолько правильным, заботливым и понимающим, что это казалось почти нереальным. С четкой, согревающей мыслью о том, что мне невероятно, сказочно повесело с выбором, я наконец закрыла глаза и безмятежно уснула в полумраке спальни, согреваемая его сильными, надежными руками.

Я проснулась от странных, приглушенных, но пугающе от-

четливых ругательств, доносившихся со стороны кухни. Звук чужих, наэлектризованных раздражением мужских голов заставили меня моментально подорваться с постели. Голова после вчерашних коктейлей с Мией глухо подвывала. На ходу судорожно закутавшись в пушистый плед как в защитный кокон, я испуганно выбежала в гостиную, готовая увидеть в своей квартире всё что угодно.

Рейнер стоял посреди кухни, злой как черт, и с явным, диким остервенением тыкал пальцем прямо в грудь Чейза. Девенпорт к этому моменту уже успел переодеться обратно в свои сухие, чистые вещи и теперь с каменным, абсолютно непроницаемым лицом созерцал этот агрессивный утренний наезд.

— Это, нахрен, моя чашка! — прошипел Рейнер, указывая на большую керамическую кружку, на которой красовалась забавная надпись «Зефирный хоккеист».

У меня внутри всё болезненно сжалось. Я сама лично подарила ему эту чашку на его семнадцатилетие, когда мы еще учились в школе. И Торнтон специально, нагло оставил её здесь, на моей маленькой кухне, ежедневно напоминая о том, что «Зефир» — это я, а «хоккеист» — это он. Я тогда просто глупо, невинно пошутила, когда заказывала принт в лавке, а он в итоге превратил шутку в эксклюзивное право.

— В чем дело вообще? Что вы устроила спозаранку? — громко, пытаясь перекрычать их обоюдное рычание, проговорила я, останавливаясь в дверном проеме. Вид у меня,

должно быть, был еще тот: заспанная, растрепанная, сердитая и с ног до головы завернутая в огромное одеяло.

Рейн резко, рваным движением обернулся на мой голос. Его грозовой, потемневший взгляд мазнул по мне, укутанной в плед, задержался на оголенных плечах, а затем снова с удушающей яростью переместился на Чейза.

— Просто пусть твой парень не смеет трогать мои личные вещи, когда ты притаскиваешь его сюда на ночь! — жестко, отрывисто отрезал Рейнер, с силой скрестив руки на широкой груди. — Почему тебе можно приводить сюда кого попало, нарушая наши правила, а мне нельзя?

— Вообще-то, Рейн, это моя съемная квартира, — тут же холодно, со злостью, напомнила я ему, делая уверенный шаг вперед.

Торнтон от моих слов внезапно осекся и замер на месте, словно со всего размаху наткнулся на невидимую бетонную стену. Его упрямая челюсть судорожно дернулась, а желваки заходили ходуном.

— Я не знал, что эта кружка твоя, — спокойно, без капли страха подал голос Чейз, переводя прямой взгляд на Рейнера и ни разу не смущаясь его тона. — Можешь забрать её себе, я из нее еще не пил.

— Ненавижу американо, — процедил Рейнер сквозь зубы, швыряя чистое кухонное полотенце прямо на стол. Он скосил глаза на Чейза и ядовито, с ухмылкой добавил: — И передай своему парню, Миллер, что у него через пару лет

стоять ни хрена не будет после таких крепких утренних напитков на голодный желудок. Вот же ты тогда знатно, горько расстроишься, Зефир.

Рейн со злостью потер ладонью переносицу, явно пытаясь подавить рвущуюся наружу ярость. Он выглядел так, будто готов был прямо сейчас разнести мою крошечную кухню к чертям, а затем вышвырнуть регбиста в окно.

— Ведешь себя как законченный придурок, Торнтон, — тихо, качая головой, бросила я.

Он ничего не ответил. Резким, размашистым движением подхватил с дивана свою сумку с чистой спортивной формой, которую я полночи, проклиная всё на свете, застирывала в ванной. Рейнер буркнул сквозь зубы короткое, сухое: «Спасибо, что постирала», и стремительным шагом направился к выходу, с грохотом захлопнув за собой входную дверь.

В квартире воцарилась звенящая, удушающая и безумно неловкая тишина. Чейз так и остался стоять у стола. Он молча, очень пристально и тяжело поглядывал на меня.

— У него что... есть собственные ключи от твоей двери? — Чейз медленно, опасно выгнул бровь, и в его низком голосе прорезались первые, отчетливые и пугающие нотки настоящей ревности.

— Черт... — тихо шикнула я себе под нос, разворачиваясь на пятках и поспешно возвращаясь в свою комнату.

Я явно сейчас была абсолютно, категорически не готова к

сценам ревности, допросам и выяснениям отношений. Вчера вечером у бассейна у меня, возможно, и был глупый девичий азарт расшевелить в Чейзе собственнические чувства, но точно не с самого утра, с дикой головной болью и разъяренным Торнтоном на пороге.

— Айри? Ответь мне. У него есть ключи от этой квартиры? — Чейз пошел следом за мной, тяжело останавливаясь прямо в дверях моей спальни и блокируя выход. Его широкие плечи были напряжены. — Ты ведь вчера уверяла меня, что он бывает здесь крайне редко, просто забывает шмотки! А сейчас он вваливается спозаранку, качает права и орет из-за какой-то чашки!

— Я же тебе еще вчера всё подробно объяснила, Чейз! — раздраженно, теряя терпение, отозвалась я. Я сбросила пушистый плед на кровать и принялась лихорадочно натягивать сухую чистую футболку. Я стояла перед ним в одном кружевном нижнем белье, но мне было плевать. — Он регулярно платит за эту чертову квартиру, плюс тут куча его вещей!

— У вас с ним... — Чейз опасно прищурился, делая уверенный шаг вглубь моей маленькой комнаты. В его голосе послышался жесткий металл. — Послушай, Айри, это не выглядит как обычная дружба. Со стороны это выглядит так, будто вы делите гораздо больше, чем просто счета за аренду дивана. Он ведет себя здесь так, словно имеет на тебя все права! Словно он — хозяин этого места и твоей жизни, а я...

я просто какой-то идиот, который случайно зашел сюда на ночь и взял не ту кружку! Меня это не устраивает.

— У нас с ним ничего нет и никогда не было! — я резко развернулась к нему лицом, упрямо, до предела вздержнув подбородок. Сердце в груди бешено, испуганно колотилось от несправедливости его обвинений. — Мы просто друзья, Чейз. И если ты собираешься устраивать мне здесь следственный допрос с пристрастием из-за того, что мой лучший друг просто зашел забрать свою постиранную форму перед тренировкой, то нам лучше прямо сейчас, раз и навсегда, закончить этот разговор. Я не буду оправдываться за свою жизнь!

— Ладно, извини. Я перегнул палку, — глухо, резко остывая, проговорил Чейз.

Он устало потер лицо ладонями, выдыхая скопившееся напряжение. Он сделал шаг вперед и мягко, но крепко притянул меня к себе за талию, как раз в тот момент, когда я наконец-то с тихим щелчком застегнула металлическую молнию на своих джинсах. Его плечи заметно расслабились, но в потяжелевших глазах всё ещё читалось остаточное, болезненное напряжение ревности.

— Просто... это реально выглядит со стороны максимально глупо и дико, Айри, — тихо, с хрипотцой вздохнул он, утыкаясь носом в мою макушку и вдыхая аромат моих волос. — В моей практике ещё ни разу не было такого, чтобы моя девушка так близко дружила с каким-то парнем, да ещё и

фактически делила с ним жильё и стирала его джерси. Любой бы на моем месте сошел с ума.

— Поверь мне, Чейз, — я слегка отстранилась на расстояние вытянутой руки и серьезно, открыто посмотрела в его теплые глаза, пытаясь развеять его страхи. — У меня к Торнтону чувства примерно такие же, как к теплomu молоку.

Он удивленно выгнул бровь, на секунду растерявшись от такого сравнения:

— Это ещё как, солнышко? При чем тут молоко?

— Я его органически, физически терпеть не могу, — я забавно, брезгливо сморщила нос. — Меня от одного его вида и запаха тошнит. В самом прямом, физическом смысле слова. Так что расслабься.

Чейз на секунду замер, переваривая мою тираду, а затем громко, оглушительно и искренне облегченно рассмеялся на всю спальню, окончательно отпуская утреннюю обиду и превосходство защитника. Он прижал меня к себе сильнее, оставляя нежный поцелуй на моем виске.

— То есть мне можно вообще не переживать за конкуренцию со стороны этого сурового ледового защитника? — весело подмигнул он.

— Абсолютно, Торнтон вне конкуренции, — твердо отозвалась я, поднимаясь на цыпочки.

Оставив на его гладко выбритой щеке короткий, примирительный поцелуй, я наконец-то вырвалась из его крепких объятий. Быстро убежав в ванную, я умылась ледяной водой,

наспех подкрасила ресницы черной тушью и мазнула губы прозрачным блеском, чтобы скрыть утреннюю бледность от недосыпа. После этого мы вместе вернулись на кухню и приготовили нормальный, полноценный завтрак с яичницей, без всяких глупых разборок из-за именных кружек и чужих ключей. Жизнь снова казалась правильной, но слова Рейнара до сих пор сидели глубоко во мне, отравляя этот утренний уют.

Глава 13

В половину девятого Чейз, как и обещал, отвез меня на работу к «Пряничному латте», помог донести сумку и, крепко, надежно обняв на прощание, уехал. Впереди были длинные выходные, но провести их вместе нам было не суждено — Чейз на все три дня уезжал за город, чтобы навестить родителей и привезти младшей сестре кое-какие необходимые вещи из дома.

Мы переписывались с Чейзом все выходные напролет. Он постоянно присылал мне милые селфи на фоне уютного родительского дома, звонил по видеосвязи поздними вечерами, подробно расспрашивая, как проходят мои скучные смены у кассы. Его искреннее внимание грело душу и заставляло хоть как-то отвлекаться от гнетущих, липких мыслей после нашей утренней ссоры с Торнтоном из-за кружки.

«Я безумно скучаю по тебе, солнышко», — пришло от него теплое текстовое сообщение утром в понедельник.

Чейз должен был вернуться в Оквуд к самому началу первой пары, но его авиарейс внезапно задержали из-за жуткой непогоды, и он пообещал приехать только ближе к вечеру. Вздохнув, я убрала мобильник в глубокий карман джинсов и принялась настраивать кофемашину к наплыву студентов.

В этот самый момент стеклянная дверь кофейни привычно, звонко звякнула. Я на автомате подняла голову и замер-

ла на месте. На пороге появился Рейнер. И, конечно же, по своей неизменной, укоренившейся привычке, он уже вошел сюда с очередной новой девушкой — на этот раз высокой, ухоженной блондинкой в дорогом кашемировом пальто.

Они вальяжно подошли к стойке. Девчонка брезгливо окинула быстрым взглядом наше меню, а затем перевела на меня капризный взгляд и имела наглость высокомерно заявить на весь зал:

— Эй, можно побыстрее? Мы очень торопимся. Сделай мне карамельный макиато, и давай живее, ладно?

Я на секунду буквально опешила от такой неприкрытой, базарной грубости и инстинктивно перевела взгляд на Торнтон. Рейнер в своей темно-синей куртке стоял прямо рядом с ней, лениво засунув руки в карманы. И он в свою очередь даже ничего не сказал. Вообще. Он просто сделал каменный, абсолютно безразличный вид, будто его здесь нет, а перед ним стоит совершенно посторонняя, незнакомая ему бариста.

Это знатно, до глубины души обозлило меня. Внутри всё мгновенно закипело от жгучей обиды. Рейнер Торнтон мог сколько угодно издеваться надо мной сам, подкалывать и доводить до белого каления, но он никогда за все долгие годы нашей дружбы не позволял другим людям вытирать об меня ноги или открыто хамить в его присутствии. Он всегда врубал режим агрессивного защитника. Но сейчас его ледяное, демонстративное безразличие резануло по сердцу силь-

нее любого оскорбления. Наша стена холода росла.

Я с трудом проглотила вставший в горле горький ком и в упор посмотрела на капризную блондинку:

— Думаю, тебе стоит поучиться нормальному тону, — ледяным, но абсолютно ровным, профессиональным тоном проговорила я. — А заодно сходи почитай инструкции о том, как вообще работает рожковая кофемашина. Извини, но она, в отличие от некоторых студентов, не подчиняется чужим капризам и не умеет делать напитки быстрее положенного времени. Если тебя что-то не устраивает, вы с парнем можете спокойно сходить в другую кофейню на соседней улице. Уверена, там вам сделают кофе намного быстрее.

Блондинка возмущенно открыла рот, собираясь выдать порцию ответного яда, но я уже не собиралась её слушать.

— Джейк, подмени меня на кассе на пару минут, — резко, громко крикнула я напарнику, который как раз удачно вышел из кухонной зоны.

Я рванула завязки темно-зеленого фартука, с силой сорвала его с себя и швырнула под стол на полку. Схватив готовый стакан с горячим макиато, я с глухим стуком поставила его перед удивленной блондинкой. Я сделала это настолько резко, нервно и неаккуратно, что крутой кипяток выплеснулся через край пластиковой крышки, попадая мне прямо на тыльную сторону ладони.

Обжигающая, резкая боль мгновенно протрезвила мою горячую голову. Смахнув горячие капли с покрасневшей ко-

жи и упрямо сжав зубы, чтобы не показать им свою слабость, я стремительно ушла в подсобку, с грохотом хлопнув за собой тяжелой деревянной дверью.

Оказавшись в полумраке тесной комнаты среди коробок с сиропами, я прислонилась спиной к стене и наконец-то позволила себе шумно, прерывисто выдохнуть. Ладонь нещадно пекло, кожа горела, но еще сильнее полыхало внутри от осознания того, что Рейнер максимально меня раздражает. С появлением Чейза он просто стал меня абсолютно бесить со своими дурацкими детскими обидами, капризами и этой внезапной стеной ледяного холода. Если он решил вести себя как последний придурок из-за того, что у меня наконец-то появилась нормальная личная жизнь, — что ж, скатертью дорожка.

Я простояла в темноте подсобки пару минут, заставляя сердце биться спокойнее. Затем решительно открыла дверь и вышла в зал, сразу подхватив свой студенческий рюкзак из-за стойки. На руке уже отчетливо багровело свежее пятно ожога, но я упрямо спрятала ладонь в карман куртки.

— Джейк, я на учебу, — бросила напарнику, проходя мимо кассы.

— Хорошего дня, Лив! — крикнул он мне вслед.

Выходя из заведения, я демонстративно, с высоко поднятой головой прошла прямо мимо столика Рейнера. Он и его новая блондинка мило беседовали, о чем-то тихо шепотом переговариваясь, и Торнтон даже ухом не повел, когда моя

куртка едва не задела спинку его стула. Я толкнула стеклянную дверь и ушла на улицу.

На улице уже вовсю лил плотный, хмурый осенний ливень. У меня не было с собой зонта, резкие порывы ветра мгновенно бросили косые холодные капли мне прямо в лицо, но мне было абсолютно плевать. Я упрямо зашагала по лужам в сторону учебного корпуса, даже не пытаюсь бежать под навесы. Холодная дождевая вода приятно остужала горящие щеки, а в голове крутилась только одна-единственная мысль: *«Ничего. Вечером вернется Чейз, и всё снова будет хорошо»*. Чейз — моя реальность, мой правильный выбор, а Торнтон пусть катится к черту со своим детским игнором.

Я вытащила руку из кармана, чтобы поправить лямку рюкзака, и поморщилась от резкой боли. Кожа на тыльной стороне ладони в некоторых местах моментально покрылась мелкими водяными пузырями от ожогов. Всё ныло и горело, напоминая о том, как глупо я позволила вывести себя из равновесия. Но, разглядывая пострадавшую руку под проливным дождем, я пообещала себе, что Рейнер Торнтон больше никогда не увидит ни единой моей слабости.

Кое-как добравшись до университета, я на автомате зашла в аудиторию. Моя правая рука нещадно ныла, но я упрямо уселась за парту, надеясь затеряться в толпе. Лекция, как назло, снова оказалась совместной со старшим выпускным курсом.

Я достала тетрадь, перехватила капиллярную ручку здо-

ровыми пальцами и попыталась сосредоточиться. Вдруг над моей партой выросла массивная, монументальная фигура. Прежде чем я успела хоть что-то сообразить, Рейнер бесцеремонно, буквально за шкуру выставил моего одногруппника со стула, вынуждая бедного парня испуганно retirроваться на верхний ряд. Эта огромная скала молча, с тяжелым вздохом опустилась на сиденье прямо рядом со мной, мгновенно заполнив всё пространство запахом можжевельника, дождя и кожи.

Я демонстративно отвернулась к окну, игнорируя его присутствие. Но Торнтон не собирался играть по моим правилам.

Его большая, горячая ладонь внезапно, но безумно бережно и аккуратно перехватила мою пострадавшую руку. От неожиданности пальцы разжались, и ручка с тихим стуком выпала, покотившись прямо по лекционной тетради. Я вздрогнула, пытаясь резко выдернуть кисть из его стальной хватки, но Рейнер лишь крепче, надежнее сжал мое запястье, фиксируя его на своем бедре.

Он молча, упрямо поджал губы, бросив один-единственный тяжелый взгляд на багровеющую кожу и мелкие водяные пузыри. На его лице не было ухмылки — только сосредоточенность. Свободной рукой он залез в карман своей куртки, достал оттуда какой-то гель и, по-прежнему крепко удерживая мою руку под партой, принялся подушечкой пальца максимально аккуратно распределять мазь по ожогу.

— Отпусти, Торнтон! Мне не нужна твоя помощь! — зло, яростно прошептала я, снова дернувшись.

— Прекрати дергаться, Зефир, ты делаешь себе только хуже, — негромко, с какой-то непривычной, вибрирующей под кожей нежностью отозвался он прямо мне в ухо. От его низкого голоса и тепла, исходившего от его плеча, по моему телу пронеслась волна покалывающего жара.

Я замерла, подчиняясь его сильным рукам. Руку под действием геля постепенно переставало печь, уступая место теплу его пальцев. Рейнер закончил обрабатывать кожу, закрыл тюбик, а затем, как ни в чем не бывало, достал из своего рюкзака чистую тетрадь и бесцеремонно сунул её мне прямо под нос, нагло перекрывая мои записи.

— Мне тоже лекцию напиши, — лениво выдал он, мгновенно возвращая на лицо маску самоуверенного придурка.

От этого нахального, эгоистичного действия я чуть как-чайник от злости не закипела. Мои губы открывались от возмущения, эмоции бушевали, а внутри всё кричало о том, какой он невыносимый наглец. Но с другой стороны... где-то глубоко под ребрами почему-то разлилось тягучее, запретное тепло. Я мысленно начала ожесточенно ругать себя за эту слабость. Ведь у меня есть парень! Чейз идеальный, мы вместе, и я не должна чувствовать эту душную, плавящую химию к лучшему другу. Я должна быть зла на него за кофейню! Но, глядя на Рейнера — такого спокойного, невозмутимого, сидящего так близко, что его бедро плотно при-

жималось к моему, — мне в самый первый раз в жизни захотелось просто сдаться. Захотелось буквально бесформенной лужей растечься на этой жесткой университетской лавке, лишь бы он не отпускал мою руку. *«Почему? Какого черта со мной происходит?»* — панически думала я, упрямо утыкаясь носом в его тетрадь, пока сердце в груди выстукивало сумасшедший, рваный ритм абсолютного поражения.

Вечером, как и обещал, вернулся Чейз. Из-за непрекращающегося проливного дождя, который сплошной стеной поливал стекла окон, мы решили остаться у меня дома. Он привез с собой огромный пакет с гостинцами от мамы — там были домашние черничные кексы и потрясающее печенье с шоколадной крошкой. Оккупировав гостиную, мы включили какой-то глупый фильм и уютно устроились на стареньком диване. Я была в своей любимой уютной пижаме с кленовыми листьями, а Чейз скинул теплое худи, оставшись в одних спортивных штанах.

Мы искренне смеялись над нелепыми шутками из телевизора, хрустели печеньем, а потом начали спокойно обсуждать, как прошла его поездка к родителям.

— Слушай, мама, кажется, решила скормить нам годовой запас углеводов, — улыбнулся Чейз, кивая на полупустой пакет с ароматной выпечкой. — Она так обрадовалась, когда узнала, что у меня появилась девушка. Отец даже подмигнул и спросил, не та ли это бариста, ради которой я стал пить американо ведрами в «Пряничном латте».

— И что ты ему ответил? — хихикнула я, сильнее прижимаясь к его широкому, теплому плечу.

— Сказал, что именно та самая, — он мягко притянул меня ближе, обнимая за талию. — Сестренка тоже передавала огромный привет. Ей полегче, втянулась в медицинский, так что мои круглосуточные дежурства в ее общежитии пока отменяются. Все выходные дома я только и думал о том, как хочу поскорее вернуться сюда. К тебе.

Все это время его большие, теплые пальцы аккуратно, почти невесомо поглаживали мою обожженную руку, стараясь ни в коем случае не задевать мелкие водяные пузыри. Моя ладонь всё еще неприятно, нудно ныла, и Чейз в конце концов упрямо уговорил меня помазать кожу специальным кремом от ожогов, который сам же нашел в моей аптечке.

Спустившись с дивана на ковер, он сел напротив, бережно перехватил мою пострадавшую кисть и принялся максимально аккуратно, подушечкой пальца распределять прохладную мазь по покрасневшим участкам.

— Ну как так можно было, Айри? — негромко, с бесконечной, искренней заботой в голосе проговорил он, легонько, прохладно дуя на воспаленную кожу. — Пожалуйста, будь в следующий раз аккуратнее с этим кипятком. Не хочу, чтобы ты страдала.

Конечно же, я не рассказала ему, из-за чего действительно всё так произошло в кофейне и уж тем более умолчала о том, что Рейнар уже обработал её. Зачем ему знать про

капризную блондинку и ледяное молчание Торнтонa? В какой-то степени я ведь и правда сама была виновата в своей неосторожности — не нужно было так резко швырять этот злосчастный стакан с макиато на стойку.

Глядя на то, с каким трепетом Чейз обрабатывает мою пострадавшую руку, я почувствовала, как внутри разливается огромная волна щемящей нежности. Весь дневной негатив окончательно отступил.

— Чейз... — тихо прошептала я.

Он поднял на меня свои теплые глаза. Я плавно подалась вперед, перебралась к нему на мягкий ковер и уверенно забралась прямо к нему на колени, усаживаясь лицом к нему и обвивая руками его крепкую шею.

— Я так скучала, — искренне, открыто проговорила я, утыкаясь лбом в его подбородок.

Чейз открыто, невероятно нежно улыбнулся, откладывая тубик с мазью на пол. Его сильные ладони привычно, согревающе легли мне на талию под пижамную кофту, обжигая кожу.

— Знаю, солнышко. Я скучал так же сильно, — негромко отозвался он, подаваясь вперед и накрывая мои губы своим мягким, согревающим поцелуем, который пах домашней черникой и сладкой карамелью.

— Не хочу больше ждать, — проговорила я ему прямо в губы, когда очередной поцелуй внезапно перерос во что-то совершенно необузданное, глубокое и лишаящее последних

капель контроля.

Чейз на секунду отстранился, тяжело дыша. Его взгляд потемнел от шторма бушующих внутри чувств, а ладони на моей талии заметно сжались.

— Ты уверена, Айри? — хрипло, сдерживая дыхание, уточнил он, внимательно вглядываясь в мое лицо. — Абсолютно уверена в этом?

— Я трезва, как ты видишь, — смущенно улыбнулась я, чувствуя, как щеки обдает приятным девичьим жаром. — Ну... не считая этого пьянящего аромата маминогo черничного печенья.

Чейз тихо, бархатно рассмеялся, и это окончательно разрушило остатки неловкости между нами. Одним легким, уверенным движением он поднялся со мной с пола, крепко удерживая на руках, и уверенно понес в сторону спальни. В полумраке коридора его шаги казались абсолютно бесшумными.

— Пока мы идем, я даю тебе ровно пару секунд, чтобы передумать, солнышко, — негромко отозвался он, сильнее прижимая меня к своей горячей груди. — Потому что потом я уже просто не смогу остановиться.

— Не останавливайся, Чейз, — прошептала я, поглаживая его крепкие плечи и робко зарываясь пальцами в прохладные кудри.

Он толкнул дверь спальни ногой. В комнате царил уютный полумрак, разбавляемый лишь косыми полосами света

от уличного фонаря через залитое крупными каплями дождя окно. Чейз аккуратно опустил меня на мягкие простыни и мгновенно навис сверху, накрывая мои губы новым, требовательным и невероятно горячим поцелуем.

Вся моя прошлая скованность и неопытность словно окончательно растворились в его тепле. Я беспрекословно подчинялась каждому движению его рук, которые уверенно, но безумно бережно снимали с меня пижамную кофту, стараясь ни в коем случае не задеть пострадавшую руку с ожогом. В этой интимной тишине спальни, под мерный стук проливного дождя за стеклом, мир вокруг перестал существовать. Не было никакого колледжа, никаких дурацких профессоров, никаких кофейных стоек и, главное, не было ледяного взгляда Рейнера Торнтона. Был только Чейз.

Мы полностью растворились в ощущениях, синестезии тепла и прерывистого, тяжелого дыхания на двоих. Его пальцы мягко переплетались с моими, горячая кожа обжигала при прикосновениях, а шепот в темноте кружил голову сильнее любого алкоголя. Это было безумно чувственно, накалено и так правильно, что в какой-то момент у меня из глаз едва не покатились слезы от переполнявшего грудь абсолютного счастья. Я доверяла ему на все сто процентов.

Правда, в самом начале я на мгновение испугалась, инстинктивно сжалась и замерла, думая, что он заметит это и остановится. Ожидала, что Чейз увидит, как я невольно отступаю назад перед этой пугающей неизвестностью первой

близости. Но я лишь крепко закусила губу, пытаюсь справиться с волнением.

Чейз среагировал мгновенно. Он притормозил, мягко улыбнулся в полумраке комнаты и заглянул мне в глаза, бережно убирая влажную прядь с моего лба.

— Всё хорошо, солнышко? — тихо, с бесконечной, взрослой нежностью спросил он. — Если ты хочешь, мы можем просто подождать...

Он сделал паузу, готовый в ту же секунду отстраниться и унять свой пыл ради моего комфорта. Но куда было отступать? Мы уже касались друг друга горячими телами, и от его близости по моей коже бежали сводящие с ума мурашки. Я понимала, что обратного пути нет.

Я закрыла глаза, полностью отдаваясь его движениям рук, его горячим губам, которые спускались к моей шее. Напряжение внутри росло, плавя последние остатки здравого смысла. Чейз навис надо мной сильнее, фиксируя мои руки, и в этот самый миг перед моими глазами в полумраке спальни внезапно вспыхнуло странное, пугающее видение. Сквозь пелену собственных чувств я четко, осязаемо увидела, что надо мной склоняется вовсе не Чейз.

Надо мной нависал Рейнер.

Его тяжелый взгляд, его резкие скулы и этот шрам над бровью проступили в темноте так явно, словно он действительно был здесь. Я испуганно затаила дыхание, сердце пропустило удар, а по телу пробежал ледяной трепет. Я лихо-

радочно зажмурилась, судорожно проморгалась и снова открыла глаза. Передо мной по-прежнему был Чейз, который удивленно и встревоженно смотрел на меня.

Внутри меня всё мгновенно завязалось в тугую, болезненный узел. Я сама не поняла, что со мной только что произошло, этот внезапный морок до смерти напугал меня. Раскрепощенность испарилась, появилась паника и стыд перед парнем, который был ко мне так добр.

— Чейз... я... я не могу, прости, — прерывисто, едва слышно прошептала я, упираясь ладонями в его плечи и отворачивая голову в сторону. — Прости.

Чейз на секунду замер. В его потемневшем взгляде промелькнула тень тяжелого, бушующего шторма, а ладони на моей талии заметно напряглись, но он мастерски, в ту же секунду взял себя в руки. Он шумно выдохнул, гася свой пыл, и аккуратно отстранился. На его лицо вернулась мягкая, заботливая улыбка.

— Всё хорошо, солнышко. Я всё понимаю, — тихо, с бесконечной нежностью проговорил он, ни капли не обидевшись.

Он плавно улегся рядом со мной на простыни, бережно притянул меня к своему теплему обнаженному боку и укрыл нас двоих тяжелым пледом до самого подбородка. Чейз долго и нежно перебирал мои светлые волосы, целуя в макушку и успокаивая мое бешено колотящееся сердце, пока наше дыхание плавно выравнивалось в тишине комнаты.

Я уткнулась носом в его плечо, отчаянно пытаюсь заглушить жуткий внутренний голос. Чейз был идеальным, понимающим и таким правильным. Так почему же в темноте этой спальни мое подсознание так упрямо звало совершенно другого человека?

Глава 14

Наверное, каждая девушка мечтает проснуться после своего первого раза, открыть глаза и увидеть растрепанного, абсолютно счастливого парня, а потом снова слышать от него те самые тихие, ломающие сердце слова любви, которые он дарил ей ночью в темноте спальни.

Я проснулась в потрясающем, окрыленном настроении. Но вот только я обо всем этом не мечтала. Потому что у меня вчера ничего не получилось. Как и всегда это происходит со мной, я сама же завела этот момент, сама проявила инициативу, а в итоге в самый интимный момент испугалась глупого видения и оставила Чейза ни с чем. Но моя окрыленность была вызвана другим: Чейз не разозлился. Он проявил такую нереальную, чуткую заботу, укрыл меня пледом и просто заснул в обнимку со мной, прошептав в темноту слова, от которых внутри всё таяло. Я была уверена, что встретила своего идеального человека.

За окном всё так же монотонно шумел утренний дождь, но внутри порхали тропические бабочки. Из кухни уже доносился до безумия приятный, густой аромат свежесваренного кофе и теплой маминой выпечки, которую мы вчера так и не доели. Сладко потянувшись, я на ходу завернулась в пушистое одеяло прямо на голое тело и, счастливо улыбаясь как круглая дура, ленивой походкой побрела в гостиную.

Но моя улыбка исчезла сразу же, стоило мне переступить порог кухонной зоны. Настроение рухнуло вниз с высоты одиннадцатого этажа.

На кухне возился вовсе не Чейз. На моем стуле, бесцеремонно развалившись и закинув ногу на ногу, сидел Рейнер Торнтон. Он лениво залипал в свой телефон, удерживая в одной руке мою кружку, которую он когда-то подарил мне в отместку, с надписью «Собственность капитанского зефира», и неторопливо пил утренний кофе.

Я застыла на месте, крепче перехватывая края одеяла на груди. Воздух в помещении в секунду стал холодным и удушливым.

Рейнер медленно поднял на меня свои потяжелевшие, абсолютно непроницаемые глаза. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он молча, с каменным выражением лица поджал губы, засунул руку в карман своих спортивных штанов и достал оттуда аккуратно сложенный вдвое клочок бумаги. Рейн лениво помахал им в воздухе, а затем с тихим шуршанием откинул его на деревянный стол.

Я на не слушающихся ногах сократила расстояние между нами, стараясь держаться как можно дальше от его стула. Схватив бумажку со стола, я бегло мазнула глазами по знакомому аккуратному почерку Чейза:

«Солнышко, мне экстренно позвонил тренер, нужно срочно быть на раскатке перед парами. Не хотел тебя будить, ты так сладко спала. Люблю тебя, до встречи в корпусе».

Я резко развернулась, собираясь уйти обратно в комнату и скрыться от этого тяжелого, жгучего взгляда лучшего друга, который буквально прожигал мне спину.

— В принципе, что я тебе и говорил, — глухо и с жестокостью, режущей ухмылкой крикнул Рейнер мне в спину, заставляя меня замереть на пороге коридора. — Твой идеальный капитан поймел то, что хотел, и сбежал при первом же удобном шуме. Наслаждайся своей ванильной сказкой, Зефир.

Я попыталась с силой захлопнуть дверь спальни перед его носом, но Рейнер в последнюю секунду упрямо засунул руку в проем, перехватывая косяк. Раздался глухой стук — деревянная створка со всего размаху врезалась прямо по его пальцам. Торнтон лишь болезненно шикнул сквозь зубы, резко отдергивая кисть, но я даже не подумала извиняться за свою грубость. Злость и стыд душили меня изнутри.

— Даже я, Зефир, не бросаю девушек с утра, когда лишаю их девственности, — глухо, с какой-то ядовитой и злой ухмылкой процедил он, упрямо заглядывая мне за плечо вглубь комнаты.

— С чего ты вообще взял, что он лишил меня девственности?! — тут же яростно воспротивилась я, разворачиваясь к нему всем телом и сильнее запахивая одеяло на груди. Наглый, самоуверенный придурок! Какое ему вообще дело до моей постели?!

Вместо ответа Рейнер лишь медленно окинул меня дол-

гим, потяжелевшим взглядом с ног до головы. Его глаза сузились, задерживаясь на моих ключицах, плечах и голых ногах, а затем он с тяжелым вздохом глухо, сдерживая злость, выдал:

— Серьезно, Миллер? А чем же ты тогда, по-твоему, занималась с ним в абсолютно голом виде, раз проснулась такая окрыленная и счастливая, что аж светишься? Или вы всю ночь в приставку рубились под этим одеялом?

У меня внутри всё похолодело, а щеки мгновенно опалило таким диким, невыносимым жаром от его откровенных слов, что захотелось провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Я стыдливо и крепко поджала губы, чувствуя себя абсолютно незащитной перед этим его всезнающим, режущим и удушающим взглядом. Рассказывать ему, что я в панике остановила Чейза из-за видения с самим Торнтоном, было бы полным самоубийством.

— Вали из моей комнаты, Торнтон... — яростно, со слезами обиды на глазах прошипела я ему прямо в лицо. — Просто убирайся вон из моей квартиры!

— Понял, не дурак, — тихо и непривычно серьезно отозвался он. На его лице больше не было издевки.

Рейнер плавно потянул ручку на себя и аккуратно, без лишнего шума прикрыл за собой белую дверь, оставляя меня в уединении спальни. Но, разумеется, последнее слово в этой дурацкой стычке всё равно должно было остаться именно за ним. Из-за закрытой створки донесся его приглушенный, но

отчетливый, безжалостный голос:

— Повеь мне на слово, Миллер... сегодня ты своего капитана в колледже вообще не увидишь. У него прямо сейчас найдется ещё как минимум сто веских причин, чтобы демонстративно тебя игнорировать.

Я лишь злобно шикнула, швырнув в закрытую дверь подвернувшуюся под руку мягкую игрушку, а затем обессиленно села на край кровати. Одеяло соскользнуло с плеч, но я даже не обратила на это внимания. Мои пальцы слегка дрожали, когда я снова бережно развернула в руках помятый клочок бумаги с аккуратным почерком Чейза. Написанные им слова казались такими теплыми, такими правильными...

— Уверена, всё это просто бред Рейнера, — едва слышно прошептала я сама себе в пустую комнату, отчаянно пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. — Чейз не такой.

Но глубоко внутри, под ребрами, из-за ядовитых слов Торнтона уже начал медленно, но верно разрастаться первый липкий укол необъяснимого, леденящего страха.

Кое-как переборов дрожь, я быстро оделась в привычные джинсы и чистую кофту. Когда я наконец вышла обратно в комнату, обнаружилось, что Рейнер и не думал уходить. Он всё так же лениво сидел за кухонным столом, бесцеремонно доедая остатки вчерашней выпечки из пакета Чейза и запиная её остатками кофе. Его невозмутимый вид и шуршание обертки дико злили, подливая масла в огонь моего нарастающего страха.

— Разве ты не должен быть сейчас в постели с той блондинкой? — раздраженно проговорила я Рейну, когда подошла к столу и в очередной раз попыталась запихнуть в рюкзак толстую тетрадь по экономике.

Но она, упрямо не желая лезть внутрь, то и дело подворачивала картонные углы. Руки дрожали. В теле после жестоких слов Рейнера скопилось такое напряжение, что я едва контролировала свои движения. Мысли в голове неслись хаотичным, пугающим потоком. Если он — признанный знаток всех походов, меняющий девчонок как перчатки — с такой уверенностью заявляет, что это стандартная тема... То что это значит? Меня только что бросили? Поиграли, ослепительно поулыбались, подождали, пока наивная дурочка Миллер поедет крышей от любви, а утром просто технично кинули?

Неужели Чейз действительно мог меня бросить из-за того, что я вчера не смогла пойти до конца? Из-за того, что в самый последний момент просто испугалась и отказалась? Неужели он настолько поверхностный, или я сделала какую-то глупость? Неужели он мог так со мной поступить?

Я тут же дико разозлилась и на себя, и на эту несчастную тетрадь. В сердцах со всей силы швырнула её прямо на пол, зло оперевшись ладонями в край стола и низко опустив голову. Горячие, крупные слёзы сами собой, против моей воли, потекли по щекам, капая на паркет.

«Боже, зачем, зачем я себя накручиваю?» — отчаянно ду-

мала я, кусая губы. — *«Сначала нужно нормально поговорить с Чейзом, увидеть его лично в университете, а уже потом лить слёзы и ставить крест».*

Рейнер молча подошел ближе, бесцеремонно забрал из-под моего носа рюкзак, поднял с пола тетрадь и одним идеальным, спокойным движением засунул её внутрь. А затем он резко, но аккуратно дёрнул меня за локти на себя, заставляя выпрямиться и заглядывая мне прямо в заплаканное лицо.

— Ты такая глупая, Зефир, честное слово, — негромко, без тени привычной насмешки проговорил он, всматриваясь в мои покрасневшие глаза. — Я же тебе, дуре, сразу сказал, что этот твой капитан — тупой вариант. Да ты лучше бы с Итаном начала встречаться, от него и то проблем меньше. Или ты реально думаешь, что я тебе все эти советы от балды даю?

— Я думала, ты просто издеваешься надо мной... — снова едва слышно прошептала я, и новая одинокая слеза скатилась по щеке.

— Дура ты, Миллер, — выдохнул он, плавно притягивая меня к своей широкой груди и крепко прижимая к себе.

— Сам дурак, — пробурчала я ему прямо в плотную ткань футболки, даже не пытаясь вырваться.

Его аромат можжевельника и табака был таким привычным, родным и uspоаивающим, что рыдания внутри меня начали медленно утихать.

— Но я всё ещё дико зол, что ты отдаешь этому придурку мои личные вещи, — глухо добавил он сверху, продолжая удерживать меня в объятиях.

— Ну так заberi их все к себе, в чем проблема? — буркнула я, шмыгая носом.

— Ага, а я в чём ходить-то буду? — тут же отозвался он, тихо посмеиваясь мне в макушку. — В твоих коротких платьях? Ну уж нет. Если парни из хоккейной сборной увидят меня в таком прикиде на парковке, они придумают мне новую кличку.

— В каком смысле новую? — я чуть отстранилась, утирая слезы ладонью и удивленно шмыгнув носом. — А какая твоя старая кличка?

Рейнер выразительно кивнул головой в сторону кухонного стола, где сиротливо высилась кружка с принтом.

Точно. Я же сама сделала эту дурацкую надпись «Зефирный хоккеист» только потому, что его именно так в шутку обзывали парни в старшей школе, когда он таскал мне из кофейни сладкие маршмеллоу.

— Ладно. Помимо зефира, что ты любишь ещё? — пробурчала я, шмыгая носом и пытаясь взять себя в руки. — Нам срочно нужно сделать тебе еще одну кружку, раз эту Чейз осквернил своим американо.

Торнтон тут же открыто, хрипло рассмеялся, ласково потрепав меня рукой по растрепанным светлым волосам, окончательно разрушая остатки утренней драмы. Он хитро при-

шурился, глядя на меня сверху вниз, и выдал:

— Ну, если честно, Зефирка, больше всего на свете я люблю одну невыносимую, упрямую и жутко слепую блондинку, которая вечно варит мне кофе на занятия и раздаёт мои шмотки. Но боюсь, если мы напечатаем это на кружке, Итан Картер умрет от зависти прямо в раздевалке.

Я лишь возмущенно фыркнула и слабо пихнула его кулаком в бок, приняв его слова за очередное дурацкое издевательство.

— Придурок ты, Торнтон. Так что там с блондинкой? — спросила я, утирая остатки слез и пытаясь перевести тему. — Почему ты сейчас не в постели с ней, а снова уничтожаешь мои запасы кофе?

— Вообще-то, я с ней и не спал, — сухо отозвался Рейнер, кривясь так, будто у него внезапно заболели все зубы сразу. — Эта стерва — дочь главного бизнес-партнёра моего отца. Припёрлась на мою голову прямо с утра. Конечно же, чтобы лишний раз не злить предка, мне пришлось тащиться с ней в кофейню, угощать макиато и выслушивать парочку дебильных рассказов про её новый маникюр и прочую полную херь.

Я тут же прыснула в кулак, представив сурового Торнтона, слушающего про стразы на ногтях. Рейн недовольно пихнул меня локтем в бок.

— Бедный... Ты, наверное, так сильно страдаешь от того, что сегодня ночью не согрел ничью постель.

— Если ты мне так искренне сочувствуешь, Миллер, то

могла бы и помочь другу с этой проблемой, — он тут же нагло заулыбался, в упор глядя на меня.

— Придурок, — снова пробурчала я, закатывая глаза. — Ты когда-нибудь вообще станешь серьезным, а? Хватит уже своих пошлых шуточек в мою сторону. Тебе со мной ничего не светит, так и знай. Даже если меня пятьсот мужчин бросит подряд, я ни за что не буду греть твою постель. Я не собираюсь становиться очередной строчкой в твоём бесконечном списке девиц. Какая там у тебя сейчас цифра? Миллион первая?

Стоило мне произнести эти слова, как атмосфера на кухне изменилась за долю секунды. На лице Рейнера мгновенно заходили желваки, а улыбку как ветром сдуло. С глухим стуком он зло отставил чашку в раковину.

— Эй, а помыть за собой? — тут же возмутилась я.

— А ты когда наконец перестанешь тыкать мне в нос свой сраный список?! — неожиданно рывкнул он, разворачиваясь ко мне. Его голос громом пронёсся по маленькой кухне. — У меня нет никакого списка, ясно тебе?!

Прежде чем я успела хотя бы пикнуть от шока, он в один широкий шаг сократил расстояние между нами до абсолютного минимума, практически вжимая меня спиной в кухонный гарнитур. От него веяло чистой, необузданной злостью и жаром.

— Не думай, что ты вообще всё обо мне знаешь, Миллер! Ты ни черта обо мне не знаешь, поняла?! — процедил он мне

прямо в лицо, и его глаза опасно потемнели. — Потому что ты дура слепая. И поверь мне на слово, если бы ты реально обо мне хоть что-то знала или хотя бы хотела узнать, то ты бы прекрасно понимала, когда, зачем и чью именно постель я грею в действительности!

Я замерла, сжавшись и даже боясь вздохнуть. Сердце колотилось в самом горле. Рейнер тяжело дышал, глядя на меня сверху вниз, а затем резко отпрянул, с силой подхватывая мой рюкзак и швыряя его мне в руки.

— А теперь шевели батонами, Миллер. Я не собираюсь из-за твоих соплей прогуливать первую пару. Жду в машине через пять минут.

Он развернулся и стремительно вышел из квартиры, с грохотом захлопнувшей за собой дверь. Я осталась стоять на кухне в полном одиночестве, испуганно моргая и пытаюсь понять, почему обычная шутка про его бабничество вызвала у Торнтона сейчас такой взрыв ярости.

Глава 15

Всю поездку до университета мы ехали в абсолютном, удушающем и давящем молчании. Рейнер упрямо, неотрывно смотрел на залитую ливнем дорогу, до побелевших костяшек пальцев сжимая кожаный руль, а я сидела на пассажирском сиденье, отвернувшись к боковому окну и делая вид, что меня безумно, до глубины души интересуют стекающие по стеклу холодные капли дождя.

Стоило внедорожнику затормозить на переполненной университетской парковке, как Рейн первый покинул машину. Он вышел, с силой хлопнув тяжелой дверью так, что весь салон слегка качнулся. Я осталась сидеть на месте, молча и растерянно глядя через запотевшее лобовое стекло на его быстро удаляющуюся широкую спину. Его размашистый шаг выдавал ярость, которую он так и не смог подавить.

«Что с ним снова происходит?» — уныло, с нарастающей тоской подумала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — *«Почему он ведет себя так, словно я нанесла ему личное оскорбление?»*

Выйдя наконец под проливной осенний дождь и быстро избежав по каменным ступеням главного корпуса, я тут же в холле столкнулась с Мией и Итаном. Друзья караулили меня у самого центрального входа, явно дожидаясь нашего приезда.

— Привет, ребята, — я устало, нервным движением сбросила мокрый капюшон на плечи. — Вы видели сейчас Торнтона? Что это с ним вообще такое творится с самого утра? Почему он вечно бесится на ровном месте, швыряет вещи и орет на меня как сумасшедший?

Итан, который до этого момента весело, беззаботно жевал мятную жвачку, от моих резких слов внезапно притих. Он смешно поджал губы, переводя настороженный взгляд с моего злого лица на Мию, словно искал у неё поддержки.

— Ну... вообще-то, на позапрошлой неделе он изрядно перебрал в баре после тяжелой игры, — неохотно, замывшись, отозвался Картер. Он засунул руки глубоко в карманы своей спортивной куртки и отвел глаза. — И там, по секрету, чисто по-пацански выдал мне, что есть одна девчонка здесь, у нас в колледже, которая его просто жестко, безбожно динамит уже не первый месяц. Но говорить, кто она, он мне категорически отказался. Сами понимаете, у Торнтона статус главного мачо кампуса, гордость, авторитет на льду, все дела... Ему тупо стыдно и стремно признать перед командой свою френдзону.

— Seriously?! — мы с Мией синхронно, от полнейшего шока вытаращили глаза и заговорщически переглянулись.

У меня внутри от этих слов даже как-то странно полегчало, а обида на его утренние придирки немного притупилась. Так вот почему он сегодня устроил этот дикий, сумасшедший концерт на моей кухне и так яростно, до хрипоты орал

про свой «сранный список» девиц! Его просто задело за самое живое то, что какая-то неприступная красотка указала великому и непобедимому капитану Торнтону на дверь, пока остальные первокурсницы вешались на него пачками ради статуса.

— И кто же эта вселенская героиня? — моментально загорелась азартным любопытством Мия, крепко хватая Итана за рукав плотного худи. — Ну же, Картер, колись! Ты обязан знать! Кто смог отшить Торнтонa?

Итан лишь безразлично пожал широкими плечами, ловко уворачиваясь от ее цепких пальцев.

— Понятия не имею, Брукс. Он сразу же заткнулся и перешел тему, как только пьяным мозгом понял, что сболтнул лишнего. Но если раскинуть мозгами и сопоставить факты... Думаю, это Мэдисон из параллельной группы экономическо-го потока. Рейн гулял с ней дольше всех в начале этого семестра, целых две недели везде с собой таскал. А сейчас она в открытую крутит роман с Рони из регбийного клуба. Вот Торнтон, наверное, и бесится, глядя на своего соперника. Уязвленное самолюбие.

— Точно! Мэдисон! — авторитетно, знающе закивала Мия. — Она же из высшего общества, её отец держит огромную сеть частных клиник штата. Идеально, просто безупречно подходит под пафосные запросы Торнтонa-старшего.

— Ладно, бог с ним, с Торнтоном и его личными драмами с Мэдисон, — проговорила я, поправляя лямку рюкзака и

судорожно оглядывая заполненный студентами холл. Сердце снова сделало рваный кульбит. — Вы Чейза сегодня еще не видели в корпусе? У него вроде утренняя тренировка на поле должна быть.

Мия от моего вопроса тут же как-то странно, пугающе замолчала, а Итан резко отвел глаза в сторону, упрямо утыкаясь взглядом в носки своих кроссовок. Веселая атмосфера вокруг нас в одну секунду изменилась, становясь натянутой и липкой.

— Вообще-то, Лив... Сегодня утром ещё не было никакой тренировки, её отменили, — тихо, с каким-то странным, давящим сочувствием в голосе проговорила Мия, переводя взгляд с моего лица на притихшего Итана. Словно они оба что-то знают. Что-то очень паршивое, о чем боятся сказать мне вслух.

— В каком смысле отменили? — я удивленно вздёрнула брови, и внутри у меня снова зашевелился тот самый липкий, леденеющий укол страха из спальни. Руки мгновенно похолодели. — А почему ваши мины так внезапно скисли? Что вообще происходит, ребята? Не молчите. Чего вы от меня умалчиваете?

— Рейн позвонил нам полчаса назад, перед тем как забрать тебя... — осторожно, подбирая слова, начала Мия. Она сделала шаг ко мне, пытаясь бережно взять меня за руку. Но в моей голове, отравленной утренними безжалостными пророчествами Торнтона, всё перевернулось. Мне пока-

залось, что Рейнар уже успел растрепать друзьям о том, как застал меня в одеяле на голое тело, и теперь они все смотрят на меня с жалостью, умалчивая подробности.

— Так. Стоп! — я тут же резко выставила ладонь вперед, обрывая её объяснения на полуслове...

Меня буквально затрясло от бешеной злости, стыда и подступившего к горлу удушливого унижения.

— Я даже слушать не хочу, ясно вам?! Всё, что этот придурак Торнтон вам наговорил по телефону, — это моё личное дело и только моё! Хватит лезть мне в трусы! — в сердцах, не контролируя себя, крикнула я на весь огромный холл.

Несколько студентов, стоявших у доски расписания, удивленно, с любопытством обернулись на мой громкий крик, но мне в тот момент было абсолютно, глубоко плевать на чужие взгляды. Дикая злость на Рейнера, который умудрился залезть в мою личную жизнь и тут же, как я думала, растрепать всё друзьям, просто ослепила меня.

Не дав Мие сказать больше ни единого слова, я грубо растолкала их с Итаном плечами и стремительным, почти бегущим шагом ушла в сторону своей аудитории. Из глаз едва снова не брызнули горячие слезы обиды, но я упрямо сжала зубы, заставляя себя дышать как можно ровнее.

Залетев в душный кабинет, я принципиально проигнорировала нашу привычную галёрку на заднем ряду, где уже всю шумели одноклассники, и в одиночестве села на первое свободное место в среднем ряду у самого окна. Шумно,

с грохотом бросив рюкзак на соседний стул, я дрожащими пальцами достала из кармана джинсов телефон. Экран был чист — ни одного нового уведомления. Информационный вакуум.

Я открыла наш чат с Чейзом и быстро, глотая слезы, набрала сообщение:

«Привет! Я уже в корпусе. Мия говорит, что вашу тренировку отменили. Всё в порядке? Где ты?»

Нажав кнопку «отправить», я уставилась на серую одинокую галочку. Прошла минута. Пять минут. Профессор уже зашел в аудиторию и начал монотонно, со скрипом что-то писать мелом на доске, а я всё так же гипнотизировала экран, на котором статус сообщения так и не менялся на «прочитано». Чейз упрямо молчал. Его телефон был либо выключен, либо он просто демонстративно, намеренно игнорировал мой текст. И в эту секунду безжалостные, ядовитые слова Рейнера, брошенные мне утром, начали обретать пугающе реальные, осязаемые очертания. *«Сегодня ты его вообще не увидишь».*

Все оставшиеся пары я отсидела в жутком, выматывающем и опустошающем напряжении. Преподаватели сменяли друг друга у доски, переворачивались страницы конспектов, но для меня их голоса сливались в одно сплошное белое пятно. Мой мир сузился до размеров глянцевого экрана телефона.

В середине второй лекции моё первое сообщение нако-

нец-то сменило статус на «прочитано». Мой пульс взлетел, я затаила дыхание в ожидании ответа... но его так и не последовало. Чейз просто просмотрел мои слова и промолчал. Сердце глухо, болезненно заныло под ребрами, словно в него загнали иголку. Спустя час я, окончательно переступив через собственную гордость, отправила еще два коротких, умоляющих текста: *«Чейз, ответь мне, пожалуйста, я волнуюсь»* и *«Где ты вообще?»*.

И они снова, спустя несколько минут, оказались прочитаны. Прочитаны и безжалостно, хладнокровно оставлены без единого слова в ответ. Весь мир рушился. Неужели он действительно бросил меня из-за того, что я вчера отказала ему в спальне? Из-за того, что я испугалась глупого видения с Торнтоном? Неужели Рейнар был прав, и для Чейза всё это было лишь красивой, глянцево́й игрой, а наткнувшись на барьер, он просто технично меня слил?

Мия весь день честно, отчаянно пыталась поговорить со мной, караулила на переменах у дверей аудиторий, но я упрямо молчала и ускоряла шаг, потому что просто не знала, что ей сказать. К горлу подкатывал тяжелый, удушливый ком слез.

— Может, Рейн всё-таки был во всем прав? — тихо, с какой-то звенящей, опустошающей обреченностью проговорила я подруге, когда мы наконец в конце дня сбежали со следующей лекции и забились вдвоем в самый дальний, заброшенный женский туалет корпуса, устроившись на широком

мраморном подоконнике. — Я полная дура, Мия. Наивная, слепая дура, поверившая в сказку.

— Да ладно тебе, Лив, не изводи ты себя так, — мягко, сочувственно отозвалась подруга. Она подобрала ноги под себя на мраморе и с глубоким сожалением посмотрела на мои покрасневшие, заплаканные глаза.

— У меня... у меня ведь даже ничего не было с ним, Мия, — вдруг глухо, ломающимся голосом призналась я, утыкаясь лицом в ладони. Скрывать это больше не имело смысла. — Я испугалась в самый последний момент. Сама завела этот чертов момент в спальне, а потом запаниковала и остановила его. Наверное, поэтому он меня сегодня и бросил, понимаешь? Просто проигнорировал, потому что я оказалась со странностями. Всем парням же на самом деле важна только постель, это их главный инстинкт. Посмотри хотя бы на нашего Рейнара, — я горько, вымученно усмехнулась сквозь подступающие к горлу рыдания. — Торнтон швыряет девчонок направо и налево даже после того, как получает от них всё. А Чейз бросил меня даже без этого. А если бы... если бы всё было? — я тут же, не выдержав, окончательно разрыдалась, закрывая лицо руками, и плечи мои судорожно заходили ходуном. — Господи, если бы я отдалась ему, а он точно так же технично слился утром, это был бы позор для меня, Мия... Я бы этого просто не пережила.

Мия мгновенно придвинулась ближе, крепко, до хруста в ребрах обнимая меня за плечи и утыкаясь носом в мою

макушку, давая мне выплакаться.

— Мой самый первый парень, помнишь Билли Эзика из одиннадцатого класса? — Мия криво усмехнулась, качая головой, когда мои рыдания начали немного утихать. — Так вот этот козёл кинул меня в тот же чертов день. Твой Чейз хотя бы записку тебе оставил и честно остался на всю ночь, проявил заботу, не стал давить, когда ты отказала. А тот урод... как только слез с меня, натянул свои боксеры, выдал: «Ну, ты чертовски приятная кукла, Брукс», и с тех пор я его вообще в своей жизни не видела. После него у меня, конечно, было еще парочка неудачных придурков, но там уже кидала я сама, чисто ради мести всему мужскому роду. Так что не вешай нос, Лив. Если Девенпорт оказался настолько мелочным придурком, что слился из-за банального отказа, он не стоит ни одной твоей слезы. Просто прими этот факт. А ещё лучше — мы можем прямо сегодня пойти, накидаться в хлам соком с водкой и написать ему самое убогое, разгромное сообщение о том, что как мужчина он полный ноль.

Я внезапно прыснула и громко, искренне рассмеялась на весь туалет, вытирая мокрые дорожки слез с щек. В этом была вся Мия — её безумные терапевтические методы всегда работали безотказно.

— Думаю, напиться мне сейчас точно надо, — выдохнула я, чувствуя, как каменная тяжесть в груди немного отступает под воздействием её тепла. — Но писать мы ему ничего такого, конечно же, не будем.

— Ну и хорошо, — Мия задорно подмигнула мне, спрыгивая с подоконника и поправляя юбку. — Просто смачно плюнем этому идеальному капитану регби в его смазливую рожу, как только он соизволит появиться в коридоре.

И я снова рассмеялась, чувствуя, что рядом со своей сумасшедшей рыжей бандой я смогу пережить даже самое паршивое предательство в жизни.

Несмотря на паршивое настроение и настойчивое желание забиться в самый дальний угол своей квартиры, я всё же поддалась на уговоры Мии и осталась после пар на трибунах ледового дворца. Мне приходилось сидеть здесь и смотреть, как играют парни. С каждым новым днём, по мере приближения официального старта сезона, их внутренние спарринги становились всё более жесткими и агрессивными.

Я, если честно, вообще никогда не любила хоккей. И совсем не потому, что мне не нравился холодный лёд, массивная форма или сам вид этой зимней игры, вовсе нет. Я искренне не выносила его за ту первобытную, дикую жестокость, которую хоккеисты с такой легкостью проявляли на ледовой арене.

С самого начала этого тренировочного спарринга игра пошла на каких-то запредельных, самоубийственных скоростях. Нападающие противоположной пятерки летели вперед, буквально взрывая коньками ледяную крошку, а наши парни встречали их со звериной, жесткой агрессией. Лезвия со свистом резали лёд, шайба со свирепым стуком отскакива-

ла от клюшек. В какой-то момент один из гостевых игроков попытался прорваться по правому флангу, но Рейнер встретил его корпусом на полной скорости. Раздался страшный, глухой и зубодробительный хруст — парня со всего размаху буквально размазало по защитному пластиковому борту, так что трибуны содрогнулись. Игрок рухнул на лёд, теряя клюшку, а Торнтон даже не притормозил, уносясь защищать зону. Хоккеисты просто крушили друг друга, сбивали с ног, летели на полной скорости в жесткие стыки, и казалось, что они готовы прямо сейчас ломать соперникам кости ради пустой тренировочной победы. Они свирепели с каждой секундой, и воздух над площадкой, казалось, был пропитан чистым адреналином и злостью.

Когда до конца периода оставались считанные минуты, ситуация окончательно вырвалась из-под контроля. Кто-то из чужой команды умышленно и подло подсек Нейтана сзади, когда тот вел шайбу к воротам. Коул с тяжелым грохотом полетел на лёд, проехавшись спиной по площадке. Торнтон, увидев, как сбивают его друга, озверел мгновенно. Он на полной скорости отбросил клюшку в сторону, сорвал с себя краги и коршуном налетел на обидчика, сбивая его с ног и с ходу впечатывая мощный кулак прямо в шлем.

В ту же секунду ледовая арена превратилась в сущий ад. Игроки обеих команд лавиной сорвались со своих скамеек, коньки скрежетали, и на льду мгновенно вспыхнула яростная, кровавая потасовка стенка на стенку. Это была дикая,

неуправляемая свалка из массивных тел, щитков и шлемов. Хоккеисты таскали друг друга за джерси, швыряли на лед, и удары сыпались со всех сторон с глухим, жутким стуком. Итан и Нейтан уже вовсю махались в самом центре этого хаоса, защищая своего капитана.

Мия испуганно пискнула, в панике подорвалась со своего места на трибуне, пулей сбегала по ступенькам вниз к самой кромке арены и принялась что-то отчаянно, надрывно кричать через высокий пластиковый заградитель, пытаясь докричаться до Нейтана, пока вокруг ломались клюшки. Я лишь тяжело вздохнула и полностью прикрыла глаза холодной ладонью. Опять драка. Они сейчас точно перекалечат друг друга до начала чемпионата.

Минут через десять оглушительный, раскатистый свисток главного тренера наконец-то прервал этот безумный хаос. Тренер быстро, без лишней церемонности, жестко раскидал тяжело дышащих амбалов по углам площадки как провинившихся, нашкодивших щенков и досрочно, со злостью завершил тренировочную игру, пообещав всем устроить ад на следующей неделе.

Парни — потные, взъерошенные, с разбитыми в кровь губами, сорванными костяшками пальцев и бешено вздымающимися грудными клетками — начали лениво, со скрипом съезжать со льда в сторону раздевалок. Мия тут же пулей кинулась навстречу Нейтану, бережно, дрожащими руками осматривая его свежую поцарапанную скулу, а я так и оста-

лась стоять поодаль у самого выхода с трибун, опустив голову и безучастно глядя на носки своих старых кед. Внутри всё по-прежнему бушевало от глухой обиды, удушающего стыда и ледящей неопределенности из-за Чейза.

Когда мимо меня по резиновой дорожке коридора потянулись хоккеисты, я упрямо сделала шаг вперед. Я очень хотела окликнуть близких друзей Чейза — Кайла и Рони, которые шли в обнимку, громко переговариваясь и шумно смеясь между собой. Мне просто нужно было спросить у них, где, чёрт возьми, носит их нападающего и почему его сегодня не было на общем стадионе.

Но стоило парням поравняться со мной, как слова застряли у меня в горле. Они оба даже не посмотрели в мою сторону. Демонстративно проигнорировали мое присутствие, скользнув по мне абсолютно пустыми, чужими взглядами, и поспешили скрыться за дверью мужской раздевалки. Удар за ударом.

В этот самый момент мне на плечо ухнуло что-то по-настоящему тяжелое, грузное и горячее, заставляя меня испуганно вздрогнуть. Я резко обернулась. Рейнер, удерживая под мышкой шлем и сжимая клюшку, собственнически положил свою огромную ладонь мне на плечо. В этой своей массивной хоккейной экипировке со всеми защитными щитками он весил, кажется, под целую тонну, полностью перекрывая мне обзор. У него была сильно разбита губа, а на скуле уже всюду выступал багровый синяк.

— Пошли, — проговорил он мне совершенно спокойно, кивая в сторону коридора. — Тебе ещё мою форму сегодня стирать, помнишь? Пора отрабатывать аренду, Зефир.

Я лишь недовольно скривила лицо на его неизменный командный тон, но спорить сил не было. Шумно выдохнув, я послушно поплелась вместе с ним прямо в мужскую раздевалку сборной.

Оказавшись внутри, я снова по привычке уселась на узкую деревянную скамейку в самом углу, чувствуя себя настоящим отшельником, запертым в своих собственных невеселых мыслях. Вокруг нас парни из сборной яростно спорили, матерились, бурно обсуждали прошедшую драку на льду и с грохотом снимали коньки. Ну и вонища же стояла в этом помещении! Смесь концентрированного едкого пота, влажной, преющей кожи, застарелого льда и дешевого ядрёного мужского дезодоранта била в нос наотмашь. Этот тяжелый, плотный амбре стоял в воздухе такой удушливой стеной, что глаза начинало буквально щипать и резать.

Мия, сидевшая на скамейке прямо рядом со мной, уже всю демонстративно зажимала нос пальцами, забавно кривясь. Глядя на её мучения, я, несмотря на всю свою грусть и грызущую изнутри злость на Чейза, просто не смогла сдержаться. Я тихо хихикнула против воли. Улыбка сама собой расширялась на моем лице, когда я смотрела на подругу.

— Я вообще не понимаю, на хрена мы с ними дружим, Лив, — вполголоса, гнусаво проворчала Мия, дыша исклю-

чительно через рот. — Это же просто филиал ада для девичьего обоняния.

После этих слов она решительно встала со скамьи, достала из сумочки салфетки и подошла к Нейтану, принимаясь аккуратно обрабатывать его поцарапанную в драке скулу.

— Тебе ещё хуже, — со смешком негромко отозвалась ей вслед. — Твой парень — хоккеист на постоянной основе.

Я тоже медленно поднялась с лавки и всё же подошла к Рейнеру, который сидел у своего шкафчика и то и дело лениво, небрежно вытирал проступающую кровь с губы краем своей грязной, мокрой от пота тренировочной футболки. Я тут же без лишних слов силой вырвала эту несчастную ткань из его рук и недовольно нахмурилась.

— Дай сюда, Торнтон. Ну что ты делаешь? — раздраженно буркнула я.

Рейн лишь удивленно приподнял бровь, но промолчал. Я молча повернулась к его открытому шкафчику, быстро отыскала там бутылочку перекиси и пачку ватных дисков. Обильно намочив вату шипящим раствором, я снова повернулась к нему. Нахмурившись, я недовольно цыкнула и, бережно перехватив его за упрямый подбородок, заставила приподнять голову. Я начала максимально аккуратно, едва касаясь, промакивать кровоточащую рану на его нижней губе.

В эту самую секунду Рейнер просто замер в моих руках. Он перестал двигаться, дышать и, кажется, вообще существовать, неотрывно, в упор глядя на меня своим потяжелев-

шим, гипнотизирующим взглядом. А я... я сначала обрабатывала его лицо, вообще не подумав о том, что я сейчас делаю, как близко стою и с кем именно. Просто это желание проявилось как-то само собой, на уровне безусловного инстинкта. Захотелось помочь. Меня дико взбесило, что этот огромный, сильный защитник занимается какой-то ерундой и не может нормально, по-человечески обработать собственное лицо. Но теперь, когда его горячее дыхание обжигало пальцы, удерживающие подбородок, а его лицо находилось в опасных сантиметрах от моего, внутри всё предательски, сладко стянулось, и сердце выстукало рваный ритм.

— О, нет, — тут же громко отозвалась от соседнего шкафчика Мия, привлекая к нам внимание. — Я даже близко не прикоснусь к этому вонючему баулу, — внятно проговорила она под негромкий смешок Нейтана. — Я ему не жена, пусть эту форму стирает его мама. Я свои руки портить не нанималась.

Рейнер, услышав её тираду, тоже тихо, язвительно усмехнулся, продолжая смотреть мне прямо в глаза, и от этого мимолетного движения у него на губе снова сильно пошла кровь, окрашивая кожу в багровый цвет.

— Прекрати ухмыляться, Торнтон! — строго, напуганно шикнула я на него, быстро беря из пачки другой, чистый ватный диск и прижимая его к его ране. — Сиди смирно.

— Куда ты денешься? — весело рассмеялся Нейтан. — После нашей свадьбы ты обязательно будешь её стирать,

Брукс. Сейчас я тебя просто пока что жалею и берегу руки. И кстати, к твоему сведению, я сам её всегда стираю в прачечной, а не мама.

Мия от такого внезапного заявления шокированно выпучила глаза, уставившись на него как на сумасшедшего. Я так и замерла на месте, продолжая удерживать лицо Рейнера в своих руках и сжимая пальцами ватный диск в багровой крови. А Рейн, даже не шевельнувшись и не отнимая лица от моих ладоней, вдруг уверенно, собственнически перехватил меня своей огромной горячей рукой за ногу чуть выше колена. Пальцы сквозь джинсы обожгли кожу. Он перевел взгляд на ошарашенного друга и расплылся в такой довольной, хитрой ухмылке, словно мартовский кот, объевшийся сливкам. Торнтон явно что-то знал заранее. Он определенно был в курсе планов Нейтана.

— Ты... Чего ты сейчас сказал? — Мия с трудом, шумно сглотнула, застывая на месте. — Это что... сейчас было предложение, Коул?

Нейтан упрямо поджал губы, засунул руку глубоко в карман джинсов и уверенно достал оттуда маленькую бархатную коробочку. Не дав нам опомниться, этот суровый, жесткий нападающий плавно, без лишних слов опустился перед ней прямо на одно колено на грязный, мокрый резиновый пол раздевалки и протянул кольцо.

— Хотел, конечно, сделать это поромантичнее, при свечах, в ресторане и всё такое... Но, видит бог, Мия, я ни хрена

не романтик, — честно и безумно искренне проговорил он, снизу вверх глядя в её лицо. — Ты выйдешь за меня?

Мия тут же оглушительно, пронзительно завизжала на всё огромное помещение раздевалки, практически сбив Нейтана с ног своим весом. Она с разбегу рухнула к нему в объятия и принялась целовать его с такой дикой, необузданной страстью, словно вообще никогда больше не собиралась слезать с его колен. Нейтан лишь болезненно шипел от её напора, прерывисто и счастливо смеясь прямо ей в губы, когда она задевала его свежую рану на скуле. Вся её помада ровным слоем размазалась по его лицу — она буквально ислуявила его под оглушительный хохот команды.

Парни тут же заухали, дико засвистели и принялись громко, ритмично стучать хоккейными клюшками по полу, поздравляя новоиспеченных жениха и невесту. Рейнер мгновенно, одним слитным движением поднялся со своего места, его ладонь плавно скользнула с моего колена, перехватывая мою руку, и, широко, открыто улыбаясь, он утянул меня за собой. Мы вместе на полной скорости подбежали к нашей счастливой парочке.

В следующую секунду мы все вместе обнялись, устроив одну большую, безумную кучу-малу прямо посреди вонючей раздевалки. Мия плакала от абсолютного счастья, разглядывая блестящий камушек на пальце.

— Обещай мне, Лив... Обещай, что ты будешь главной подружкой невесты на нашей свадьбе! — срывая голос от

эмоций, прокричала она мне прямо на ухо, крепко сжимая в объятиях.

— Конечно! С огромным удовольствием, Мия! — искренне отозвалась я, изо всех сил стараясь широко улыбаться ради подруги.

Я была безумно, до слез рада за них. Но когда я случайно перевела взгляд в сторону и наткнулась на глаза Рейнера, который стоял совсем близко, мое сердце испуганно, судорожно сжалось. На его лице не было привычной маски высокомерия или издевки. Он улыбался так чисто, открыто и был настолько искренне, глубоко рад за своего лучшего друга, что у меня внутри, прямо под ребрами, снова разлилось густое, тягучее и невыносимо запретное тепло.

«Да что ж такое со мной происходит?» — панически, обреченно подумала я, судорожно отводя глаза и пытаюсь унять бешеный пульс. — *«Я не могу... мне нельзя это чувствовать. Мы просто друзья. Всего лишь друзья»*. Но выжженное молчанием Чейза сердце упрямо продолжало плавиться от этой его нечаянной, непривычной нежности.

Пока мы ехали до дома и развозили ребят после тяжелого тренировочного дня, Мия сидела меж парней и, глупо, блаженно улыбаясь, без конца любовалась своим новым обручальным колечком, то и дело забавно прокручивая его на тонком пальце. Зато на парней, сидевших сзади, было по-настоящему страшно смотреть. Итан и Нейтан сидели с сочными фингалами на лицах — скулы заметно опухли, под глаза-

ми наливалась тяжелая фиолетовая синева. Да и у Рейнара, который молча крутил руль прямо рядом со мной, тоже всю проступал жуткий, багровый синяк на щеке. Губа у него была сильно припухлой, рассеченной в кровь, и он то и дело лениво слизывал солоноватую влагу из уголка рта.

— Может, расскажете наконец, из-за чего вообще весь этот сыр-бор? — нарушила я гнетущую тишину салона, переводя взгляд с одного разбитого мужского лица на другое. — Из-за чего вы так яростно сцепились на льду во время обычного спарринга?

Парни в салоне от моего вопроса тут же как-то неестественно, синхронно замерли.

— Да так... один заносчивый придурок выкинул хрень, другие его тупо поддержали, — неохотно отозвался с заднего сиденья Итан, косясь на спину капитана. — Ну и Рейн, как обычно, не сдержался и сразу полез доказывать правоту с кулаками.

Я видела по напряженному, окаменевшему профилю Рейнера, по тому, с какой бешеной силой его пальцы сжимали кожаный руль, что он буквально взбешён.

— И что конкретно они сказали? — вмешалась Мия, обращившись к парням.

— Да как обычно, Брукс. Полная ерунда, — попытался неловко отмахнуться Нейтан, мягко улыбаясь своей новоиспеченной невесте. — Сказали, что мы никто и играем плохо. Обычные спортивные тёрки между лагерями, забудь.

— А где вообще их капитан? — вдруг нахмурилась Мия, недовольно скрестив руки на груди. — Разве Чейз не должен был присутствовать на этом матче и жестко контролировать своих парней из регбийного крыла, чтобы они не калечили хоккеистов? Для чего его тогда вообще на замену капитана поставили?

— Да хрен его знает, где его носит, — снова подал голос Нейтан, лениво потирая ушибленное плечо. — Слышал, парни в раздевалке обсуждали, что этот капитан регбистов отменил с утра тренировку и свалил сегодня за город к какой-то новой кукле... Айч! — тут же болезненно вскрикнул Нейт, когда Мия со всей силы, испуганно пихнула его локтем в бок, грубо обрывая фразу.

В салоне внезапно воцарилась тишина. Басы музыки глухо, размеренно били по натянутым нервам. Итан от страха буквально втянул голову в плечи. Нейтан мгновенно побледнел, осознав, какую глупость только что ляпнул прямо при мне.

— Черт... Лив... Прости, я... я вообще не то имел в виду, просто слухи дурацкие собираю, — виновато, заикаясь, забормотал он мне в спину.

На его путанные извинения я лишь молча, медленно отвернулась к окну, утыкаясь лбом в холодное, залитое потоками дождя стекло. В этот самый момент мое сердце сжалось от такой острой физической боли, что мне на секунду показалось, будто я умру прямо здесь, на этом кожаном сиденье.

В голове оглушительно, панически зашумело. Мне всерьез казалось, что у меня сейчас случится инфаркт, инсульт или оторвется тромб, превращая меня в пепел. Весь мой хрупкий мир, который я так бережно, наивно и по крупицам строила, в одну секунду подорвали динамитом.

«*К какой-то новой кукле...*». Значит, Чейз просто уехал к другой. Значит, Рейнер был абсолютно, безоговорочно прав с самого первого слова.

Я ведь изначально была тихоней лишь поэтому. Я всегда держалась в стороне, закрывалась в своей раковине и никогда не подпускала близко, потому что больше всего на свете не хотела, чтобы мне вот так уродливо, хладнокровно разбили сердце. Хоть упрямо и понимала где-то глубоко в подсознании, что однажды это всё равно случится со мной. Но я упорно искала именно того самого — надежного, честного, безопасного парня. Наивно, глупо думала, что всё же нашла его в Чейзе. А он просто вышвырнул меня, как надоевшую вещь, стоило мне отказать ему ночью в спальне.

Я сжала зубы так крепко и сильно, что они отчетливо, со скрежетом скрипнули, и мне оставалось только отчаянно молиться, чтобы из-за негромко играющего трека ребята этого звука не слышали. Я упрямо, судорожно глотала горькие слезы, до крови кусая губы и наотрез отказываясь позорно плакать при всех, выставя наружу свою слабость.

Вдруг на мое подрагивающее бедро сверху уверенно легла большая, тяжелая и очень горячая ладонь Рейнера.

Я ощутило вздрогнула от неожиданности и резко обернулась, глядя на его суровый профиль. Торнтон даже не повернул головы в мою сторону, продолжая внимательно, напряженно следить за дорогой через лобовое стекло, но его сильные пальцы слегка, ощутило сжали мою ногу через ткань джинсов, делясь своим плотным, успокаивающим мужским теплом. Он молча поджал свои разбитые, кровоточащие губы и едва заметно, коротко дёрнул одним правым плечом. Вверх и вниз.

Наш старый, забытый школьный код. Наш личный, понятный только нам двоим шифр. *«Полный отстой, Зефирка. Я рядом».*

Я с огромным трудом сглотнула вставший в горле удушливый ком слез, на секунду накрыла его тяжелую ладонь своей обожженной, покрытой пузырями рукой и в ответ точно так же коротко, рвано пожала плечом. *«Полный отстой, Рейн. Спасибо».*

Машина наконец затормозила у дома Мии и Нейтана, и я снова упрямо отвернулась к темному стеклу, пряча лицо. Мне было бесконечно, до физической тошноты и рвоты плохо, но меньше всего на свете я сейчас хотела видеть жалость, сочувствие или дежурные утешения с их стороны.

Когда мы наконец развезли ребят по домам, в салоне внедорожника повисла тяжелая, густая и почти осязаемая тишина. На телефон Рейнера со звучным, резким выбросигналом пришло новое сообщение. Он скосил глаза на загорев-

шийся экран, мгновенно нахмурился, и его челюсть упрямо дернулась, выдавая напряжение.

— Заедем на пять минут в одно место, — глухо, не терпящим возражений тоном проговорил он, резко перестраиваясь в правый ряд. — Тут недалеко, на соседней улице. А потом я отвезу тебя домой.

Я лишь безучастно, тупо кивнула, сильнее кутаясь в джинсовую куртку и продолжая гипнотизировать залитое дождем стекло. Мне было абсолютно, глубоко всё равно. Но если бы я только знала в ту секунду, кого именно мы едем встречать, я бы ни за что на свете не согласилась выйти из машины.

Внедорожник затормозил у ярко освещенной неоновой витрины круглосуточного супермаркета. Прямо под козырьком, сжавшись от пронзительного осеннего холода, стояла Мэдисон. Та самая безупречная, холеная Мэли из параллельной группы. Правда, сейчас от её привычного пафосного лоска не осталось и следа: тушь грязными дорожками размазалась по бледным щекам, плечи подрагивали под мокрым плащом, и она откровенно плакала, шмыгая носом.

— Подожди меня здесь, ладно? Я быстро, — Рейнер потянулся к замку зажигания, намереваясь оставить меня в тепле.

Но я уже твердо, ожесточенно решила, что не останусь сидеть в этом душном, давящем салоне. Мне было слишком душно от собственных мыслей. Я молча толкнула пассажирскую дверь и вышла наружу вслед за ним, прямо под про-

ливной холодный дождь. Рейн обернулся на звук захлопнувшейся двери, смерил меня тяжелым, хмурым, но каким-то понимающим взглядом, одобряя мою упрямую, ломающую правила самостоятельность, но ничего не сказал.

Стоило Мэдисон увидеть Торнтона, как она с тихим, жалобным писком бросилась к нему, игнорируя потоки воды.

— Рейн... Боже, Рейн, спасибо, что приехал! — разрыдалась она, цепляясь пальцами за мокрые рукава его куртки. — Рони... этот ублюдок просто швырнул меня здесь после очередной ссоры, забрал ключи, сел в машину и уехал с Чейзом и парнями! Он бросил меня совершенно одну на этой чертовой парковке! Прошу, отвези меня домой, мне так холодно...

Я тут же болезненно напряглась, услышав имя Чейза. Внутри всё сжалось от новой волны осознания. Пока я сходила с ума от неизвестности и гипнотизировала экран телефона, Девенпорт вовсю развлекался за городом в компании Рони и его пассий.

— Ладно, успокойся. Садись в машину, — спокойно, ровным голосом отозвался Рейнер, удерживая дистанцию.

Но Мэли, видимо, окончательно потеряла контроль от пережитого стресса и выпитого алкоголя. Вместо того чтобы пойти к двери внедорожника, она со слезами на глазах внезапно подалась вперед, обвила руками его шею и с отчаянной, накаленной страстью поцеловала Рейнера прямо в губы.

Я замерла на месте под струями ливня, со стороны наблюдая за этой картиной. Рейн даже не шелохнулся. Он так и

остался стоять как вкопанный каменный столб, вообще не отвечая на её поцелуй, со спущенными по швам руками, в которых по-прежнему мертвой хваткой сжимал ключи от зажигания.

В моем горле мгновенно встал тяжелый, удушливый ком. В груди больно, остро екнуло от какого-то странного, совершенно непонятного мне самой состояния. Мне всегда, сколько я себя помнила, было дико неприятно смотреть, когда Рейнер был с кем-то из своих многочисленных девиц. Я снова через силу проглотила этот ком непонятного, пугающего чувства, упрямо списывая всё на обычную дружескую привычку.

Рейнер лишь молча поджал свои разбитые губы, и его взгляд стал пугающе холодным. Смотреть на эту чужую, приговорную драму у меня не было ни физических сил, ни малейшего девичьего желания. Моя собственная личная жизнь сегодня с треском разлетелась на мелкие куски, и созерцать чужие признания в любви было выше моих уязвимых возможностей.

— Я, наверное, сама доеду, — громко проговорила я, перекрикивая шум ливня, решительно открывая заднюю дверь внедорожника и забирая оттуда свой рюкзак. — Довези её до дома, Рейн. Уверена, вам двоим сейчас нужно очень многое обсудить наедине.

Мэдисон, шмыгая носом, тут же послушно, юрко заупрямилась внутрь и залезла на переднее пассажирское сиденье,

довольная тем, что её тактика слез сработала. А вот Рейнер мгновенно изменился в лице, заметив мой рюкзак у меня в руках.

— Айрис, стой, — жестко и властно приказал он, делая стремительный шаг ко мне и перехватывая лямку моего рюкзака. — Я сказал, что сам тебя отвезу. Быстро садись на свое место вперед. Мэдисон, вали назад.

Я лишь упрямо покачала головой, с силой вырывая сумку из его железных пальцев.

— Не надо, Рейн. Я всё знаю, — спокойно, без тени злости ответила я ему, глядя прямо в его потемневшие глаза.

— Что ты, черт возьми, знаешь, Миллер? — процедил он сквозь зубы, и на его скулах с новой силой заходили жесткие желваки.

— Итан рассказал мне про Мэли. Про то, что есть девчонка в колледже, которую ты давно, тайно и безответно любишь и из-за которой постоянно бесишься на всех вокруг, а она тебя просто продинамила. Это же Мэли, верно? Она отказала тебе и ушла к Рони, — я устало улыбнулась, кивая на сидящую в салоне девушку. — Уверена, сейчас как раз тот самый идеальный момент, чтобы во всем ей признаться и наконец-то вернуть её. Не упускай свой шанс из-за меня.

Рейнер застыл как громом пораженный. Несколько секунд он просто молча, дико смотрел на меня под потоками воды, и в его взгляде промелькнула буря эмоций, что мне на миг показалось, будто он сейчас со всей силы ударит кулаком в

кирпичную стену супермаркета.

— Что... что ещё этот debil Картер тебе наговорил? — тихо, угрожающе низко, вибрирующим от ярости голосом спросил Рейн.

— Ну, то, что ты страдаешь из-за френдзоны, — я отступила на шаг назад, уходя глубже под проливной дождь. — Так что вези её домой, капитан.

— Я тебя понял, Миллер, — сквозь зубы проговорил он, и его звучный голос так отчетливо, болезненно задрожал от едва сдерживаемой, удушающей ярости, что у меня по спине пробежали ледяные мурашки. — Ты реально ни хрена не видишь. Слепнейшая дура. Но я всё равно тебя довезу. Быстро села в машину, я сказал!

— Не надо, я сама, — я снова упрямо покачала головой и, резко развернувшись, решительным шагом пошла прочь с парковки в сторону автобусной остановки. Холодные струи ливня мгновенно, тяжелым грузом напители мою джинсовую куртку водой, но мне было абсолютно плевать на простуду.

— Айрис, твою мать! Хватит валять дурака! Вернись сейчас же! — полетел мне в спину его яростный, отчаянный и срывающийся крик.

— Увидимся в колледже, Торнтон! — крикнула я в ответ, упрямо прибавляя ход и даже не думая обернуться.

— Ты заболеешь, дура! — заорал он мне вслед во всё горло, тщетно перекрикивая плотный шум ливня.

— У меня иммунитет — просто космос! — выкрикнула я напоследок свою дежурную ложь, скрываясь за углом кирпичного здания супермаркета.

Оказавшись наконец под дырявым железным навесом старой, пустой остановки, я позволила себе бессильно, мешком опуститься на ледяную лавку. Силы полностью покинули меня. Ледяная вода ручьями стекала с моих мокрых волос прямо за шиворот, одежда липла к телу, а ладонь с мелкими пузырями от ожогов нещадно, пульсирующе ныла, напоминая о том, что эта неделя окончательно сожгла меня дотла.

Глава 16

Домой я вернулась абсолютно никакая. Зуб на зуб не попадал от удушливого холода, промокшая джинсовая куртка потяжелела килограммов на пять, неприятно липнув к телу, а от ледяной осенней воды ноги в старых кедах начисто онемели, превратившись в бесчувственные колоды. Поднимаясь по ступеням на свой этаж, я полностью продрогла, перед глазами всё плыло в каком-то лихорадочном тумане, и я несколько раз споткнулась на ровном месте, едва не распластавшись по бетонным ступенькам.

Но на последней лестничной площадке я внезапно замерла как вкопанная, забывая, как делать вдох.

Прямо у моей запертой двери, привалившись спиной к пошарпанной стене и вытянув длинные ноги, сидел Чейз. В руках он крепко сжимал немного помятый от дождя, но всё ещё красивый букет свежих цветов. Увидев меня — мокрую до нитки, бледную и едва стоящую на ногах от усталости, — он тут же испуганно подскочил с места, без раздумий отбросив цветы на старый диванчик в коридоре.

— Прости, солнышко! Мой мобильник удачно утонул! — с ходу, с отчаянной, искренней паникой в голосе проговорил он, подлетая ко мне и крепко перехватывая своими горячими ладонями мои ледяные, подрагивающие плечи. — А твой номер наизусть я не запоминал, у меня вообще, если честно,

с цифрами всегда были жуткие, катастрофические проблемы. Я просил Рони передать тебе в колледже, что со мной всё нормально и я задержусь, но этот придурок, видимо, ни хрена не передал...

— Разве... разве ты не с Рони был? — едва ворочая онемевшим языком, глухо спросила я, силясь сфокусировать взгляд на его взволнованном лице. — Почему тогда не взял его мобильник, чтобы набрать меня?

Чейз тут же виновато, обреченно поджал губы, быстро забирая ключи из моих дрожащих пальцев и поворачивая их в замке. Стоило нам войти в темную, пустую квартиру, как он сразу же, без лишних разговоров, начал бережно помогать мне стягивать насквозь сырую, прилипшую к коже одежду.

— Да был я с ним, просил его о помощи, когда тачка заглохла, — горячо напирал он, расстегивая пуговицы моей куртки. Пальцы у него заметно дрожали от волнения. — Я же говорю, Айри, я не помню твой номер наизусть, а у Рони в контактах его нет. Как бы я тебе позвонил?

Я молча кивнула, чувствуя, как внутри всё путается. На кого я была зла в эту секунду? На Рейнара с его утренними безжалостными пророчествами? На Чейза? Или на саму себя за то, что так легко позволила поселить в своей душе этот леденящий страх? *«Черт, я окончательно запуталась»*, — панически пронеслось в голове.

Прежде чем я успела вслух высказать свои сомнения, Чейз практически силой, но безумно бережно затолкал ме-

ня в ванную комнату, включая на полную мощность горячие, обжигающие струи душа. Белый густой пар мгновенно заполнил маленькое, тесное помещение, оседая каплями на зеркале. Я стояла под душем в одном тонком нижнем белье, обхватив себя руками за плечи, и меня продолжало крупно, судорожно трясти — то ли от пережитого холода, то ли от эмоционального отката.

Чейз, не задумываясь ни на секунду, зашел в душевую кабину прямо в своей сухой одежде и обуви, совершенно не обращая внимания на летящие во все стороны обжигающие брызги, и крепко, до хруста в ребрах прижал меня к своей широкой груди.

— Мне... мне сказали парни, что ты экстренно уехал за город к какой-то новой кукле... — едва слышно, разбитым, ломающимся шепотом проговорила я, утыкаясь носом в его намокшую от брызг футболку и чувствуя, как плотина внутри меня рушится.

— Черт, Айри, да я бы никогда в жизни так не поступил с тобой, слышишь меня? — горячо, с искренним возмущением проговорил он, бережно поглаживая мои мокрые волосы на затылке и прижимая к своему горячему телу еще плотнее. — Прости меня, господи. Всё было вообще не так, как тебе расписали эти придурки! Я приехал с утра на поле, как и просил тренер, но прямо во время раскатки мне позвонила напуганная младшая сестра. У нее в общежитии прорвало магистральную трубу и затопило к чертям весь первый этаж,

где как раз её комната. В итоге я сорвался туда как сумасшедший. И пока мы с другими парнями из её вуза ведрами выгребали эту воду и лихорадочно спасали их вещи и технику из комнат, мой телефон удачно улетел из кармана прямо в этот поток. Придется оторвать уши маркетологам за то, что они в рекламе уверяют, будто он водонепроницаемый! Он сдох в первую же секунду, даже экран не зажегся.

Чейз тяжело, прерывисто выдохнул, утыкаясь подбородком в мою макушку под горячими струями воды:

— Мы разобрали всю эту срань, спасли документы и перетасили мебель на верхние этажи только два часа назад. Рони я набрал уже с чужого автомата, звал на помощь, потому что моя тачка вдобавок сломалась по дороге. Он сорвался за мной, помог дотащить вещи. Потом я быстро заскочил к себе в дом братства, переоделся в сухое, купил эти дурацкие цветы на углу и сразу поехал к тебе. Дома тебя не оказалось, телефон не отвечал, и я сидел тут на коврике у двери последние полчаса, буквально сходя с ума от неизвестности и страха, что с тобой что-то случилось.

Услышав его сбивчивые, быстрые и такие искренние оправдания, я почувствовала, как огромная, удушающая скала обиды, давившая на мои ребра весь этот бесконечный день, наконец-то с грохотом рушится, освобождая легкие. Слезы сами собой, крупными горячими каплями потекли по моим щекам, мгновенно смешиваясь с водопроводной водой. Я лишь судорожно вздохнула и прижалась к нему еще

плотнее, до побеления пальцев вцепляясь в его жесткие плечи. Его голос вибрировал от волнения. Мой Чейз не предавал меня. Он не такой, как все остальные.

— Черт, солнышко, прости, прости меня... — продолжал испуганно, прерывисто шептать он мне в висок, бережно целуя в мокрый лоб и вытирая мои слезы большими пальцами. — Я идиот, слышишь? Полный, конченный кретин. Нужно было расшибиться в лепешку, одолжить чужой мобильник и найти способ самому с тобой связаться с утра, а не надеяться на этих дебилов из команды, которые вечно всё забывают.

Я лишь молча мотала головой, не в силах вымолвить ни единого слова от переполнявшего грудь облегчения, и просто глушила запоздалые всхлипы в его плече, пока горячая вода медленно, сантиметр за сантиметром возвращала к жизни мое замерзшее, искусанное ливнем тело.

Чуть позже, когда горячая вода наконец-то согрела мои окоченевшие кости, а Чейз бережно укутал меня в сухую фланелевую пижаму, мы перебрались в гостиную. Мы уютно сидели на моем стареньком диване, поджав ноги и бережно держа в ладонях кружки с горячим кофе, и он неторопливо рассказал мне всю эту сумасшедшую историю еще раз, окончательно расставляя все точки над «i».

Теперь этот дурацкий, мучительный пазл, который весь день ломал мне мозг и выжигал нервы, наконец-то складывался просто идеально. Официальную утреннюю тренировку он действительно отменил сам как капитан — именно по-

этому Мия и удивилась в холле, не понимая, где его носит. Внутренний спарринг между парнями перенесли на дневное время лишь потому, что Чейз экстренно уехал спасать сестру и передал тренеру, чтобы команда катала без него. Ну а то, что хоккеисты в своей раздевалке вечно несут всякую трусливую, грязную и похотливую хрень, стоило им увидеть, как их главный соперник из регбийного крыла экстренно срывается с кампуса в разгар сезона, — это и так было понятно. Им просто дай малейший повод пустить сплетню про «очередную куклу», чтобы уколоть чужого лидера. Мужское эго в чистом виде.

— Они прекрасно знают, что я регулярно мотаюсь к сестре в её медицинский вуз, — хмуро, с потемневшим взглядом отозвался Чейз, крепче прижимая меня к своему теплому плечу и нежно целуя в макушку. — Просто эти придурки любят чесать языками от безделья и придумывать драму на ровном месте. Не переживай, солнышко, завтра на общем поле они у меня еще свое получают. Я устрою им такую жесткую тренировку, что они забудут, как дышать и как распускать сплетни.

Я лишь слабо устало улыбнулась, покорно прикрывая глаза и вдыхая аромат его кожи. Дикое, изматывающее напряжение, которое сковывало меня последние двенадцать часов, окончательно, без остатка оставило мое тело. Каменная, давящая тяжесть в груди сменилась такой ватной, обволакивающей слабостью, что у меня едва хватало сил, чтобы просто

удерживать в пальцах теплую керамическую кружку.

Я и сама не заметила, как меня стремительно, с головой втянуло в глубокий, плотный сон без сновидений. Горячий кофе, надежные объятия Чейза и монотонный, убаюкивающий стук дождя за стеклом подействовали на мой измученный организм как сильное снотворное. Сознание плавно, лениво поплыло, и я окончательно отключилась от реальности, засыпая на его груди с абсолютным, глухим чувством долгожданной защищенности. Рейнер Торнтон ошибся. Ошибся во всем от первого до последнего слова.

Хотя... сквозь этот лихорадочный, рваный полусон на самом рассвете я смутно, обрывками помнила кое-что странное. На подсознательном уровне я почему-то совершенно не чувствовала от Чейза той искренней, трепетной нежности, которая так согревала меня раньше. Да, он проявлял заботу, укрывал меня, но как-то странно. Слишком механически, будто отыгрывал заученную роль. Или мне всё это просто казалось из-за стремительно ухудшающегося самочувствия?

Я несколько раз за ночь просыпалась от липкого пота, и каждый раз Чейз то и дело тихо поднимался с кровати, поспешно уходя со своего места. Он скрывался в полутемном коридоре с мобильным телефоном в руках — то на беззвучные смс ответить, то на короткий, приглушенный звонок. И самое главное, что заставило мой затуманенный мозг зацепиться за жесткую нестыковку: у него в руках светился всё тот же знакомый аппарат. Живой, работающий и невреди-

мый. Тот самый девайс, который, по его заверениям, вчера «удачно утонул» в общаге сестры и не зажег больше ни одного экрана. Мне отчаянно хотелось списать это на бред, галлюцинации и паранойю из-за подступающего жара.

Окончательно проснулась я уже поздним утром с такой дикой, раскалывающейся головной болью, будто по моей несчастной черепушке всю ночь соревновались в силе хоккеисты нашей сборной. Меня нещадно, судорожно знобило, всё тело ломило от малейшего движения, а стоило мне попытаться сделать глубокий вдох, как в груди неприятно, остро закололо. Да уж, мой хваленый «космический иммунитет», о котором я так яростно и самоуверенно орала Рейнеру под проливным ливнем на парковке, с треском потерпел полное крушение. Я всё-таки умудрилась жутко, серьезно простудиться.

Рядом в постели никого не было. Простыни с его стороны уже успели полностью остыть. Одеяло было заботливо натянуто до самого моего подбородка, а с кухни снова, прямо как вчера, донесся отчетливый, манящий аромат свежесваренного кофе.

Я тяжело, страдальчески простонала, на секунду беспомощно откидываясь обратно на подушку и зажмуривая глаза. В голове на миг промелькнула паническая, пугающая мысль, что вся вчерашняя ночная сцена примирения с Чейзом мне просто приснилась в бреду, а на моей кухне сейчас снова бесцеремонно сидит Торнтон, пьет из именной круж-

ки и пожирает мои последние несчастные запасы еды.

Кое-как переборов подступающую к горлу слабость и головокружение, я завернулась в огромное пушистое одеяло по самые уши и, волоча его за собой по полу как тяжелый шлейф, уныло побрела в сторону кухни. Но на самом пороге я так и замерла на месте, удивленно, растерянно моргая.

На кухне был вовсе не Рейн. Около плиты, увлеченно помешивая что-то ароматное в небольшом сотейнике, стоял Чейз. На нем не было абсолютно ничего, кроме одних темных боксеров, которые выгодно, рельефно подчеркивали его мощную, атлетичную фигуру спортсмена. Услышав шуршание ткани по паркету, он резко обернулся и, увидев мой бледный, несчастный и взъерошенный вид, тут же сильно нахмурился.

В один широкий шаг он мгновенно сократил расстояние между нами до минимума, бесшумно вырастая надо мной. Его большая, прохладная ладонь бережно прижалась к моему пылающему лбу, контрастируя с жаром кожи.

— Черт, солнышко, да ты вся горишь, — обеспокоенно отозвался он, качая головой. В его голосе вибрировало напряжение. — Я всю ночь толком спать не мог от того, как тебя сильно трясло.

Он аккуратно развернулся обратно к плите, взял сотейник и аккуратно налил в мою кружку горячую, ароматную рубиновую жидкость:— На, держи. Это клюква, горячий отвар. Пришлось с самого раннего утра экстренно ехать в кругло-

суточную аптеку и маркет на углу, чтобы хоть какие-то лекарства найти.

Чейз выразительно кивнул головой в сторону кухонного стола, где красовался большой белый пакет, доверху забитый жаропонижающими порошками, спреями для горла, каплями и сильными витаминами. Затем он аккуратно перехватил меня свободной рукой за талию, помогая дойти до стула, и бережно всунул в мои дрожащие пальцы чашку с дымящимся напитком.

— Знаешь, Айри... Я, конечно, без понятия, где именно ты вчера шаталась и почему промокла до такой нитки, — в его голосе прорезалась уже не скрытая, а вполне отчетливая, едкая и злая ревность. Чейз резко перехватил меня за подбородок, заставляя поднять лицо и посмотреть на него. Его пальцы сжались на моей коже чуть сильнее необходимого. — Но раз твой этот ненаглядный Торнтон на каждом углу чешет языком про то, как он сильно о тебе заботится, и считает эту квартиру своей личной территорией, мог бы в такую собачью погоду хотя бы довести тебя до подъезда. Или он был слишком занят своей Мэдисон, что напрочь забыл про безопасность подруги? Его вонючий баул караулить посреди твоей гостиной силы у него есть, а довести тебя до дома у твоего великого защитника времени не нашлось? Меня уже откровенно задолбало, что он постоянно торчит в твоей жизни, Айри.

Чейз упрямо поджал губы, на его скулах заходили желва-

ки, и он явно едва сдерживал ярость при одном только упоминании Рейнера. Я лишь молча сделала маленький глоток кисловатого, обжигающего отвара, утыкаясь носом в край чашки и не решаясь признаться ему в истине. Рассказать, что Торнтон-то как раз до последнего пытался меня силой затолкнуть в теплую машину, вырывая рюкзак, а дурой упрямой оказалась я сама, решив гордо уйти под ливень, было бы слишком сложно. Да и то, как Чейз сейчас злобно выплевывал имя моего лучшего друга, заставляло меня внутренне сжиматься от дурного предчувствия. Между ними двумя разгоралась настоящая война, и я оказалась зажата прямо в самом эпицентре.

И вообще... откуда он знает про Мэдисон? Я ведь ни единым словом не обмолвилась ему о том, кого мы встретили у супермаркета, и уж тем более не рассказывала, что Рейн остался с ней на парковке. С чего он вообще взял, что Торнтон уехал с ней или был ею занят?

В голове промелькнула быстрая, паническая мысль. Только я хотела нахмуриться и задать этот резонный вопрос вслух, как Чейз резко, плавным движением забрал мою чашку, прерывая мои размышления.

— Так, давай немедленно ложиться обратно, — скомандовал он, резко меняя тон на подчеркнуто заботливый и мягко поглаживая меня ладонью по плечу, словно пытаюсь сгладить эту секундную вспышку агрессии. — Я уже сообщил в секретариат колледжа, что тебя сегодня не будет на парах по

болезни, оформил справку. Сейчас мне нужно быстро съездить туда буквально на полчаса — отмечусь лично в деканате за вчерашний пропущенный день, поговорю с тренером насчет переноса раскаток и сразу же вернусь к тебе, ладно? Без присмотра не оставлю.

— Ты что... тоже собираешься прогулять сегодня весь день в университете из-за меня? — с трудом выдавила я из себя, и стоило мне заговорить, как я сама испугалась собственного голоса.

Он вообще не был похож на мой привычный тон — хриплый, надсадный, сиплый, словно я последние пятьдесят лет без перерыва курила самые крепкие сигареты. Я попыталась хорошенько прокашляться, но от этого движения в воспаленном горле стало только хуже, и я болезненно, слезно поморщилась.

Думаешь, я оставлю тебя в таком тяжелом состоянии одну в этой квартире? — Чейз мягко, но непреклонно ухмыльнулся, низко наклоняясь к моему лицу. — Даже не думай об этом, Айри. Мне чертовски, до безумия стыдно за весь вчерашний хаос и мое исчезновение, и я не собираюсь оставлять тебя здесь без контроля.

Он тут же приклонился и нежно коснулся губами моего горячего, пылающего лба. На секунду его лицо странно исказилось, и он нахмурился. Сквозь лихорадочную пелену мне сначала даже не совсем было понятно по его мимике: ему сейчас откровенно противно стало ко мне прикасаться из-за

моего болезненного, взъерошенного вида, или он просто на секунду отстранился, окончательно понимая, что моя температура сейчас гораздо выше, чем он думал изначально. Но этот мимолетный холодный маркер заставил меня внутренне насторожиться.

Чейз поставил кружку обратно на деревянный стол, а затем одним легким, отработанным движением сгреб меня в охапку вместе с моим огромным одеялом и уверенно понес на руках обратно в спальню. В его силе не было сомнений, но липкий морок от увиденного ночью исправного телефона, от этой странной, информированной оговорки про Мэдисон и секундного чужого отвращения продолжал душить меня сильнее любой простуды. Память упрямо подбросила один маркер лжи за другим. Что-то во всей этой идеальной картинке было неправильным.

Глава 17

Уже через тридцать минут Чейз уехал, пообещав вернуться как можно быстрее с чистыми бланками из деканата, а я снова без сил провалилась в тяжелый, душный и изматывающий сон. Сознание лениво плавало в горячем, липком тумане бреда, пока в какой-то момент я окончательно не очнулась от спасительного прикосновения прохладной руки к моему пылающему лбу.

Ладонь была большой, слегка мозолистой и принесла мне такое мгновенное, блаженное избавление от изнуряющего жара, что я тут же хрипло, слабо простонала от этого невыразимо приятного чувства. Я с трудом, преодолевая боль, приоткрыла отяжелевшие веки и увидела сидящего на самом краю моей постели Рейнера. Он был в простом черном худи, а на его лице застыло выражение злости.

— Что ты там вчера упрямо орала мне под ливнем про свой космос, Миллер? — негромко, но зло проговорил он, не убирая прохладных пальцев от моей горячей кожи.

— Что... у... ме... — попыталась прохрипеть я в ответ, но выдать целую фразу так и не смогла.

Я просто бессильно, рвано махнула рукой в воздухе — говорить сейчас не было абсолютно никаких сил. Мой несчастный голос окончательно решил покинуть этот чат, заблокировать меня во всех мессенджерах и демонстративно доба-

вить в черный список. В горле словно провернули крупную наждачную бумагу.

— Как давно ты пила лекарство? — сурово спросил Рейнер, требовательно оглядывая пустую тумбочку.

— Два часа назад, — тут же послышался ледяной, резкий голос со стороны дверного проема.

Я судорожно вздрогнула, переводя испуганный взгляд на дверь спальни. Чейз уже вернулся из университета. Он стоял посреди коридора, нагло скрестив руки на груди, уперевшись плечом в деревянный косяк моей комнаты. Его тяжелый взгляд, направленный на Торнтона, буквально метал молнии.

Рейнер на секунду замер. А затем медленно, плавно, словно матерый хищник, почуявший наглого чужака на своей законной территории, он поднялся с края кровати. Лицо Торнтона исказилось от внезапной, дикой и необузданной ярости, а челюсть упрямо заходила ходуном. Он в два широких шага сократил расстояние между ними до абсолютного минимума, практически влетая в Чейза, и с силой схватил его за грудки, до треска в швах сминая плотный воротник его куртки.

— Какого черта ты вообще здесь делаешь, ублюдок? — бешено прорычал Рейнер ему прямо в лицо, нависая над ним. — Ты какого хрена до сих пор крутишься в этой квартире?

— Эй... хва... тит... — тут же сипло, надсадно прохрипела

я, в панике привставая на матрасе и комкая пальцами простынь.

— У меня к тебе абсолютно тот же вопрос, Торнтон, — процедил Чейз сквозь плотно сжатые зубы, даже не пытаясь вырваться из его стального захвата, но его глаза опасно сузились. В его позе читалось ответное, дикое бешенство.

Боже... Чейз что, теперь реально ревнует? Прямо здесь, в моей спальне? Или это просто их вечные, глупые капитанские счета?

— Прекратите... — попыталась остановить их я, но из воспаленного горла выпадали только нечленораздельные, жалкие обрывки хриплого девичьего скуления.

И в этот самый момент Рейнер не выдержал. Он с силой замахнулся и всадил свой тяжелый, покрытый сорванными костями кулак прямо Чейзу в лицо. Раздался жуткий, хлесткий удар. Чейз отлетел спиной в коридор, едва не сшибая вешалку с зеркалом, а я испуганно, пронзительно пискнула, тут же подскакивая с кровати и совершенно наплевав на то, что стою перед ними в одном кружевном нижнем белье.

— Хватит! Прекратите сейчас же! — изо всех сил, срывая гланды, крикнула я на всю квартиру.

От этого надрыва связок голос прозвучал кошмарно сипло, а резкая, режущая боль моментально сковала горло так, что у меня на секунду потемнело в глазах и закружилась голова.

Рейнер тут же резко, рвано обернулся на мой сиплый

крик. Его безумный, яростный взгляд на секунду смерил мою полуголую фигуру, тяжело вздымающуюся грудь и дрожащие от слабости колени. А затем он устало, с каким-то глухим, обреченным стоном потер ладонью переносицу. Рейн сделал стремительный шаг ко мне, решительно подхватил меня за руку чуть выше локтя и бесцеремонно утащил обратно в кровать. Он с силой уложил меня на подушки и принялся яростно, ожесточенно укутывать одеялом до самого подбородка, плотно подтыкая края со всех сторон.

— С тобой мы поговорим позже, Миллер, — процедил он сверху таким жестким, глухим тоном, словно я прямо сейчас изменяла ему на глазах у всего кампуса. В его потемневшем взгляде плясали опасные черты.

— Рейн... черт... хватит... — несчастно, умоляюще прохрипела я в плотную ткань одеяла, переводя растерянный, испуганный взгляд на медленно поднимающегося с пола прихожей Чейза. Тот уже вовсю вытирал тыльной стороной ладони свежую, яркую кровь с разбитой губы.

— Я не собираюсь спокойно смотреть, как этот ублюдок делает из тебя посмешище перед всем кампусом, ясно тебе, Миллер? — яростно, обжигающе прошипел Рейнер, низко склоняясь надо мной. В его глазах полыхнуло столько дикого, защитного инстинкта, что у меня перехватило дыхание.

— Сейчас принесу лекарство, — отозвался он уже гораздо мягче, гася секундную вспышку ярости.

Рейн снова на одну короткую секунду бережно, прохлад-

но коснулся ладонью моего пылающего лба и параллельно протянул мне электронный градусник со старой деревянной тумбочки. В его хриплом, сорванном голосе неожиданно прорезались те самые привычные, надежные и опекающие нотки, от которых внутри меня, несмотря на весь хаос, всё само собой затихало.

— Полежи пока, ладно? — добавил он, выпрямляясь во весь свой огромный рост. — Мы просто спокойно поболтаем с твоим парнем по-мужски в коридоре, и всё. Надеюсь, уже бывшим парнем, Айрис.

— Рейн... — попыталась я вытолкнуть из себя хоть какое-то подобие слабого протеста, но тяжелая дверь в спальню уже со звучным, глухим стуком захлопнулась прямо перед моим носом.

Я лишь обреченно выдохнула, послушно засунула этот несчастный пластиковый прибор под мышку и уставилась на настенные часы, тупо, гипнотизирующе следя за бегом тонкой красной секундной стрелки. В голове шумело от нарастающего жара. За закрытой дверью в коридоре отчетливо, гулко слышались приглушенные, низкие мужские голоса. Они то и дело взлетали на повышенные, наэлектризованные тона, звучали откровенно грубо, хрипло и угрожающе, но из-за плотного деревянного полотна двери и гула в моих собственных ушах я ни черта не могла разобрать из того, что они там говорили. Настоящая пытка неизвестностью.

А потом в прихожей резко и хлестко хлопнула входная

дверь. Сердце ухнуло куда-то в пятки от внезапной паники. В следующую секунду в комнату уверенным, размашистым шагом вошел Рейнер. На его скуле явственно наливался еще один свежий след от удара, но он вел себя как ни в чем не бывало. Он бесцеремонно забрал у меня пищущий градусник, а мне в руки аккуратно, чтобы я не пролила, сунул кружку с дымящимся горячим напитком.

— Это жаропонижающее, пей, — проговорил он, хмуро разглядывая светящийся дисплей прибора. На его лице проступило суровое выражение.

— Ты что, его прогнал?! — тут же хрипло, возмущенно выдавила я, со стуком отставляя горячую чашку на тумбочку и снова пытаюсь упрямо сесть на матрасе. Слабость срывала тело, но мне явно, до безумия хотелось прямо сейчас догнать Чейза и задать ему пару очень жестких вопросов насчет его работающего телефона и странной оговорки про Мэдисон.

— Никуда я его не прогонял, — грубо перебил меня Рейн, недовольно кривя губу и силой удерживая меня за плечо, не давая встать. — Твой дебил просто поехал за нормальным лекарством по моему рецепту, а не ту копеечную хреновину из круглосуточного супермаркета на углу. У тебя тридцать девять, мать твою, Айрис! А он тебе какие-то сраные пилюльки купил в пакете, от которых толку ноль при такой ангине.

Он снова силой впихнул мне в пальцы стакан с раствори-

мым порошком, не давая уклониться от лечения:

— Пей давай, не вредничай. И ладно, так и быть... я сегодня сам всю свою форму постираю. Не трогай ничего.

Я от такого внезапного заявления буквально вытаращила на него глаза, едва не поперхнувшись первыми глотками целебной жидкости.

— Ходишь сюда... командуешь постоянно... словно я тебе какой-то обслуживающий персонал, — прохрипела я, чувствуя, как от горячего пара и первых глотков голос слегка вернулся, хоть и звучал чудовищно сипло, с придыханием. — Ты посмотри на наших парней! Даже Нейтан Мию не заставляет к своей вонючей сумке прикасаться, бережет её, а они, на минуточку, три года вместе, и он сделал ей предложение! А ты мне шмотки свои вонючие швыряешь! Хотя мы никто. Просто друзья.

Рейнер резко замер. Шум его дыхания в одну секунду затих. Он медленно, плавно наклонился ко мне, упираясь большими руками в матрас по обе стороны от моих бедер, полностью зажимая меня в ловушку, и его потемневшие глаза оказались пугающе, опасно близко от моего лица. Его лицо внезапно посерьезнело, начисто стирая остатки привычной иронии, а разбитые губы тронула странная, режущая душу ухмылка.

— Зефир, если ты так сильно хочешь, чтобы я прямо сейчас сделал тебе предложение, чтобы ты со спокойной совестью и в законном статусе постирала мою форму... то ты

только скажи, — вкрадчиво, с какой-то вибрирующей, сумасшедшей глубиной проговорил он мне прямо в губы. — Я мигом, в эту же секунду сбегая в ближайший ювелирный за самым дорогим и красивым кольцом. Мне не трудно, Миллер. Только попроси.

— Дурак! — тут же испуганно, панически буркнула я, чувствуя, как щеки мгновенно обдаёт таким диким, пунцовым жаром, который был явно сильнее моей простуды и лихорадки. Сердце бешено забилося в самом горле от его взгляда.

Я судорожно, в три огромных глотка допила кислый стакан до самого дна, со стуком поставила его на тумбу и демонстративно отвернулась от него к окну, натягивая плотное одеяло на самую макушку, прячась от этой сводящей с ума близости.

— Знаю, — тихо, как-то непривычно мягко и глухо проговорил он где-то над моей головой, выдыхая скопившийся воздух.

Прежде чем отойти от кровати и выключить свет, Рейнер на одну короткую секунду наклонился и почти невесомо, безумно трепетно, едва касаясь разбитыми губами, поцеловал меня в самую макушку растрепанных светлых волос. Меня буквально прошило мощным разрядом электрического тока.

— Если что-то понадобится — я в гостиной на диване. Спи, Зефирка.

Шорох его тяжелых шагов медленно удалился в коридор, деревянная дверь спальни мягко прикрылась, а я осталась лежать в полной темноте под своим огромным одеялом. Жаропонижающее Торнтон постепенно начинало действовать, укутывая сознание в легкую, спасительную дремоту, но в ушах всё ещё отчетливо, эхом стоял его низкий, вибрирующий под кожей хриплый голос:

«Я мигом сбегая в ближайший ювелирный за самым красивым кольцом».

Точно дурак, упрямый и невыносимый придурок, подумала я, закрывая глаза. Но слабая, невольная улыбка вопреки всей моей злости и паранойе всё равно мягко скользнула по лицу, согревая изнутри.

Проснувшись я только поздним вечером. Горячий, душлистый туман в голове наконец-то немного рассеялся, а под мышкой было непривычно сухо и прохладно — целебный порошок Рейнера всё-таки сделал свое дело, и дикая, изнуряющая температура ощутимо подпустила свои тиски.

Кое-как осилив ватную слабость во всем теле, я медленно сползла с матраса на пол. Первым делом я стянула с себя влажную от липкого пота майку, наспех натянула сухую фланелевую пижаму и, кутаясь в теплый воротник, тихими, робкими шагами вышла в гостиную.

Но на самом пороге я невольно замерла как вкопанная. Картина, открывшаяся моему взору в полумраке, была достойна какого-нибудь голливудского психологического

триллера.

В комнате царил густой сумрак, освещаемый лишь тусклыми, косыми полосами света от уличных фонарей через залитое каплями окно. Прямо напротив друг друга, в двух противоположных старых креслах, абсолютно молча, каменно сидели парни. Чейз и Рейнер. Они не разговаривали, не залипали лениво в свои телефоны, а просто неподвижно застыли в удушающей тишине и буквально сверлили друг друга тяжелыми, уничтожающими взглядами, словно пытались физически прожечь в сопернике сквозную дыру. Градус напряжения между ними можно было резать ножом.

Услышав шуршание моих робких шагов, они оба тут же синхронно, лавиной подорвались со своих мест, мгновенно разрушая этот безмолвный, зловещий консилиум. Чейз оказался на долю секунды быстрее. Он в два широких шага преодолел разделяющее нас расстояние, бережно прижимая свою большую ладонь к моему лбу, проверяя остатки температуры, а второй рукой аккуратно, собственнически придерживая меня за талию. Но я почему-то инстинктивно, противоестественно отстранилась от него, делая незаметный шаг назад. Внутри что-то глухо, панически дрожало при виде их двоих вот так, в одном пространстве. Малейшее прикосновение Чейза теперь вызывало смутный внутренний протест, но он словно демонстративно не обратил на этот жест никакого внимания.

— Как себя чувствуешь, солнышко? — негромко и с под-

черкнутой, искренней заботой в голосе проговорил он, заглядывая мне в лицо. — Жар вроде спал, кожа прохладная. Я привез сиропы.

— Нормально, — я слабо, сипло отозвалась, переводя растерянный взгляд с одного парня на другого. А затем, не выдержав давящего абсурда ситуации, упрямо выдавила из себя хриплый смешок: — А вы, я смотрю, тут уже прямо подружились за весь день? Нашли общий язык?

Смотреть на них без иронии сейчас было действительно сложно: оба сидели в темноте гостиной с абсолютно одинаково разбитыми, припухшими губами и свежими, наливающимися багровыми ссадинами на скулах после их утренней стычки у моей постели.

— Да, есть немного, нашли точки соприкосновения, — лениво отозвался Чейз, переводя прямой взгляд на Торнтона и упрямо вздергивая подбородок. В его низком голосе прорезалась едва заметная, жесткая и колючая ухмылка превосходства. — Твой лучший друг оказался очень даже ничего. Драться умеет, признаю. И нос совать в чужие отношения — тоже мастер спорта.

Я испуганно нахмурилась на это его резкое, двусмысленное заявление, но всё же упрямо, панически зафиксировала в голове эту его очередную едкую шпильку. Атмосфера стремительно портилась.

Рейнер на это заявление Девенпорта лишь подчеркнул промолчал, никак не реагируя на провокацию. Он лишь

злобно, со стуком отставил свою пустую кружку с надписью «Собственность зефирного хоккеиста» на журнальный столик, засунул руки глубоко в карманы брюк и демонстративно отвернулся к темному окну, упрямо, до скрежета сжимая челюсти так, что на скулах заходили желваки.

«Что. Черт. Возьми. Здесь. Происходит?»— панически, опустошенно подумала я, переводя взгляд с одной каменной мужской фигуры на другую.

Глава 18

До Осеннего бала в честь Хэллоуина оставались считанные часы, и моя маленькая съемная квартира снова предсказуемо превратилась в шумный филиал театрального закулисья. В спальне вовсю суежилась Мия, и на этот раз от её привычных капризов не осталось и следа.

Она уже стояла посреди комнаты в своем роскошном наряде Ядовитого Плюща. Почему-то, когда она только планировала этот образ на бумаге, я представляла себе какой-то дурацкий, смешной костюм из искусственных пластиковых листьев, купленных в строительном магазине на углу. Но то, что было на ней сейчас, являлось шедевральной исключени-ем из всех правил. Это было потрясающее, облегающее изумрудно-зеленое платье, усыпанное тонкими шелковыми ветвями плюща, которые изящно обвивали её фигуру. В этом наряде Мия выглядела как настоящая королева диких лесов — опасная, манящая и невероятно красивая.

Нейтан, до безумия довольный своим костюмом классического графа Вампира, вальяжно расхаживал по моей комнате в длинном тяжелом плаще со стоячим воротником и то и дело шутливо, театрально шипел на всех нас своими белоснежными клыками. Причем эти клыки ему временно нарастили прямо в городской стоматологии — Нейт всерьез задолбался на прошлогодней вечеринке искать пластиковый

протез в чаше с алкогольным пуншем и в этот раз решил подстраховаться, чтобы точно ничего не отвалилось в самый разгар веселья.

— Господи, Коул, я искренне, от всей души надеюсь, что ты не будешь ходить в таком диком виде на лекции до самого конца учебного года, — со смехом проговорила я, аккуратно убирая горячую плойку от своих волос.

На это Нейтан лишь сделал мне грозное, утробное «Агррр!», забавно вскидывая руки с воображаемыми когтями, отчего мы с Мией рассмеялись еще громче. После того как Нейт сделал ей то сумасшедшее предложение, они вообще больше не ругались. По крайней мере, при нас. Весь этот многолетний, удушающий страх Мии о грядущем болезненном расставании из-за его скорого переезда в Нью-Йорк испарился без следа. Она даже умудрилась каким-то чудом найти очень выгодную вакансию для преддипломной стажировки в крупном архитектурном бюро прямо рядом с тренировочной базой его будущей новой команды. Они строили общие планы, смотрели в одну сторону, и это было прекрасно.

— Ну, а что у тебя на личном фронте? — спросила Мия, крутясь перед моим маленьким туалетным столиком и аккуратно подкрашивая губы плотной темно-бордовой помадой.

— У меня всё хорошо, — открыто улыбнулась я, глядя на свое отражение в зеркале.

За этот насыщенный октябрьский месяц мы с Чейзом ви-

делись почти каждый день в стенах колледжа. Гуляли по вечернему, усыпанному листвой городу, часами разговаривали обо всем на свете и всё еще понемногу узнавали друг друга. Чейз оставался безупречным, правильным и заботливым парнем. И те пугающие недопонимания, которые крутились в моей голове в ночь моей простуды, он тогда попытался технично сгладить, объяснив абсолютно всё. В какой-то степени я искренне поверила его словам. А может, мне просто отчаянно этого хотелось. Хотелось безопасности. Потому что, кажется, я действительно влюбляюсь в него.

Но, если признаться честно самой себе в полной темноте спальни, в наших отношениях меня до сих пор пугал один странный, едва уловимый барьер. Мне всё чаще казалось, что Чейз как-то незаметно, но кардинально изменился за эти недели. Может быть, мы просто слишком быстро привыкли друг к другу, и романтика первых дней сошла на нет? Но он стал ощутимо меньше писать. Меньше звонить по вечерам. Наши редкие прогулки по парку стали какими-то натянутыми, не такими романтичными, а будто бы вынужденными, обязательными для него, и Чейз вечно куда-то спешил, поминутно сверяясь с часами. Он упрямо объяснял это тем, что тренировки регбистов забирают все силы, последний курс давит на мозги, скоро выпуск и нужно думать о будущем...

Я принимала эти отговорки, но упрямо не подпускала Чейза слишком близко к своему телу, каждый раз мягко переводя всё в поцелуи и робкие объятия. Его прикосновения

были идеальными, но они почему-то не вызывали во мне того плавящего жара, в который меня с головой швыряло от одного только... случайного взгляда Торнтона. И это внутреннее двоевластие чертовски, до безумия пугало.

— Правда, с Рейном сейчас всё намного хуже, — добавила я, и моя улыбка слегка угасла...

Мия при этих моих словах лишь многозначительно, скрытно поджала губы, словно она знала какой-то важный секрет Торнтона, но упрямо, из принципа не хотела говорить его мне вслух. Настоящий заговор молчания.

— Он, кстати, вообще соизволит прийти сегодня на Осенний бал? — спросила я, поднимаясь с мягкого пуфика и подходя к Мие со спины, судорожно удерживая руками ткань своего сложного наряда. — Помоги застегнуть молнию на платье, пожалуйста. Сама не дотянусь.

— Вообще-то, Рейн сказал парням, что у него сегодня вечером появились какие-то важные, неотложные дела с отцом, — Мия сочувственно пожала плечами, забирая у Нейтана его куртку. — Так что его, скорее всего, на балу не будет. Пропустит.

— Как обычно, я даже не удивлена. Вечно он где-то пропадает, — тихо вздохнула я, утыкаясь подбородком в грудь. Торнтон за этот месяц окончательно превратился в неуловимый призрак, ушедший с головой в бесконечные, изматывающие ледовые тренировки. — Ну ладно, Мия, ты скоро там? Давай уже, помоги мне наконец застегнуть это чертово пла-

тье, пока я окончательно не передумала его надевать и не натянула старые джинсы!

— Если ты так сильно переживаешь из-за этого платья, Зефирка, то я вообще передумую куда-либо сегодня идти и останусь караулить тебя здесь, — внезапно раздался прямо у моего уха низкий, бархатный и до боли знакомый голос.

От неожиданности я испуганно вздрогнула, едва не подпрыгнув на месте, и резко обернулась. Мии и Нейтана в комнате уже не было — они каким-то мифическим образом незаметно ускользнули в гостиную, а дверь спальни была плотно, надежно закрыта.

Передо мной в полумраке стоял Рейнер Торнтон.

Я замерла на месте, ошарашенно моргая и разглядывая его во все глаза. Он всё-таки пришел. И его костюм был просто невероятным, сногшибательным. Рейн выбрал для бала образ современного Падшего Ангела: на нем были строгие черные брюки, идеально сидящая по его фигуре шелковая черная рубашка с вызывающе расстегнутыми верхними пуговицами, обнажающими четкие, рельефные ключицы, а за спиной крепились огромные, пугающе реалистичные крылья из тяжелых темных перьев. На его бледной скуле уже почти полностью сошел синяк от драки с Чейзом, а едва заметный след на припухшей губе придавал его лицу еще больше порочной, хищной и опасной харизмы.

Не дав мне опомниться и вставить хоть слово, Рейнер бесцеремонно, собственнически развернул меня спиной к се-

бе за плечи. Его большие, прохладные ладони коснулись моей обнаженной спины, и я отчетливо почувствовала, как по коже мгновенно, лавиной разбежался табун покалывающих, обжигающих мурашек. Сердце сделало бешеный кувырок. Он медленно, почти невесомо повел металлический ползунки молнии вверх, то и дело намеренно, дразняще задевая подушечками пальцев мою чувствительную кожу.

Это было слишком, чертовски, издевательски медленно. Воздух в спальне мгновенно стал душным.

— Ты можешь как-то поживее там возиться? — тут же недовольно, натянуто буркнула я, изо всех сил сжимая кулаки, чтобы скрыть дрожь.

Я сама не понимала, от чего именно у меня сейчас так бешено частил пульс и подкашивались колени. То ли от того, что мне вообще приходилось напрягивать на этот университетский бал такое экстремально короткое, обтягивающее платье, то ли от того, что Рейн так интимно, непозволительно долго касался пальцами моей спины. И я внутри подсознательно считала эту реакцию глубоко неправильной, предательской по отношению к Чейзу. После того как я весь этот месяц сознательно выстраивала рамки, эти дружеские прикосновения Торнтон теперь казались мне слишком двусмысленными, плавающими волю. Раньше я бы даже не придала этому дурацкому моменту никакого значения. Мы ведь сто раз так делали, помогая друг другу со шмотками. Но не теперь. Не после того морока в спальне.

Рейнер на мой протест лишь недовольно, ворчливо забурчал где-то сверху, нарочно упираясь пальцами в плотную ткань:

— Да у тебя просто бока слишком толстые стали за этот месяц, Миллер, и платье из-за этого ни черта не сходится на талии. Издеваешься над защитником.

— Что?! — я возмущенно, яростно выдохнула, пытаюсь вырваться и обернуться к нему. — У меня нет никаких боков, Торнтон! Я в идеальной форме!

— А вот и есть, — тут же упрямо заворчал он в ответ, железной хваткой удерживая меня на месте за плечи. — Меньше надо по ночам втихаря конфеты жевать. Понаедала тут... объемы.

С тихим, предупреждающим треском молния на спине наконец-то застегнулась до самого верха, фиксируя корсет. Я мгновенно развернулась к нему лицом, сердито, защитным жестом сложив руки на груди и упрямо вздернув подбородок:

— Чейзу вообще-то всё безумно нравится в моей фигуре, ясно тебе, Торнтон?! Он в полном восторге! — Соврала я. — А ты... ну, перебежься как-нибудь, завидуй молча. Мне с тобой детей, слава богу, не растить и совместный бюджет не делить!

Обиженно и с силой оттолкнув его плечом в сторону, я быстро подошла к большому ростовому зеркалу у шкафа, чтобы оценить финальный результат. Наряд ведь действи-

тельно получился взрывоопасным, балансирующим на грани приличия. Поверх этого черного облегающего платья с глубоким, откровенным вырезом на груди, которое мне буквально насильно сосватала капризная Мия, я надела длинный, струящийся полупрозрачный плащ, который крепился на шее изящной серебряной брошью, а на голову водрузила остроконечную ведьминскую шляпку. Из зеркала на меня смотрела очень даже сексуальная, дерзкая и уверенная в себе ведьма.

— Выглядишь просто шикарно, Зефир, — неожиданно тихо, негромко проговорил Рейнер, бесшумно вырастая за моей спиной в отражении зеркала. Его крылья из темных перьев визуально перекрыли всю комнату. Лицо Торнтона теперь стало непривычно спокойным, серьезным, а потяжелевший взгляд внимательно, медленно скользил по моей открытой фигуре.

— Спасибо, — едва слышно выдохнула я, чувствуя, как вся моя напускная злость мгновенно улетучивается под этим его рентгеном.

Я снова неловко, нервно поправила подол, отчаянно стараясь натянуть слишком короткую ткань платья как можно ниже к коленям. Внутри шевелился дискомфорт.

— Может... может, мне всё-таки пойти и надеть что-то другое? Какое-то оно слишком вызывающее... мне некомфортно в нем, Рейн, — честно призналась я, оборачиваясь к нему лицом и ища поддержки.

Рейнер на мои слова снова внимательно, мягко развернул меня к себе за локти. Он придирчиво, хмуро осмотрел мой глубокий вырез, недовольно скривил свое красивое лицо и попытался большими пальцами упрямо натянуть плотный верх платья повыше, чтобы хоть как-то скрыть декольте от чужих глаз. Но упругая грудь всё равно упрямо таращилась наружу, сводя все его целомудренные братские усилия к полному нулю.

— Эй! — я тут же со смущенным смехом хлопнула его по ладоням, отпихивая от себя. — Перестань меня лапать, Торнтон! Командный пункт нашелся.

— Тогда сделаем вот так, раз ты сама не соображаешь, — недовольно проворчал он.

Рейн решительно подался вперед, сокращая дистанцию, перехватил плотные края моего полупрозрачного ведьминского плаща и уверенным движением плотно запахнул его у меня на груди, полностью перекрывая обзор на вырез, и затянул завязки на шее.

— Ну вот. Теперь отлично, — одобрительно буркнул он, делая шаг назад и оглядывая результат своего труда. — По крайней мере, остальные придурки из регбийного клуба хотя бы не сломают свои глаза, нагло пялясь на твой вырез. Иначе ты мне своим вульгарным видом окончательно портишь весь праздник, Миллер. Пошли уже, ведьма.

Я лишь иронично выгнула бровь, глядя на его безупречную шелковую рубашку и черные перья за спиной:

— В таком случае, Торнтон, тебе самому на этот вечер стоит надеть бумажный пакет на голову. Иначе девчонки из группы поддержки точно свернут себе шеи, глядя на тебя.

— Что, я настолько красивый сегодня, Миллер? — Рейнер хитро вздернул уголки губ, и в его взгляде вспыхнули привычные, опасные и дерзкие искорки.

— Нет, вовсе нет, — я язвительно улыбнулась, решительно открывая дверь спальни и выходя в гостиную к ребятам. — Просто на то, как ты выглядишь, хочется сразу добровольно свернуть себе шею, лишь бы больше на твою самодовольную рожу не смотреть.

Рейнер позади меня лишь шумно цокнул языком и забавно покачал головой.

Задний двор нашего колледжа на этот вечер превратился в ожившую декорацию к какой-то мрачной сказке. Всё пространство было залито неоновым оранжевым светом от сотен подвешенных на деревьях круглых фонариков, а вдоль кирпичных стен выстроились целые шеренги из огромных, искусно вырезанных тыков с горящими внутри свечами. Повсюду стояли длинные фуршетные столы с канапе, закусками и огромными стеклянными вазами, до краев наполненными багровым пуншем.

Половина студентов ходила по лужайке с подозрительно довольными, блаженными лицами. Это могло означать только одно: либо они втихаря принесли крепкий алкоголь с собой в карманах плащей, либо в общие чаши с пуншем кто-

то снова успел щедро подлить водки.

— Ну и где твой ненаглядный? — лениво проговорил Рейнер, бесшумно вырастая за моей спиной и слегка, неощутимо задевая меня краем своего крыла. — Бал уже полчаса как начался.

— Чейз сказал, что задержится в доме братства и будет чуть позже, — я обернулась, оглядывая пеструю толпу в поисках знакомого силуэта. — Но я его сразу узнаю, не переживай. У нас был уговор насчет парных элементов.

— Он что, припрется в виде болотного чудовища? — усмехнулся Рейн, приподняв бровь.

Я лишь возмущенно фыркнула и несильно хлопнула его ладонью по твердой груди, заставляя наконец заткнуться. Покрутив головой и в очередной раз не найдя Чейза среди танцующих мертвецов, вампиров и пиратов, я тяжело вздохнула.

Заметив это, Рейнер бесцеремонно, силой перехватил меня за запястье и потащил через лужайку в сторону столов с едой.

— Пошли, Миллер. Я сейчас просто умру с голоду, а из-за твоих любовных поисков мы караулим вход как дурацкие швейцары, — ворчливо пробурчал он.

Но дойти до тарелок с канаве мы так и не успели. Дорогу нам внезапно преградила сама Афродита. Точнее — Мэдисон в её умопомрачительном, если не сказать катастрофическом, наряде греческой богини. Боги, до этой секунды я на-

ивно считала, что моё черное обтягивающее платье от Мии выглядит слишком вульгарно. Но, кажется, по сравнению с Мэли я была одета как монашка в самый строгий пост. Девчонка пришла на бал, завернутая в одну-единственную полупрозрачную белую простыню, скрепленную золотыми пряжками. Её бока были полностью открыты до самого бедра, что со стопроцентной гарантией говорило о том, что она пришла на вечеринку вообще без нижнего белья. А пышная грудь при каждом шаге буквально вываливалась наружу из экстремального выреза, чудом удерживаясь на честном слове.

Увидев Рейнера в его черных перьях, Мэдисон тут же вся расплылась в ослепительной, призывной улыбке и кокетливо поправила золотой лавровый венок в волосах.

— Привет, Рейн... Ты выглядишь просто сногсшибательно, — пропела она, полностью игнорируя мое присутствие и делая уверенный шаг к нему вплотную.

А вот Торнтон, судя по его мгновенно окаменевшему, суровому лицу, был совершенно не рад её видеть. Его челюсть упрямо дернулась, а взгляд стал холодным, отстраненным и откровенно скучающим. Ему было плевать.

— Ладно, вы тут болтайте, вспоминайте прошлое, — быстро отошла я, пользуясь моментом. Смотреть на то, как Мэли вовсю окучивает моего лучшего друга, мне не хотелось. В груди снова неприятно екнуло. — А я пойду добуду что-нибудь выпить.

Я круто развернулась и сменила курс, направляясь к са-

мой дальней вазе с пуншем. Около нее почему-то толпилась добрая половина мужской хоккейной сборной, хотя таких чаш по всему двору было полно. Это сразу показалось мне подозрительным.

— Эй, парни, что вы тут делаете? — возмутилась я, проталкиваясь к стеклянному сосуду через плечи хоккеистов. — Почему весь багряный пунш оккупирован только вами?

Парни из команды синхронно обернулись, и кто-то из них тут же со смехом всунул мне в руку пустой пластиковый стакан. Я поднесла его к носу, приняухалась к ягодному аромату и понимающе рассмеялась — от чаши отчетливо и крепко разило чистым спиртом. Итан Картер определенно приложил к этому свою тяжелую руку.

— О-о-о, ну тогда мне целый! — весело отозвалась я, протягивая стакан обратно.

Парни вокруг тут же одобрительно загоготали, захлопали меня по плечу и щедро долили мне пунш до самого края.

— И вон туда, на самый дальний стол под деревьями, тоже налейте, — я заговорщически указала пальцем на скрытую в тени фуршетную зону. — Профессора там вообще не ходят, так что можете праздновать спокойно, вас не пропалят.

Хоккеисты, довольно зашумев, тут же подхватили свободные бутылки, собираясь бежать в указанном направлении. Но перед тем как сорваться с места, один из защитников нашей сборной вдруг притормозил, обернулся ко мне и заговорщически, со смешком пригрозил пальцем:

— Только ты много этого пунша не пей, Лив, ладно? —
вполголоса, но отчетливо проговорил он, косясь в сторону
лужайки. — А то если Торнтон узнает, что мы тебя напоили
этой бодягой, он нам завтра на раскатке лично и без анесте-
зии уши оторвет. Нам еще сезон катать, пощади команду.

Парни из команды согласно, весело загудели, подтвер-
ждая его слова, и резво скрылись в темноте за деревьями.
Эта короткая фраза меня знатно посмешила, но одновре-
менно с этим где-то глубоко в груди, под самыми ребрами,
ласковой, плавающей волной разлилось густое, запретное теп-
ло. Сердце глухо екнуло от этой его негласной, жесткой опе-
ки, которую признавал весь кампус. Я лишь снова тихонь-
ко захихикала, глядя на их суету и пытаюсь заглушить это
неуместное чувство.

Подняв свой стакан, я сделала добрую половину глотков
за один раз и тут же сильно, судорожно поморщилась — яд-
рёный алкоголь знатно обжег горло, но приятно, расслабля-
юще побежал по венам, смывая остатки октябрьского напря-
жения

Не успела я даже толком насладиться первыми глотка-
ми этого чудо-напитка, как пластиковый стаканчик бесцере-
монно вырвали из моих пальцев. В следующую секунду Рей-
нер, бросивший Мэдисон, одним махом осушил его до само-
го дна.

Он шумно выдохнул, смешно поморщился и уставился на
пустой пластик в своей руке так, словно тот укусил его за

палец.

— Твою мать, Миллер... Это что алкоголь? — ошарашенно прошипел он, переводя на меня свои хмурые глаза. — Зефир, я вообще-то за рулём сегодня! Ты что мне подсунула?

Я лишь флегматично поджала губы, забирая у него пустой стакан:

— Ну, значит, уже нет, Торнтон, пешком пойдешь. Нечего вырывать вещи из рук, не спрашивая разрешения. Это был мой напиток, так-то.

Рейнер тяжело выдохнул, и его челюсть упрямо качнулась. Он закинул голову назад, глядя на неоновые оранжевые фонарики над нашими головами, сдерживая эмоции.

— Что, настолько всё плохо с этой твоей Афродитой? — с легкой усмешкой поинтересовалась я, кивая в сторону, где Мэдисон уже всю флиртовала с кем-то из футболистов, потеряв надежду зацепить капитана.

— Всё просто супер, — мрачно пробурчал он сквозь зубы. А затем резко, горячей ладонью перехватил мою ладонь: — Пошли танцевать.

— Вообще-то, я...

Я даже договорить не успела. Торнтон точным броском отправил несчастный стаканчик в мусорный бак и уверенно потащил меня за собой в самый центр лужайки, где под тяжелые басы всю плясали другие парочки. Чуть левее от нас Мия и Нейтан уже устраивали настоящие дикие, безумные танцы, совершенно не заботясь о том, как смешно выглядят

его вампирские клыки со стороны.

— Ты же прекрасно знаешь, что я не танцую, Рейн, — пробурчала я, судорожно поправляя на ходу свою остроконечную ведьминскую шляпку, которая так и норовила съехать мне на нос от его темпа.

— Как будто я сейчас сильно похож на профессионального танцора, — огрызнулся он, упрямо увлекая меня за собой в толпу.

И именно в этот момент ритм из колонок резко, плавно сменился. На смену динамичным басам пришла медленная, тягучая и безумно чувственная мелодия. Я тяжело, обреченно вздохнула, понимая, что сбежать из его рук теперь точно не получится.

Рейнер среагировал мгновенно. Он шагнул вплотную, сокращая расстояние между нами до опасного минимума, и уверенно притянул меня к себе за талию. Огромные черные перья его крыльев на секунду полностью укрыли нас от остальной поляны, отсекая весь мир. Мы плавно и бесшумно полились в такт музыке. Его ладонь на моей спине, лежащая прямо на ткани плаща, была обжигающе горячей, заставляя сердце выстукивать сумасшедший ритм.

— Я думала, ты хотел нормально оторваться сегодня, а не ходить тут со своей вечной грустной миной, — тихо проговорила я, чтобы перебить эту удушающую интимность, и уткнулась взглядом в его расстегнутый воротник шелковой рубашки.

— Я вполне, очень даже веселый сегодня, Миллер, — сухо отозвался он, глядя куда-то поверх моей ведьминской шляпы.

— Оно и видно, — язвительно хмыкнула я, сильнее прижимаясь к его груди из-за толкнувшей нас сзади пиратской парочки. — Весельем от тебя веет за целую милю, капитан.

— Ой, замолчи лучше, — проворчал он, и в его низком голосе наконец-то прорезались знакомые, теплые дружеские нотки. — Весь танец мне портишь своими бесконечными колкостями.

В следующую секунду он прижал меня к своей груди еще плотнее, так, что я практически уткнулась носом в его плечо. Ткань рубашки пахла можжевельником и табаком. Я не выдержала — тихонько захихикала, чувствуя, как крепкий алкогольный пунш окончательно расслабляет тело, снимая блоки. Нам всегда, сколько я себя помнила, было легко вот так дурачиться и ломать дистанцию.

Но стоило мне в процессе очередного плавного разворота случайно скользнуть пьяным взглядом по толпе у центрального входа, как мой смех мгновенно оборвался. На парковку перед задним двором уверенным, размашистым шагом заходил Чейз. Я замерла, и сердце глухо екнуло от внезапного укола разочарования. Мы ведь договаривались, детально обсуждали, что у нас на Хэллоуин будут парные костюмы, и я искренне ждала этого вечера. Но он пришел совершенно в другом образе, наплевав на наш уговор. Это было чертовски

неприятно, внутри на секунду повеяло холодом, но я упрямо, поспешно отмахнулась от этой дурной мысли, списывая всё на накладки с подготовкой.

Их костюмы были просто потрясающими, ни капли не уступающими по уровню деталей наряду Падшего Ангела. Чейз выбрал кардинально противоположный, безупречный образ — он был Белым Рыцарем. На нем красовался легкий, стилизованный под доспехи серебряный жилет поверх облегающего лонгслива, выгодно подчеркивающий каждый мускул его тела, а на плече покоился тяжелый бутафорский меч с золоченой рукоятью. В неоновых лучах оранжевого праздничного света он выглядел настолько ослепительно, благородно и правильно, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— Чейз... — едва слышно сорвалось с моих губ.

Я тут же резко, без раздумий оторвалась от Рейнера, грубо разрывая наши объятия.

— Прости, Рейн! — быстро извинилась я перед лучшим другом, даже не взглянув на его внезапно потемневшее, каменное застывшее лицо.

Подхватив подол длинного прозрачного плаща и на ходу придерживая шляпу ладонью, я со счастливой улыбкой на все тридцать два зуба быстрыми шагами побежала через всю лужайку прямо в сторону своего идеального Белого Рыцаря

Я с разбегу влетела в его объятия, и Чейз ответил мне такой же ослепительной, яркой улыбкой, крепко прижимая ме-

ня к своему холодному серебряному жилету. А вот его друзья — Кайл и Рони, — синхронно хлопнув его по плечам, тут же поспешно разбежались в разные стороны. И перед тем как окончательно скрыться в толпе, они снова как-то дико, натянуто и странно на меня посмотрели. Мне это категорически не понравилось.

— Почему они вечно смотрят на меня так, словно я им кучу денег должна или сделала какую-то глупость? — недовольно проворчала я, провожая их широкие спортивные спины хмурым взглядом.

— Брось, Айри. Не накручивай себя, они на всех так смотрят, — рассеянно отозвался Чейз.

Он на секунду дежурно чмокнул меня в губы, но его взгляд при этом уже вовсю блуждал где-то поверх моей остроконечной шляпы, напряженно выглядывая кого-то в шумной толпе гостей. А затем он аккуратно отстранился, убирая руки с моей талии:

— Ладно, солнышко, мне нужно экстренно отойти буквально на пару минут к ребятам из организационного комитета регби. Скоро приду, не скучай тут!

Он сделал широкий шаг назад, окинул меня беглым взглядом и уже на ходу, быстро разворачиваясь спиной, бросил через плечо:

— Наряд супер!

И ушагал куда-то вглубь двора, мгновенно растворяясь среди костюмированных студентов. Я лишь обречённо, горь-

ко выдохнула, оставаясь стоять посреди лужайки в полном одиночестве.

— «*Наряд супер*». О да-а-а. Твой идеальный парень явно умеет делать изысканные, умопомрачительные комплименты своей девушке, — за моей спиной тут же раздался знакомый злорадный голос.

Рейнер стоял совсем рядом, лениво покачивая в руке новый пластиковый стаканчик с какой-то темной жидкостью, и всю издевательски улыбался. Его черные перья за спиной слегка подрагивали от безмолвного, издевательского смеха над моей растерянностью.

Разозлившись в секунду на весь этот безумный мир, я резким движением выхватила стакан прямо из его пальцев и одним махом, залпом влила в себя всё содержимое, желая заглушить обиду. В следующую же секунду мои глаза полезли на лоб, а из горла вырвался хриплый, удушливый и панический сип. Я отчаянно закашлялась, сгибаясь пополам и хватаясь рукой за шею. Горячая волна буквально выжгла мне гланды.

— Боже мой! — прохрипела я, слезящимися глазами глядя на пустую пластиковую тару. — Это что... чистый виски?! Ты с ума сошел?

Рейнер на мои мучения лишь громогласнее, искренне загоготал на весь двор, складывая руки на широкой груди:

— Как ты там сказала: нечего вырывать чужие вещи без спроса и разрешения?

— Ты что, всерьез решил сегодня накинаться в хлам? — спросила я, утирая выступившие от кашля слезы с ресниц.

Он лишь безразлично, лениво пожал плечами Падшего Ангела:

— Я всё равно уже случайно пригубил твой пунш с водкой в начале вечера. Смысл теперь трезвенника из себя строить на парковке? Чего без дела стоять.

И, если быть до самого конца честной с собой, благодаря Рейну я не чувствовала себя сегодня на этом дурацком празднике абсолютно брошенной, безликой и одинокой. В отличие от всех остальных парней кампуса, Торнтон не бегал по площадке в безумных поисках кого-то, не пытался сосаться по темным углам с первокурсницами и не бросал меня ради «важных дел команды». Он просто неотступно, тенью следовал за мной, надежно охраняя невидимые границы. Чейза же за следующий час я видела только мельком, издалека — мой Белый Рыцарь то и дело оживленно, тайно общался то с одними регбистами, то с другими, а потом и вовсе окончательно пропал из виду. И меня это пугало. Он ведь обещал вернуться через пару минут. Где же, черт возьми, его носит?

Я отчетливо видела хмурое, каменно-напряженное лицо Рейна, стоявшего рядом. Казалось, его в этот вечер вообще абсолютно всё и вся вокруг бесит.

— Слушай, Торнтон, если я тебя так сильно отвлекаю от веселья, то иди тоже оторвись с кем-нибудь, склей перво-

курсницу, — проговорила я, отпивая очередной приличный глоток обжигающего напитка из нового стакана, который мы снова удачно раздобыли у Итана. В голове из-за дикой смеси пунша и виски уже вовсю начал сгущаться приятный, плотный сонный туман. Колени становились ватными.

— Я разве хоть слово сказал о том, что ты меня отвлекаешь, Миллер? — хмуро, с натянутой хрипотцой бросил он, внимательно, бдительно отслеживая траекторию моих опасных покачиваний на высоких шпильках по траве.

— Если что, Рейн, я вообще-то не нуждаюсь в круглосуточных няньках, ясно тебе? — я хмельно, дерзко ухмыльнулась, тыкая пальцем ему прямо в плотную, твердую грудь. — Ты смотришь на меня сейчас таким суровым, капитанским взглядом, словно я собираюсь пойти и распилить бензопилой парочку человек на этой лужайке.

Торнтон на мою хмельную тираду внезапно хрипло, низко рассмеялся, и в его интонации промелькнула опасная, пьяная и очень душная пелена:

— Если честно, Зефир, я бы сам здесь с огромным удовольствием распилил бы одного ублюдка. Прямо сейчас. На мелкие куски.

Я тоже громко, беззаботно рассмеялась, разделяя его кроважный, дикий настрой, и залпом добила остатки алкоголя в стаканчике. Высокий градус бил по мозгам со страшной силой, окончательно стирая рамки приличий.

— Так... Мне срочно нужно еще пунша, — пробурчала

я, чувствуя, как по телу волнами разливается невыносимый, душный и обжигающий жар. На ходу я принялась путаться в завязках и нетерпеливо расстегивать свой длинный ведьминский плащ на шее, обнажая ключицы. — Господи, как же тут жарко...

— А я думаю, Лив, что тебе на сегодня уже более чем хватит алкоголя, — Рейнер жестко перехватил мою руку за запястье, пытаясь остановить этот марафон.

— Нет-нет-нет, папочка, ты сегодня мне точно не указываешь! — весело, хмельно отозвалась я, нагло вырывая ладонь из его пальцев.

Я целенаправленно пошла к фуршетному столу, сама щедро налила себе полный стакан багрового пунша и, сделав первый огромный глоток, знатно скривилась. Сюда хоккеисты Итана, видимо, чистого спирта вообще не пожалели — напиток обжигал пищевод наотмашь. Но приторная ягодная сладость сиропа всё равно маскировала эту горечь, делая его опасным и обманчиво легким для девчонки. Окончательно взмокнув от жара, я со смехом сбросила свой тяжелый темный плащ прямо в руки Рейнера. Раз уж этот Падший Ангел таскается за мной весь вечер как прилипчивая пиявка, пусть хоть принесет пользу и поработает моей личной вешалкой.

И именно в этот момент один из парней из регбийного крыла окликнул меня около самого входа в кирпичное здание колледжа.

— Эй, Лив... — позвал он, выныривая из тени. Кажется,

его звали Стив, а может быть Фил — в моем пьяном состоянии я чертовски мало что запоминала.

— Подожди тут, — бросила я Рейну через плечо, останавливая его.

А сама, слегка покачиваясь на шпильках, направилась к регбисту.

— Тебя Чейз просил срочно зайти в раздевалку, — быстро проговорил парень, сунув мне в руку аккуратно сложенный вдвое клочок бумаги, а сам моментально, трусливо убежал, растворяясь в толпе.

Я тут же раскрыла записку. «*Через 5 минут. Жду*», — гласил, размашистый почерк.

Сердце радостно встрепенулось, смывая обиду. Я упрямо зашла в полутемный, душный холл здания, где тяжелые басы от музыки буквально заставляли физически вибрировать кирпичные стены и пол, и целенаправленно направилась в сторону коридора раздевалок. Вокруг в полумраке, по углам и в тени колонн, пряталась куча парочек, которые тайно, жадно целовались, пока их не видели строгие преподаватели. Остроконечная ведьминская шляпа то и дело съезжала мне на лоб, частично закрывая обзор. Я брела вперед в полумраке коридора, полностью ведомая плотным алкогольным туманом в голове.

Перед самым концом коридора я толкнула одну из массивных дверей раздевалок, которых здесь было всего две — наша домашняя хоккейная и гостевая соперников-регби-

стов. Я наугад шагнула внутрь и... замерла как вкопанная.

У самых дальних железных шкафчиков в полумраке комнаты отчетливо, бурно зажималась парочка. От слабого, косого света, падающего из открытых дверей коридора, они судорожно вздрогнули и испуганно обернулись. Но в этот короткий миг в темноте что-то осязаемо, ярко блеснуло. Серебро. Знакомое, безупречное серебро доспеха Белого Рыцаря.

Я зажмурилась, раз моргнула, два. Алкогольный туман в одну секунду выветрился из моей головы, сменяясь леденящим, удушающим и парализующим ужасом. Рука на автомате рванула пластиковый выключатель на стене, и яркий, безжалостный, мертвенно-белый свет люминесцентной лампы залил комнату, сдирая все фальшивые маски.

— Черт... Айри! — Чейз судорожно, панически дернулся, испуганно оборачиваясь к двери, но по инерции всё ещё не выпуская из рук девочку.

Он прямо у шкафчиков со всей силы прижимал к себе Афродиту. Мэдисон буквально висела на нем. Её белая простыня греческой богини была полностью разодрана, распахнута в стороны, обнажая упругую грудь, а её голые ноги, абсолютно свободные от какого-либо нижнего белья, собственнически, плотно обвивали его талию. Вся бордовая помада Мэли грязными, размазанными пятнами красовалась по всему лицу и губам моего «идеального» парня. Его серебряный доспех был растягнут, а по его спущенным штанам на рези-

новом полу раздевалки было более чем отчетливо и ясно понятно, что они здесь, черт возьми, вовсе не в карты играли.

Весь мой карточный домик доверия, любви и глупых надежд в одну секунду разлетелся на окровавленные щепки.

— Прощу простить... — мертвым, абсолютно чужим и ледяным голосом проговорила я, медленно пятясь назад, обратно в пустой коридор.

— Айри, стой! — донесся из глубины раздевалки его трусливый, панический и жалкий крик.

Но я уже не слушала. Развернувшись, я сорвалась на безумный, отчаянный бег по коридору второго этажа, на ходу со всей силы срывая дурацкую остроконечную ведьминскую шляпу с головы и с ожесточением швыряя её на грязный пол. На крутом повороте я со всего размаху, вслепую врезалась в Рейнера. Он едва удержал меня на ногах, перехватывая своими мощными руками за локти и прижимая к своей груди.

— Ты чего, Лив?! — хмуро, взволнованно буркнул он, жадно заглядывая в мое лицо.

Я ничего не могла ему сказать — легкие словно забило жидким азотом. Я лишь упрямо поджала губы, сдерживая рвущийся наружу безумный крик, а горячие, жгучие слезы сами собой, сплошным потоком потекли по моему лицу, смывая макияж.

— Айри! Тормози! — раздался в конце коридора громогласный, яростный рев Чейза.

Он выскочил из дверей раздевалки, на ходу лихорадочно застегивая свои спущенные штаны. А следом за ним из проема кокетливо, вальяжно вышла Афродита — Мэдисон ленивыми, картинными движениями поправляла разорванную ткань простыни на своей груди. На её лице играла торжествующая, ядовитая ухмылка. И в эту долю секунды меня прошибло страшное, леденящее осознание. Они с самого начала всё это подстроили. И эту подставную записку через регбиста у входа, и то, что я приду именно в эту минуту и застаю их здесь. Это была спланированная, уродливая казнь моего доверия.

— Айри! — раздался уже ближе испуганный, рваный крик Девенпорта, но он внезапно замер на полуслове, наткнувшись на нас.

Чейз мгновенно нахмурился, видя меня в крепких руках хоккеиста. А вот Рейнер... Рейнер рядом со мной явно, осязаемо закипел. Плотный пластиковый стаканчик с виски, который он до этого держал в руке вместе с моим ведьминским плащом, он со всей силы отшвырнул в стену, и алкоголь брызнул в стороны.

— Сдвинешься с места... — опасно, удушающе прошипел Торнтон, обращаясь к Чейзу, но договаривать не стал.

Рейн был пьян, взвинчен до предела, и перечить ему сейчас означало добровольно растоптать всё то живое, что еще оставалось между лагерями. Не дав никому опомниться, Торнтон в один широкий, звериный шаг сократил расстоя-

ние до Чейза и просто начал бить его. Жестко. Бескомпромиссно.

Раздался страшный, глухой удар — кулак Рейнера со всего размаху врезался Девенпорту прямо в челюсть. Чейз с грохотом отлетел спиной в металлические шкафчики, но Торнтон коршуном налетел сверху, хватая его за воротник серебряного доспеха и впечатывая новый удар за ударом. Это была не спортивная потасовка, а свирепая, дикая бойня.

— Я же просил тебя! — рычал и хрипел Рейнер, нанося тяжелые, зубодробительные удары в окровавленное лицо регбиста, от которых костяшки его собственных пальцев мгновенно лопались в кровь. — Я просил тебя, сука, завязать с этой херней! Обещал ведь! Просил не ломать её!

Я стояла у стены, парализованная ужасом, абсолютно не понимая, что происходит и о какой «херне» кричит мой лучший друг. Пока Чейз, утирая летящую изо рта багровую юшку, не выкрикнул в ответ сквозь хриплый кашель:

— Что же ты сам ей ни черта не рассказал, раз такой заботливый опекун?! А, Торнтон?! Боялся?! Ссался, что она узнает правду и тебя тоже возненавидит до конца жизни?!

Рейнер от этих слов внезапно замер. Его занесенный для нового удара кулак задрожал в воздухе. Он медленно, с каким-то затравленным выражением лица обернулся через плечо на меня.

— Что... что ты не сказал мне, Рейн? — судорожно всхлипла я, делая шаг назад. Воздух вокруг стал удушливым.

— Я и Мэдисон встречаемся уже несколько недель, Миллер! — выплюнул Чейз, тяжело дыша и сплевывая накопившуюся кровь прямо на пол. Из его безупречного образа Белого Рыцаря сочилась чистая гниль. — А ты... ты для меня всего лишь проигранный, тупой спор, ясно тебе?! Ты ходила такой недотрогой и тихоней, что в нашей раздевалке никто из парней не верил, что я смогу затащить тебя в постель! Ты же никого к себе не подпускаешь! И хоть ты мне так и не дала. Но я тебя трогал. Я тебя видел.. А это уже гораздо больше, чем есть у всех остальных придурков в этом вузе!

За эти грязные, скотские слова Рейнер снова с размаху дал ему в рожу так, что Чейз мешком отлетел в угол коридора. Мэдисон испуганно, пронзительно визгнула на весь коридор, вжимаясь в стену.

Но её визг доносился до меня словно сквозь толщу воды. Мой мир окончательно, беспощадно рухнул, превращаясь в черно-белое, мертвое кино. Я медленно перевела взгляд на замершего Торнтона, чьи кулаки были полностью покрыты багровой юшкой.

— Рейн?... — едва слышно, ломающимся голосом позвала я его, чувствуя, как сердце разрывается на куски. — Ты... ты знал об этом? Всё это время знал про их спор?

— Лив... — в открытом ужасе прошептал он, делая шаг ко мне и протягивая свои окровавленные ладони. — Пожалуйста, послушай меня...

Но это было всё. Финал. Я в диком, паническом ужасе су-

дорожно закрыла рот рукой, чтобы не закричать от разрывающей грудь боли, резко развернулась и просто побежала прочь. Я бежала вниз по лестнице, мимо опешивших Кайла и Рони, мимо гремящей музыки холла — прочь, устремляясь в холодную, спасительную хэллоуинскую ночь, оставляя свое разрушенное вдребезги сердце на грязном полу.

Меня трясло как в лихорадке. Безумная, выжигающая обида жгла пищевод наотмашь. Я хотела ослепнуть, оглохнуть, начисто стереть из памяти увиденное лицо Чейза в помаде Мэдисон и его спущенные штаны.

Наплевав на высокие шпильки, на глубокие лужи и темноту, я бежала со всей силы, устремляясь как можно дальше от этого проклятого праздника. Но каблуки безнадежно вязли в сырой траве. На полутемной технической парковке, вдали от неоновых хэллоуинских огней, Рейнер всё же настиг меня.

Его тяжелая, мокрая от дождя ладонь грубо перехватила мое запястье, и он с силой дёрнул меня на себя, заставляя развернуться лицом к нему. На его лице, освещаемом редкими тусклыми фонарями, застыло выражение глухого, сурового бешенства и растерянности. Крылья он где-то уже видимо скинул чтобы не мешали.

— Ты знал об этом, Рейн? Всё это время знал про их грязный спор и молчал?! — в истерике проревела я, захлебываясь слезами и тяжело дыша прямо под потоками холодной воды. — Тоже хотел посмотреть, отдамся я ему или нет?! Решил проверить, на что способна тихоня Айрис, способна

ли она трахнуться с кем-то ради красивых слов?!

— Нет! Нет, Айри, господи! — в открытом ужасе затараторил Рейнер, и его звучный голос заметно, болезненно дрогнул. Он снова резко дёрнул меня за руку на себя, заставляя смотреть прямо на него. — Послушай меня! Я говорил тебе, ясно?! С самого первого дня, я сказал тебе, что этот ублюдок не тот, кем хочет казаться! Я предупреждал тебя, Миллер! Сто раз просил держаться от него подальше! Но ты же у нас упрямая, строила из себя святошу! Влюбилась в дебила, раскрыла рот и ни черта вокруг себя не видела, верила каждой его ванильной сказке! И да, черт возьми, считай, что всё это тебе хороший, заслуженный урок за...

Договорить этот упрямый придуток не успел. Моя ладонь с оглушительным, хлестким и яростным свистом врезалась прямо ему по лицу. Удар под воздействием пьяного адреналина и боли был такой силы, что на его безупречной, мокрой от ливня щеке мгновенно проступил багровый, пылающий след.

— Ненавижу вас всех... — прерывисто, разбитым шепотом выдавила я, глядя в его расширившиеся от шока глаза. — Слышишь меня, Торнтон? Ненавижу.

Я с силой вырвала свое запястье из его ослабевшей на секунду хватки, резко развернулась и, больше не оборачиваясь, опрометью бросилась в темноту парковки — туда, где у выезда из кампуса как раз удачно горели желтые огоньки припаркованных городских такси.

Глава 19

Домой я добралась на каком-то случайном городском такси, совершенно не помня, как расплатилась и как вообще дошла до своей двери. В голове шумел сумасшедший, давящий на виски набат из пунша, виски, рыданий и ледящего ужаса. Я заперлась в квартире на все замки и обессиленно сползла спиной по стене прихожей, оставаясь сидеть прямо на полу в этом сыром, проклятом, долбаном платье, которое облепляло тело как холодная змеиная кожа. Зуб на зуб не попадал, а пальцы мелко дрожали от подступающей истерики.

Весь мой мир был хладнокровно, цинично стёрт с лица земли.

Не в силах подняться, я на четвереньках доползла до гостиной. Нашупав внизу кухонного шкафчика заначку — бутылку крепкого алкоголя, которую Рейнер когда-то предусмотрительно запрятал туда после наших прошлых посиделок с ребятами, — я зубами сорвала крышку. Мне было плевать, что это. Горькая, жгучая жидкость обожгла пищевод, но я упрямо сделала ещё один огромный глоток, захлебываясь собственными горячими слезами. Хотелось просто выжечь изнутри всю ту грязь, которую я увидела в раздевалке.

Мой телефон, брошенный на ковре, буквально разрывался от непрекращающихся, вибрирующих звонков Чейза. Экран то и дело загорался, высвечивая одно входящее уве-

домление за другим — Мия панически строчила сообщения, требуя ответа, куда же я так внезапно пропала в самый разгар бала. Вдруг на дисплее всплыло очередное текстовое сообщение от Чейза. Взгляд со второго раза сфокусировался на аккуратных строчках:

«Айри, прошу, выслушай меня. Мне правда жаль. Всё зашло слишком далеко, но я...»

С глухим, яростным рыданием я со всей силы швырнула мобильник прочь от себя в дальний угол комнаты. Аппарат с глухим стуком ударился о плинтус и затих. Я обессиленно прислонилась спиной к деревянному каркасу кровати в полумраке комнаты, подтягивая колени к груди. Я сидела на ледяном полу в абсолютной темноте и просто тупо смотрела в пустую стену перед собой, пока из глаз сплошным потоком текли жгучие слёзы.

В какой-то момент пространство вокруг меня обманчиво покачнулось, и перед моим лицом в полумраке внезапно сооткался силуэт Рейнера.

— Хватит... хватит мне мерещиться, — разбитым, пьяным шепотом выдохнула я, закрывая глаза ладонями и упрямо мотая головой. — Убирайся. Твое лицо вечно появляется перед глазами именно тогда, когда вообще не надо. Издеваешься надо мной даже в моих мыслях.

— Кажется, с тебя на сегодня уже более чем хватит, Миллер, — вдруг раздался совсем близко реальный, низкий и до боли знакомый голос, заставив меня судорожно вздрогнуть

всем телом.

Я испуганно распахнула глаза. Рейнер не был галлюцинацией или бредовым видением. Он был настоящий, осязаемый и пугающе огромный. Торнтон уже успел скинуть свои дурацкие крылья Падшего Ангела, смыл остатки грима и переделся в свою привычную домашнюю одежду — темные спортивные штаны и плотную толстовку. Но мне сейчас не приносило абсолютно никакого облегчения то, что он устроил там.

Рейн уверенным движением бесцеремонно забрал из моих ослабевших пальцев бутылку, лишая меня последней защиты.

— Проваливай, Торнтон! — яростно прохрипела я, пытаясь отнять алкоголь, но он лишь усмехнулся, легко поднимаясь на ноги и отставляя бутылку высоко на комод, куда я физически не могла дотянуться. — Убирайся вон! Я не хочу тебя видеть!

— И именно поэтому я тебе мерещусь каждую секунду, не так ли, Зефир? — с какой-то скрытой, горькой ухмылкой процедил он сквозь зубы, нависая надо мной своей массивной фигурой. А затем его тон мгновенно стал суровым, не терпящим возражений: — Тебе лучше прямо сейчас пойти и переодеться в сухое, Лив. Живее. Иначе ты завтра будешь опять валяться с температурой тридцать девять. Я не нанимался снова бегать тебе за сиропами.

— Да плевать мне! — сорвавшись на сиплый крик, про-

ревела я в ответ, упрямо утыкаясь подбородком в колени. — Плевать вообще на всё, ясно тебе?! На простуду, на колледж, на это чертовое платье! Вы... вы все просто играете мной, как какой-то безмозглой, удобной игрушкой! Что я тебе сделала, Рейн? За что ты так со мной поступил? Зачем молчал?!

Рейнер на мой надрывный крик лишь тяжело, шумно выдохнул и с глухим стоном устало потер лицо ладонями, заставляя себя сдерживаться. На его сбитых кулаках отчетливо виднелась запекшаяся кровь Девенпорта. И где-то глубоко на дне души, вопреки всей моей оглушающей злости, мне было до слез, до щемящей боли приятно, что он снова так яростно заступился за меня. Заступался ли вообще кто-то в этой жизни за меня из нашей компании так, как это из раза в раз, из года в год делает он? Нет. Никогда. Да, Нейтан или Итан тоже без дела не сидели бы, если бы меня кто-то посмел открыто обидеть. Но не так. Рейну в минуты моей защиты всегда было абсолютно, глубоко наплевать на последствия. Ему словно плевать было на то, что его с позором вышвырнут из хоккейной сборной за драку в разгар сезона, лишат повязки капитана или отчислят из университета. Он ни о чем не думал в эти секунды, кроме моей безопасности.

Из этого лихорадочного потока мыслей меня внезапно вырвало то, что Рейнер резко, силой дёрнул меня на себя за подмышки, одним слитным движением легко поднимая мою ватную фигуру с пола. Голова дико закружилась, я тут же опасно покачнулась на высоких шпильках, теряя равновесие,

но упасть он мне не дал.

В следующую секунду я с коротким писком просто оказалась перекинута через его плечо. Рейн прямо в процессе движения, не снижая темпа, одной рукой бесцеремонно стянул с моих ног эти дурацкие, промокшие туфли на шпильках и швырнул их куда-то в сторону коридора.

— Ты вечно смотришь черт знает куда, Миллер! — яростно шипел он, тяжело дыша и уверенно таща меня на плече в сторону ванной комнаты. Его голос буквально вибрировал от клочущей внутри злости. — Меня это уже просто до ручки бесит! Я словно в слепой зоне стою как последний дурак уже не первый год, пока ты творишь вокруг всякую херню и доверяешь первому встречному ублюдку в серебряных шмотках! Не слышишь меня, не замечаешь, упрямо отталкиваешь! Понастроила стен!

— Отпусти меня! — в панике закричала я, отчаянно колотя кулаками по его мощной, обтянутой толстовкой спине. — Пusti сейчас же, слышишь, Торнтон?! Не смей сюда приходить больше! Не смей прикасаться ко мне! Не смей!

Но этот танк было невозможно остановить. Рейнер бесцеремонно зашагнул со мной в тесную ванную комнату, резко опустил меня на кафельный пол душевой кабины и в ту же секунду наотмашь повернул рычаг смесителя.

Прямо мне на голову, на лицо, на плечи и на это несчастное черное платье обрушились мощные, ледяные, обжигающие струи холодной воды.

Я от неожиданности и резкого температурного шока испуганно вздрогнула, шумно втянула ртом воздух и на секунду полностью замерла под этим безжалостным душем, хватаясь пальцами за мокрый кафель стены. Мои светлые растрепанные волосы мгновенно потяжелели, облепляя лицо, а холодная вода смывала остатки пьяного хмеля.

— Ты что, совсем больной, Торнтон?! Больной на всю голову?! — вовсю прокричала я ему прямо в лицо, задыхаясь под струями ливня в замкнутом пространстве и утирая воду с глаз. — Что ты творишь?!

— Тебе нужно срочно протрезветь, Зефир! — упрямо, громогласно перекрикивая шум бьющей по поддону воды, заорал он в ответ, намертво блокируя мне выход из кабины своим огромным телом и удерживая за мокрые локти. — Протрезветь прямо сейчас, пока ты в таком состоянии окончательно не начала творить глупую, непоправимую дичь! Из которой я тебя потом опять буду вытаскивать!

Вдоволь наругавшись и убедившись, что ледяной душ всё-таки выбил из моей головы остатки самого удушливого алкогольного хмеля, Рейнер наконец выключил воду. Он швырнул мне на плечо сухое махровое полотенце и молча вышел, плотно прикрыв за собой дверь ванной, оставляя меня в полном одиночестве приводить себя в надлежащий порядок.

Я на автомате включила нормальную, теплую воду. Смыла размазанную косметику, тщательно вымыла голову от остатков праздничного лака, смывая вместе с грязной пеной всю

ту мерзость, свидетельницей которой стала. Переодевшись в чистую, сухую домашнюю одежду и укутав мокрые светлые волосы в тюрбан из полотенца, я тихими, уставшими шагами вышла обратно в комнату. Холодная реальность окончательно вступила в свои права, и под ребрами снова заняла тупая, непреходящая боль предательства.

Рейнер всю, как и обычно, по-хозяйски распоряжался на моей маленькой кухне. Услышав мои шаги, он лениво махнул рукой, приказывая подойти ближе, а когда я приблизилась к столу, бесцеремонно сунул мне прямо в пальцы теплую керамическую чашку.

— Что это? — я тут же недовольно нахмурила нос, приносясь к содержимому.

— Чай, — коротко, глухо проговорил он, засунув руки в карманы спортивных штанов и в упор разглядывая мое бледное лицо.

— Я не люблю чай, ты прекрасно это знаешь, Торнтон, — хмуро проворчала я, пытаюсь отставить кружку в сторону.

— А я не люблю, когда ты пьешь всякую спиртовую бодягу из чужих стаканов, — жестко, с нажимом парировал он, не давая мне убрать руку. — И что мне теперь с тобой делать, Миллер? Вообще не приходите сюда? На замок тебя запираешь, чтобы ты глупостей не творила?

— А может, и правда не приходите? — я вызывающе выгнула бровь, сокращая между нами расстояние и заглядывая в его суровое лицо. Обида на его умалчивание до сих пор

жгла изнутри. — Может, просто оставишь меня в покое?

— Пей, — только и сказал он, наотрез игнорируя мой выпад.

— Послушай меня, Рейн. Я хочу побыть одна, ясно тебе?! — сорвавшись на надсадный, хриплый шепот, выдохнула я, ощущая, как к горлу снова подступает удушливый ком слез. — Мне только что... мне сердце разбили в щепки прямо на моих глазах. Растоптали. А ты стоишь тут посреди моей кухни со своим дурацким чаем и строишь из себя правильного! Что ты вечно таскаешься со мной как привязанный? Просто отстань, ясно?! Сходи развейся со своими многочисленными девчонками из поддержки. Охомутай новую блондинку, сделай хоть что-то со своей личной жизнью... Надоел мне, ей-богу! Проходу от тебя нет.

Я всё равно на автомате сделала глоток этого дурацкого травяного чая, подчиняясь его негласному давлению, но легче мне, конечно же, не стало ни на йоту. Горло по-прежнему пекло от слез и недавнего виски.

— И что ты будешь делать, если я прямо сейчас уйду? — хмуро, с какой-то режущей душу ухмылкой спросил Рейнер, скрестив руки на широкой груди. — Стоп, нет, молчи, даже не говори ничего. Я и так наизусть знаю всю твою программу.

Он картинно, раздраженно вздернул глаза к белому потолку, принимаясь вслух перечислять:— Сейчас я закрою дверь, и ты врубишь какой-нибудь сопливый, убогий фильм

про любовь. Достанешь гору мятных конфет из той стеклянной вазы, которую ты вечно прячешь на самой верхней полке кухонного гарнитура, и начнешь выть в подушку. А, и еще... наверняка откупоришь то дорогое вино, которое Мия притащила сюда еще в прошлом месяце, чтобы выпить его вместе на Рождество. Я прав, Миллер?

— Бесишь... — яростно шикнула я ему прямо в лицо, делая еще один шаг вперед и почти вплотную прижимаясь к его груди. — Просто дико бесишь меня, Торнтон... Ты вечно такой правильный у нас, святой опекун. Вечно такой молодец, бьющий морды, а вокруг тебя все поголовно дураки и слепцы!

— Да нет, Лив, — Рейнер внезапно посерьезнел, его голос упал до угрожающего, вибрирующего шепота, а костяшки пальцев, испачканные в крови Чейза, побелели от напряжения. — Это ты вечно всех вокруг себя дураками выставляешь, упрямо кутаясь в свои детские обиды. Раскрой уже свои глаза наконец, ясно тебе?! Посмотри по сторонам, и тогда тебе, черт возьми, абсолютно всё станет понятно в этой жизни! И про споры, и про Мэдисон, и про то, кто действительно годами торчит у твоей постели!

— Это ты раскрой глаза! — прошипела я в ответ.

Голова после пережитого шока и ледяного душа всё равно оставалась чудовищно тяжелой, мысли путались, а в глазах всё предательски, медленно плыло, мешая дышать. Стены кухни обманчиво покачивались, возвращая пьяный туман.

— Я не хочу ничего слышать. Я просто хочу, чтобы ты ушел... Чтобы ты свалил отсюда нахрен, Торнтон! Прямо сейчас! — выкрикнула я из последних сил, утыкаясь кулаками в его плотную толстовку и чувствуя, как силы окончательно покидают мое измученное тело.

Рейнер на мой надрывный крик ничего не ответил. Он лишь молча, каменно застыл на месте, продолжая буквально сверлить меня своим потяжелевшим, уничтожающим взглядом сверху вниз. В удушающей тишине кухни было слышно только наше прерывистое, рваное дыхание на двоих.

— Уйди, Рейнар... — уже гораздо тише, измученно прошипела я, чувствуя, как алкогольный туман снова начинает обманчиво кружить голову. — Просто уйди. Оставь меня одну.

Вместо того чтобы развернуться и уйти, Торнтон внезапно, стремительно сократил расстояние между нами до абсолютного, пугающего минимума. Он навис надо мной так близко, что я невольно, инстинктивно попыталась отодвинуться назад, но отступать было некуда — я и так уже стояла почти вплотную прижатая к кухонному гарнитуру. От этого резкого движения тюрбан из махрового полотенца окончательно покосился и тяжелым комом упал с моей головы прямо на пол, а влажные светлые волосы в полном беспорядке рассыпались по моим плечам и спине.

— Знаешь что, Лив? — хрипло, угрожающе проговорил он мне прямо в губы. Его голос звучал подчеркнуто грубо,

натянута, и я уже внутренне, зажмурившись, приготовилась к тому, что он меня сейчас просто жестко пошлет к черту, развернется и навсегда исчезнет из этой квартиры, устав от моего вечного отторжения.

— Нет, — внятно, сквозь плотно сжатые зубы проговорил он, и на его скуле упрямо заходили жесткие желваки. — Хрен тебе, поняла, Миллер? Я плачу за этот чертов диван в гостиной, и я буду спать сегодня здесь. Имею полное право.

Я от такой наглости лишь злобно сжала зубы, кривя лицо от нахлынувшей обиды и злости на его упрямство.

— Ну и спи на своем несчастном диване! — яростно прошипела я ему в лицо, задыхаясь от бушующих эмоций. — Можешь его вообще прямо сейчас взять на руки и полностью вынести отсюда на улицу, раз он тебе так сильно нужен! Обойдусь без него! А я... я...

Я панически завертела головой по сторонам, наклонилась и резким движением подобрала с пола мокрое полотенце, комкая его в дрожащих пальцах. Силы были на исходе.

— Спать... всё... К черту бал, к черту Чейза и к черту тебя, Торнтон! Я больше не хочу тебя видеть, слушать и говорить с тобой! — упрямо, чеканя каждый шаг на пороге обморока, я целенаправленно дошла до своей спальни. Напоследок развернулась у косяка и хрипло бросила через плечо: — Сам пей свой отстойный чай!

И со всей силы, с оглушительным грохотом хлопнула дверь, закрываясь в темноте своей комнаты на замок.

Глава 20

Проснулась я только ближе к полудню с чудовищно тяжелой, буквально раскалывающейся головой. Всё тело нещадно ломило, мышцы ныли после вчерашнего безумного бега по траве, а лицо в зеркале ванной комнаты казалось опухшим и совершенно чужим. Я приняла быстрый, смывающий остатки лихорадки душ, умылась ледяной водой и снова придиричиво вгляделась в отражение. Но, к моему удивлению, всё было более-менее в порядке, не считая покрасневших, воспаленных и сильно припухших глаз от пролитых за ночь жгучих слёз.

«М-да-а-а, Айрис...» — горько, с глухой обреченностью подумала я, упираясь ладонями в края раковины. — *«Ты наивно думала, что достойна нормального, человеческого счастья? Думала, что нашла своего Белого Рыцаря? А достойна ты, оказывается, только этого грязного дерьма.»*

Перед глазами тут же, во всех красках, яркими вспышками промелькнули картинки из недавнего прошлого. Спальня, полумрак, тяжелое дыхание... Я ведь тогда почти полностью отдалась Чейзу. Если бы в самую последнюю секунду перед моим лицом из темноты не вынырнула упрямая, суровая рожа Рейнера Торнтонна, перечеркнувшая всё порывом паники, черта была бы перешагнута. И сам факт того, что мы ласкали друг друга, что я добровольно позволяла этому

ублюдку прикасаться к своей коже и верила его лживым словам, сейчас сводил меня с ума, вызывая острую физическую тошноту.

— А-а-а! — в ярости, не контролируя себя, зарычала я на всю ванную.

Одним резким, ожесточенным движением руки я сорвала с фаянсовой раковины все стоящие там тюбики с кремами, гели и тяжелую стеклянную подставку под мыло. Последняя с оглушительным, звонким треском пролетела через всю комнату и разлетелась на тысячи мелких, острых осколков по кафельному полу. Я тяжело, прерывисто дышала, утыкаясь лбом в холодную стену и глядя на этот погром. Мне безумно, до судорог в горле было стыдно за саму себя. Как я могла быть такой слепой? Как могла так быстро, глупо довериться чужаку и подпустить его к своему телу?

В дверь спальни тут же начали оглушительно, яростно долбиться с той стороны. Я испуганно вздрогнула.

— Зефир, твою мать! Если ты прямо сейчас не откроешь эту хренову дверь, я сниму ее с петель! — громом пронесся по квартире злой, сорванный голос Рейнера.

— Отстань ты от меня уже, Торнтон! — в истерике крикнула я из ванной, зажимая уши руками. — Просто пошел вон!

И в эту же секунду дверь оглушительно грохнула. Раздался жуткий хруст ломающегося дерева и металла. Я испуганно замерла на месте, боясь пошевелиться. Рейнер уже стоял

на пороге моей спальни — взвинченный, злой как черт, тяжело дышащий. В своей правой руке он упрямо, демонстративно держал полностью выломанную металлическую ручку от двери моей комнаты.

— Ты что, совсем больной на всю голову?! — в шоке проговорила я, глядя на этот разгром. — Ты зачем квартиру мне крушишь?

— Я же тебе сказал, что сниму её, если не откроешь, — глухо, ровно отозвался он, швыряя сломанный замок в сторону коридора.

— Нет... я больше просто так не могу, — едва слышно прошептала я, чувствуя, как внутри всё выгорает дотла.

Я аккуратно, стараясь не порезать босые ноги, перешагнула через стеклянные осколки мыльницы и вернулась в спальню. Он надоел мне, честное слово. Каждое его присутствие сейчас напоминало о том позоре. Не обращая внимания на застывшего в проходе Торнтона, я стала ходить по комнатам и лихорадочно искать свой мобильник, пока наконец не обнаружила его в гостиной — он так и лежал в углу у плинтуса. Экран, на удивление, уцелел.

Хорошо, что сегодня был официальный выходной после Хэллоуина и в университет можно было не тащиться. Плюхнувшись с ногами на наш старенький диван в гостиной, я перехватила с журнального столика вчерашний сухой круасан, принялась лениво жевать его и принялась перебирать все те тонны сообщений, которые мне прислали за ночь. Пер-

вым делом я быстро написала Мие, что со мной всё нормально, а ушла я с бала просто потому, что внезапно жутко заболелась голова. Мне явно, категорически не хотелось, чтобы подруга сейчас примчалась сюда и начала жалостливо капать мне на мозги своими расспросами. От Нейтана и Итана тоже было полно пропущенных звонков. Им я коротко отписалась: *«Всё нормально. Спасибо»*.

А Чейз... Чейза Девенпорта я без малейшего зазрения совести просто заблокировала везде, добавив его номер в черный список. Напоследок на экране висело его последнее непрочитанное смс: *«Прости, Айрис. Я кругом виноват перед тобой, но то, что было между нами в эти недели — я во всем этом не врал. Правда. Просто так получилось со спором...»*

Я стерла этот текст с телефона, не сомневаясь ни единой секунды. Я больше ни на один миг в своей жизни не собиралась верить этому лживому ублюдку. Пусть катится к черту и доигрывает свои грязные споры со своей Афродитой-Мэдисон. Для меня его больше не существовало.

— Может, ты всё-таки соизволишь пойти на кухню и накормить меня нормальным завтраком, раз уж проснулась? — внезапно нарушил тишину Рейнер.

Он стоял посреди гостиной, опираясь спиной о комод и лениво скрестив руки на груди. Я медленно, со всей возможной ненавистью оторвала взгляд от экрана телефона и смерила его таким уничтожающим, ледяным взглядом, от кото-

рого любой другой парень кампуса уже понял бы, что ему не жить. Но Торнтон лишь упрямо остался стоять в ожидании, приподняв бровь.

— Ты ведь это сейчас не серьезно, Торнтон? — хрипло, надсадно спросила я, и мой голос всё еще предательски сипел. — Разве ты, черт возьми, не видишь, что я с тобой вообще не хочу разговаривать? Я всё еще дико зла на тебя, Рейнар! Зла за всё твоё вранье, за то, что ты упрямо молчал целый месяц и позволил этому регбисту сделать из меня публичную дуру на глазах у всего университета! Или ты... — я резко встала с дивана, в два шага сокращая между нами расстояние до минимума и утыкаясь пальцем в его грудь. — Или ты просто выжидал нужного момента по их плану? Ждал, пока мы поиграем с ним в постели, чтобы окончательно, со стороны посмотреть, как сломается тихоня Айрис Миллер? Тебе бы это принесло удовольствие, да?!

— Я же тебе уже всё сказал вчера, Лив, — хмуро, потяжелевшим тоном проговорил он. Рейнер с глухим стуком откинул злосчастную ручку от двери спальни на комод. — Я ни черта не знал про их грязные ставки, пока они не начали болтать об этом в коридоре. Прости, ясно? Но что, твою мать, мне нужно было сделать в той ситуации, раз ты меня никогда, ни единого раза не слушаешь?!

— Потому что ты кобель, ясно тебе?! — в лицо прикрикнула я на него, теряя контроль. Из глаз снова брызнули злые слезы. — Ты точно такой же, как и он! Крутишь девчонками

как перчатками, меняешь их каждый вечер и бросаешь без сожаления! Где-то там, на параллельном потоке, наверное, сейчас сидит точно такая же наивная дура, как и я, и страдает в подушку просто потому, что великий хоккеист Торнтон поиграл с ней и бросил! Какие же вы все мужчины одинаковые ублюдки...

Я с силой, ожесточенно оттолкнула его от себя в грудь. И именно в этот самый момент в прихожей оглушительно, настойчиво раздался звонок в дверь.

Я упрямо, демонстративно отвернулась, снова села на диван и со злостью взяла телефон в руки, делая вид, что меня здесь нет. Рейнер хмуро выдохнул, развернулся и пошел открывать.

Не успел замок щелкнуть, как в гостиную просто ураганным вихрем, на ходу небрежно скидывая кроссовки прямо на ковер, влетела запыхавшаяся Мия. В руках она победно, как трофей, удерживала темную стеклянную бутылку.

— Так! Лив! Я всё знаю! — с порога объявила она, но добежать до дивана не успела — Рейнер на полпути молча, технично перехватил алкоголь прямо из её рук. — Эй! Отдай сюда, Торнтон! Это официальное, проверенное лекарство от разбитого девичьего сердца! Она имеет право накидаться!

— Обойдетесь без лекарств, — сухо, безапелляционно отозвался Рейн, отставляя бутылку на верхнюю полку шкафа. — Ей со вчера хватит.

— Козел пафосный, — ядовито шикнула на него Мия, но

спорить не стала и со всего размаху сочувственно плюхнулась на диван прямо около меня, крепко обнимая за плечи.

Я лишь удивленно выгнула бровь, понимая, что моя ложь про «головную боль» не сработала. Мия, видимо, каким-то образом уже и без моих откровений узнала от парней с бала абсолютно всё, что произошло в коридоре раздевалок.

В дверь прихожей, которая после визита Мии осталась слегка приоткрытой, снова отчетливо прозвонили, но Торнтон так и остался стоять посреди комнаты, даже не шелохнувшись. В следующую секунду створка сама широко распахнулась, и в квартиру уверенным шагом зашел Нейтан Коул, также удерживающий под мышкой вторую бутылку вина. Рейнер моментально, без лишних слов на упреждение вырвал алкоголь и из его рук, с глухим стуком отставляя её рядом с первой на комод.

— Какого черта, Торнтон? — искренне возмутился Коул, недовольно отдергивая руку.

На его возмущение Рейн лишь молча, сурово покачал головой, выразительно кивая в мою сторону. Нейтан сразу всё понял. Он тяжело вздохнул, прошел в гостиную и вальяжно сел в старое кресло напротив, принимаясь внимательно сверлить меня своим серьезным взглядом и коротко, сочувственно кивнув мне в знак приветствия.

— А где Итан? — нарушая тишину, удивленно проговорила Мия, оглядываясь на входную дверь. — Почему Картер в такой критический день умудряется опаздывать на общий

консилиум?

— Что значит «общий консилиум»? — тут же хмуро, подозрительно возмутилась я, переводя взгляд с Мии на Нейтана. — Вы что, устроили из моей квартиры зал судебных заседаний?

Но договорить я не успела. Входная дверь прихожей в этот самый момент окончательно, с грохотом захлонулась, закрывая автоматический замок.

— Я дико опоздал, чуваки! — громко, на всю квартиру крикнул из коридора запыхавшийся Итан Картер, шурша курткой и пакетами. — Но вы просто зацените, что у меня есть! Это пушка!

Он с видом победителя, трофейным размашистым шагом зашел в нашу гостиную, с гордостью поднимая высоко над головой бутылку дорогого вина, словно это был чемпионский титул или кубок лиги. Рейнер, сидевший на краю стола, смерил его таким злым, обещающим скорую расправу взглядом, что Итан на секунду притормозил. А я, глядя на всю эту абсурдную, комичную картину, просто не выдержала. И громко, искренне рассмеялась сквозь остатки слез.

Мия моментально, звонко рассмеялась мне в ответ, подхватив мой настрой. А когда Нейтан медленно повернул голову в сторону Рейнара, который с тяжелым, обреченным вздохом уже молча забирал у Картера третью по счету бутылку и хладнокровно ставил её на верхнюю полку шкафа к остальному конфискату, Коул тоже не выдержал и басисто

заготовал.

— Да чего не так-то?! — искренне возмущился Итан, переводя ошарашенный взгляд с одного хоккеиста на другого. — Я за этим вином, между прочим, в другую часть города по пробкам катал! Это вам не дешманская паль из ларька, ребята. Чистый эксклюзив! Подумал, что в такой паршивый момент именно оно будет максимально в тему для Лив.

На эту пафосную тираду Рейнер лишь молча, весомо дал Картеру короткий воспитательный подзатыльник. Пройдя мимо зашипевшего Итана к нашему дивану, Рейн без лишних слов бесцеремонно плюхнулся прямо около меня, собственнически, плотно стискивая мое тело в своих огромных, горячих руках и притягивая к боку. Мия от его напора тут же резво перепрыгнула на соседнее кресло к Нейтану, а Итан, ворча и потирая затылок, лениво сел в другую часть свободной мебели.

— Значит... вы все уже вовсю знаете, что там произошло? — тихо, сдавленно проговорила я.

От этого вопроса свежие, горькие слезы снова предательски собрались литься из моих опухших глаз, а к горлу подкатил удушливый ком. Но Рейнер отреагировал мгновенно. Он еще сильнее, жестко притянул меня к своей плотной груди, буквально замуровывая в объятиях от всего мира. Я, разозлившись на его извечное давление, попыталась было судорожно повырываться, задергала локтями, но Торнтон просто и ощутимо треснул мне ладонью прямо по спине.

— Да прекрати ты уже дергаться, Миллер. Сиди смирно,
— глухо проворчал он мне в макушку.

— Ауч! Ты совсем уже озверел, Торнтон?! — тут же в открытый ответ яростно дала я ему кулаком по широкому плечу.

Рейн в долгу не остался и тут же, не меняя спокойного выражения лица, коротко, увесисто шлепнул меня ладонью по ноге. Мия, глядя на наши привычные боевые маневры, лишь тихонько, забавно хихикала, утыкаясь в плечо Коула.

— Нам обо всем сегодня утром рассказала сама Мэдисон, Лив, — мягко, уже без капли юмора проговорила Мия, переводя на меня сочувственный взгляд.

— И зачем же? — я замерла, прекращая брыкаться в железных объятиях Рейнара. Тот воспользовался моментом и сразу же зажал мои запястья своими сильными пальцами, прижимая мои руки к моему же телу, чтобы я больше не шевелилась и не вздумала его треснуть. — Прибежала в корпус, чтобы вовсю похвастаться своим очередным триумфальным успехом? Рассказать, как Белый Рыцарь изменил со мной, а потом переспал с ней прямо на ящиках?

— Нет, Лив, — покачала головой Мия, недовольно скрестив руки. — Как раз наоборот. Мэли рвала и метала на парковке, потому что Чейз бросил её сразу же, как только ты ушла.

— В каком смысле... бросил? — я удивленно, ошарашенно вытаращила глаза, застывая в замке из рук Рейна.

— Этот дебил заявил ей, что совершил самую огромную, непоправимую глупость в своей жизни, — подал голос притихший Нейтан из кресла. — И что после всего этого дерьма со спором он просто физически не сможет быть с ней вместе. И что то, что между ними произошло до твоего прихода... оказывается, это был его официальный «прощальный секс». Точка в их прошлых отношениях.

— Чего?! — я буквально вытаращила глаза на парней, чувствуя, как челюсть медленно ползет вниз. Алкогольный бред окончательно выветрился. — Прощальный?! Господи боже мой... Чейз Девенпорт трахался с ней в качестве прощального жеста?! И такой ублюдочный бред в этой жизни вообще бывает?

— Всё в этой жизни бывает, Лив, — авторитетно, со знанием дела проговорил с кресла Итан, качая головой. — Если хочешь, чтобы бывшая стерва окончательно от тебя отвалила и не портила новую жизнь, её нужно сначала как следует уговорить. Классика.

Я на секунду замерла от такого цинизма, а затем медленно перевела тяжелый, выжидающий взгляд на Рейнера, ожидая, что он сейчас подтвердит эту ублюдочную мужскую логику. Заметив мой рентген, Торнтон тут же резко отпустил мои зажатые запястья и шутливо вздернул ладони вверх, капитулируя:

— Даже не смотри на меня так, Миллер. Я такой хернёй в своей жизни не страдаю, ясно тебе?

— Ну конечно! Ты просто бросаешь девчонок без всяких прощальных жестов, это и так весь колледж знает, — тут же язвительно, со злостью проговорила я.

За эту шпильку мне от него снова моментально прилетело увесистым шлепком по ноге, а я в ту же секунду на автомате со всей силы ткнула его острым локтем прямо под дых в железные ребра. Рейн лишь глухо крикнул, но объятий не разомкнул.

Я обвела парней и подругу внимательным взглядом.

— Кто ещё из вас троих знал о споре регбистов на меня? — тихо, отчетливо проговорила я, в упор глядя на ребят.

В гостиной в одну секунду воцарилась тишина. Ребята буквально застыли на своих местах, боясь дышать. Мия испуганно, виновато опустила взгляд в пол, наотрез отказываясь смотреть мне в глаза. Нейтан резко сделал безумно занятой вид, потянулся к невесте и принялся скрупулезно ковыряться в её волосах, заявляя, что там якобы что-то застряло. Ну а Итан... Итан, как обычно, упрямо валял дурака, внезапно начав с огромным, неподдельным интересом ковырять старые хоккейные мозоли на своих широких ладонях.

— Я-а-асно-о-о... — протянула я, чувствуя, как к горлу снова подкатывает удушливая волна обиды. — Всё с вами понятно. Стратеги хреновы.

Я резким движением окончательно вырвалась из рук Рейнера, решительно встала с дивана и быстрыми, злыми шагами пошла в прихожую. С силой распахнула входную дверь

настежь, открывая вид на лестничную площадку. Ребята в гостиной от моего демарша тут же повскакивали со своих мест, испуганно глядя на меня.

— Давайте, проваливайте все отсюда к чертовой матери, — спокойно, без крика, но ледяным тоном проговорила я, указывая рукой на выход. — Катитесь вон из моей квартиры. Все до единого.

— Лив... — извиняюще, жалобно проговорила Мия, делая робкий шаг в мою сторону и ломая пальцы. — Ну прости нас, пожалуйста. Мы правда не хотели тебя обидеть, просто парни из регби...

— Уходите, — упрямо, глухо повторила я, наотрез отказываясь слушать оправдания.

И именно в этот драматичный, переломный момент на моей кухне внезапно, оглушительно загремели стеклянные бокалы. Все трое гостей синхронно, в полном недоумении повернули головы в сторону кухонной зоны. Я, на секунду замешкавшись, тоже шумно закрыла входную дверь на замок и сделала шаг назад.

Оказалось, пока мы тут выясняли отношения и разыгрывали сцену изгнания, Итан Картер уже вовсю хозяйничал у меня на полках. Он в открытую достал из шкафа все три бутылки конфискованного Рейнером «эксклюзивного» вина и прямо сейчас с самым невозмутимым видом разливал багровую жидкость по моим лучшим фужерам.

— Это дерьмо на сегодня нужно заглушить со стопроцент-

ной гарантией, чуваки, — авторитетно отозвался Картер, даже не оборачиваясь на наши ошарашенные мины. — Нам в любом случае придется вымалывать у тебя прощение весь этот чертов день и всю грядущую ночь, Миллер. И знаете что... Трех бутылок нам на этот марафон явно мало, а я в другую часть города больше ни за что не поеду.

Он тут же, не отходя от плиты, поднял один из бокалов и с видимым наслаждением сделал огромный глоток дорогого вина.

— Потому что вы как хотите, устраивайте тут драмы, а лично я хочу нормально нагваздаться после вчерашнего спарринга. На законных основаниях.

Мы с ребятами, замерев на пороге гостиной, секунду молча переваривали эту его обезоруживающую наглость, а затем дружно, оглушительно рассмеялись на всю квартиру.

— Он у нас тоже явно дефектный на всю голову, — со смешком проговорила я, качая головой и выразительно глядя на улыбающуюся Мию.

И в самом деле... Ну вот как на этих придурков можно было всерьез долго злиться? Они ведь были моей настоящей, пусть и сумасшедшей, семьей.

Ближе к вечеру наша гостиная окончательно наполнилась шумом, смехом и звяканьем пустых бокалов. Мы все изрядно, до беспамятства подвыпили, уничтожая запасы Итана. Под воздействием алкоголя и праведного гнева мы в подробностях, не стесняясь в выражениях, в сотый раз коллективно

обругали всю регбийную сборную Оквуда, их грязные правила, а самого Чейза Девенпорта — прицельно и с особым наслаждением. Это была лучшая терапия, которую только можно было придумать.

Итан Картер, как самый главный спонсор нашего алко-марафона, отключился предсказуемо самый первый. Он бесцеремонно, мешком разместился на диване в гостиной, раскидав свои длинные ноги в разные стороны. Рейнер честно, упорно пытался согнать этого амбала на пол, тряся его за плечи, но Картер лишь пьяно, вяло махал на него руками и в полузабытии жалобно, сопливо звал свою «милую Роуз Перри». Кульминация наступила, когда Итан в очередном приступе нежности внезапно потянулся к Торнтон и чуть было не поцеловал его прямо в губы, спутав с той самой Роуз. Рейн после такого перформанса с тихим ужасом отшатнулся в сторону и мгновенно оставил все свои праведные попытки выгнать друга. Личное пространство и зубы дороже.

Мия и Нейтан начали собираться домой уже ближе к часу ночи. Завтра обоим нужно было упрямо тащиться в университет на утренние пары. Перед тем как обуться в прихожей, Мия крепко обняла меня и строгим, не терпящим возражений тоном приказала мне взять как минимум два официальных выходных на работе и учебе.

— После такого ублюдочного хаоса, Лив, ты заслужила полноценный отдых, а не зубрежку и кофейные смены, — веско заявила она, чмокнув меня в щеку. — Отлежись. Мы

прикроем перед преподами, если что.

Я лишь искренне, со слезами на глазах поблагодарила их за всё, что они делают для меня в эти дни. Настоящие друзья.

Когда за ребятами наконец захлопнулась входная дверь, в квартире воцарилась тишина, прерываемая лишь богатырским храпом Картера из гостиной. Медленно дойдя до своей спальни, я толкнула дверь и... замерла на пороге, удивленно вытаращив глаза.

На моей кровати, бесцеремонно развалившись по диагонали прямо поверх покрывала, всюду валялся Рейнер. Он уже успел стянуть с себя толстовку и лежал в одних спортивных штанах, демонстрируя рельефную, мощную спину и плечи.

— Боже ты мой... Торнтон, ты с ума сошел, что ли?! — в панике, хрипло прошипела я, проходя вглубь комнаты. — Это моя постель! Моя законная территория! А ну, проваливай отсюда, Рейн! Я всё еще дико злюсь на тебя за то, что ты молчал про спор, ясно тебе? Уходи спать в гостиную на диван!

— Там Итан, — не открывая глаз, глухо и страдальчески пробурчал он в подушку. — И если этот дебил в полусне посмеет еще раз обнять меня и назвать своей сладкой девочкой, я ему прямо ночью вышибу все передние зубы. Я сплю здесь.

— Нет, вставай! Я не буду спать с тобой в одной постели, Торнтон! Мне завтра на работу вставать... — измученно,

страдальчески простонала я, хватая его за локоть и пытаюсь сдвинуть эту каменную глыбу с матраса.

На мои жалкие потуги Рейнер отреагировал секундно. Он просто лениво, не глядя, резко дёрнул меня за руку на себя. Я не удержала равновесия и с коротким, испуганным писком плашмя рухнула на кровать прямо рядом с ним.

— Помолчи, Зефир, ради бога, — хмуро, не разжимая объятий, проговорил он, силой удерживая меня на месте. — Это вино Картера оказалось полной, убойной парашей. У меня из-за него раскалывается и гудит голова.

— Может, тогда вообще не нужно было его пить в таких количествах? — язвительно, хмельно отозвалась я, моментально замирая в его руках, когда он упрямо придвинулся ко мне со спины еще ближе.

Рейнер окончательно, безапелляционно затянул мое хрупкое тело в свои огромные, железные объятия, лишая малейшего шанса на побег. Но этого его собственническому инстинкту показалось мало: он закинул свою тяжелую, мускулистую ногу прямо поверх моих бедер, окончательно прижимая меня к матрасу.

— Ты меня сейчас просто раздавишь, Рейн, отвали! Пусти! — панически зашептала я, пытаюсь расцепить его замкнутые на моей талии пальцы. — Это слишком... Мы не можем так...

— Помолчи, Зефир... Спи, — тихо, выдыхая мне в шею, скомандовал он.

Торнтон тут же уткнулся лицом в мои растрепанные, пахнущие лавандовым шампунем волосы, еще плотнее прижимая мою спину к своей широкой, горячей и обнаженной груди. И почти мгновенно, глубоко уснул. Его тяжелое дыхание постепенно замедлилось, стало ровным, а стальные руки на моей талии немного расслабились, но продолжали надежно удерживать меня в капкан.

Мой щеки в темноте спальни пылали диким, пунцовым жаром — и далеко не только от выпитого за вечер вина. Сердце в груди выстукивало сумасшедший, рваный ритм. Мы ведь за все эти долгие годы никогда, ни единого раза не нарушали строгие границы лучших друзей. Держались на расстоянии. И сейчас то, что происходило между нами в этой постели, казалось мне глубоко, двусмысленно и пугающе неправильным по отношению ко всему нашему прошлому.

Но мне... мне тоже было бесконечно, смертельно плохо, и усталость наконец взяла свое. Мерное, успокаивающее дыхание Рейнера у моей шеи, его привычный, родной аромат можжевельника и осязаемое мужское тепло окончательно, гипнотизирующе затягивали меня в глубокий, плотный сон, даря долгожданный покой израненной душе.

Глава 21

Утренний Оквуд встретил меня густым, холодным туманом, но мне это было только на руку. Я уже добрый час стояла за стойкой в нашей университетской кофейне и, пользуясь тем, что до официального открытия и наплыва первых сонных посетителей оставалось еще немного времени, методично расставляла свежие пирожные за стеклом сверкающей витрины. Пальцы слегка подрагивали, когда я аккуратно, стараясь не повредить крем, перекладывала шоколадные капкейки с подноса на стеклянные полки.

В голове всё еще удушливо, плотно дурманило от событий вчерашнего дня, плавящей смеси алкоголя и, главное, от того, с каким диким, паническим позором я сегодня на самом рассвете сбежала из собственной квартиры.

Воспоминания утреннего пробуждения до сих пор заставляли мои щеки полыхать невыносимым, пунцовым жаром. Открыв глаза в районе шести утра, я обнаружила, что всё так же замурована в тяжелых, надежных объятиях Рейнера. За ночь он ни на сантиметр не ослабил хватку: его мускулистая нога упрямо придавливала мои бедра к матрасу, а лицо было уткнуто прямо в мою шею, обжигая кожу ровным, горячим дыханием. Торнтон спал без задних ног и даже не шелохнулся, когда я, затаив дыхание и едва не умирая от бешеного стука собственного сердца, умудрилась каким-то чудом

миллиметр за миллиметром выскользнуть из его тисков.

Я действовала как профессиональный вор на месте преступления. Схватив первую попавшуюся чистую одежду, я на цыпочках, босиком прокралась мимо гостиной, где с дивана всё так же раздавался оглушительный храп Итана, наспех натянула вещи в прихожей, схватила рюкзак и просто пулей вылетела за дверь. Я бежала на эту утреннюю смену, наплевав на запреты Мии взять два выходных, лишь бы меня никто не увидел. Лишь бы не сталкиваться с Рейнером взглядами при дневном свете и не отвечать на его невыносимо честные вопросы.

— Привет, Зефирка, — внезапно раздался со стороны входа негромкий голос, заставив меня испуганно вздрогнуть.

От неожиданности я выронила из рук щипцы для выпечки, и те со звонким, металлическим стуком покатались по кафельному полу за стойкой. Я резко выпрямилась, лихорадочно утирая ладонями фартук, и растерянно уставилась на стеклянную дверь.

На пороге кофейни, лениво привалившись плечом к косяку и засунув руки в карманы спортивных штанов, стоял Рейнер. Судя по его взъерошенному виду и тому, что на нем была всё та же вчерашняя толстовка, он примчался сюда сразу же, как только обнаружил мою пустую половину постели. В его потяжелевшем, пристальном взгляде читалась жесткая, суровая недовольность моим утренним трюком.

— Далеко же ты упрыгала в шесть утра, Миллер, — спо-

койно, но с отчетливой, опасной хрипотцой в голосе проговорил он, медленно делая шаг вглубь пустого зала. — Я думал, мы договорились, что сегодня ты сидишь дома, а не караулишь здесь кофейные аппараты.

— Вообще-то, у меня здесь работа, Рейн, — проговорила я, преодолевая внутреннюю дрожь, всё же поднимая с пола упавшие щипцы и отправляя их в глубокую раковину, чтобы помыть. — Чего пришел вообще? Кафе закрыто, ты что, табличку на стекле не видишь?

Торнтон на мои слова лишь лениво пожал широкими плечами и демонстративно обернулся назад, проверяя, правда ли надпись «Закрыто» красуется на двери. А затем он уверенным, размашистым шагом направился прямо ко мне и без лишних церемоний зашел за барную стойку, нарушая все инструкции.

— Эй, а ну выйди отсюда! — в панике зашипела я, инстинктивно отступая к кофемашине. — Меня накажут, если менеджер увидит здесь постороннего. Вообще-то тут камеры на каждом шагу, болван!

— Я знаю, — хрипло прошептал он, сокращая расстояние между нами до абсолютного нуля.

Не дав мне опомниться, Рейнер плавно запер меня в своих объятиях, утыкаясь носом куда-то в изгиб моей шеи, словно я ему вчера что-то пообещала в той постели и вообще мы были настоящей парой. От него пахло утренней свежестью и тем самым привычным можжевельником.

— Эй, чего прилепился?! — тут же панически завозилась я в его руках, отчаянно сопротивляясь и упираясь ладонями в его грудь.

Этот внезапный, интимный порыв с его стороны пугал меня до дрожи. Он заставлял проснуться и трепетать в животе каких-то полудохлых, испуганных тропических бабочек. А мне это было совершенно не нужно. Точно не к лучшему другу со школьной скамьи. Я до безумия не хотела портить те чистые, надежные отношения, которые мы так упрямо строили столько лет. Потому что я была на сто процентов уверена, что это не взаимно. Рейн всегда относился ко мне как к младшей сестре, защищал из чувства долга, а я... я, кажется, начинала чувствовать к нему что-то пугающе глубокое.

Я упрямо, ожесточенно попыталась отогнать от себя эти мысли, как вдруг Рейнер, поймав мой настрой, несильно, дразняще укусил меня прямо за плечо сквозь ткань рабочей кофты.

— Дурак, что ли?! — я громко, искренне рассмеялась, слабо стукнув его кулаком по спине, когда следом за укусом пошла его фирменная, невыносимая щекотка под ребрами.

И именно в этот момент тишину зала нарушил резкий, предупреждающий скрип входной двери.

Я удивленно вздёрнула брови, переводя взгляд на порог. Чейз?

Девенпорт стоял у входа, нерешительно переминаясь с но-

ги на ногу. Его лицо после ночной бойни выглядело откровенно паршиво — губа была зашита, а под глазом наливался огромный фиолетовый синяк. В руках он упрямо сжимал мой ведьминский плащ и букет цветов.

— Ты что, совсем ослеп и не видишь, что заведение закрыто, Девенпорт?! — опасно, свирепо прорычал Рейнер, мгновенно меняясь в лице.

Он так и не выпустил меня из своих защитных объятий, упрямо оставаясь стоять за стойкой, согнутый пополам прямо у моего лица и собственнически удерживая меня за талию на глазах у своего соперника.

Чейз упрямо, до побеления костяшек пальцев сверлил Рейнера тяжелым взглядом, крепко удерживая в другой руке пышный букет цветов.

— Я пришел извиниться, Айрис, — глухо, с трудом ворочая зашитой губой, проговорил он, делая уверенный шаг вперед к нашей кофейной стойке.

Но Рейн тут же медленно выпрямился во весь свой огромный рост, полностью заслоняя меня собой.

— Тебе сказали, Девенпорт: заведение закрыто, — с отчетливой угрозой процедил Торнтон, и его кулаки напряглись.

— Я думал, ты злишься, — проговорил Чейз, наотрез игнорируя присутствие хоккеиста и пытаясь заглянуть мне через его плечо. На его побитом лице прорезалась усталая, горькая усмешка. — И это верно, Айри. Ты должна злиться.

Я признаю, что сглупил. Жестко сглупил со всей этой херней. Но у меня просто не нашлось другого адекватного выхода, чтобы окончательно отлепить Мэдисон от себя. Я наивно думал, что ты ни черта не узнаешь про этот спор, мы переживем Хэллоуин, а потом построим с тобой нормальные, чистые отношения с нуля. Но я вижу, ты и без меня тут всё это время неплохо играла свою роль. Врала мне в лицо целый месяц, что вы с Торнтоном просто друзья. Но сейчас более чем видно, что у вас двоих всё более чем.

— Да, Девенпорт, у нас всё более чем! — неожиданно для самой себя, яростно прошипела я, теряя всякие тормоза от его наглости.

Я резко сделала шаг вперед, втискиваясь к Рейнару и одним рывком собственнически, крепко притянула Торнтон за шею к себе вплотную.

— Ты теперь доволен?! — прошипела я Чейзу прямо в его ошарашенное лицо. — Не ты один такой умный у нас на кампусе, Чейз. А теперь взял свои шмотки и покатился вон из этого кафе! Мне не нужны твои убогие, фальшивые извинения.

Я притягивала Рейнара к себе так отчаянно близко, обжигаясь его дыханием, что внутри всё панически переворачивалось. Мое сердце выбивало сумасшедший, рваный ритм. Глубоко внутри я до смерти боялась, что он прямо сейчас сорвется, заржёт от этой дурацкой комедии или просто брезгливо отпихнет меня от себя перед соперником, разрушая ле-

генду. Но Торнтон стоял как вкопанный. Он не пошевелился, не издал ни звука и покорно замер в моих руках ледяной статуей. Я даже боялась мимолетно посмотреть в его лицо, потому что он явно думал, что я окончательно рехнулась на почве лихорадки бешенства.

Чейз просто подошел ближе к стойке, криво, пренебрежительно усмехнулся, глядя на нашу застывшую позу, и с тихим шуршанием положил мой ведьминский плащ и цветы на деревянную столешницу.

— Я подожду, когда ты немного остынешь и придешь в себя, Айри, — негромко, но отчетливо проговорил он, делая шаг назад к выходу. В его голосе скользнуло искреннее сожаление. — Ты явно не такая, как они все. И этот Торнтон... он просто не твой уровень, поверь мне. Ты намного лучше его, в этом я теперь уверен. На все сто процентов уверен.

С этими словами Белый Рыцарь развернулся и быстро вышел из кофейни, под тихое звяканье колокольчика исчезая в утреннем тумане.

В ту же секунду я медленно, с бьющим через край волнением повернула голову и заглянула в лицо Рейнара. Но Торнтон смотрел на меня сверху вниз с каким-то совершенно непонятным, тяжелым, вибрирующим и пугающе серьезным выражением, от которого у меня перехватило дыхание.

Не в силах выдерживать этот его рентген, я тут же резко, защищаясь, толкнула его локтем под дых. Рейн глухо, ощутимо крикнул, но взгляда не отвел.

— У меня вообще-то закрыто кафе для посторонних, — натянуто, хрипло проговорила я, спешно разворачиваясь к раковине и упрямо возвращаясь к мытью злосчастных металлических щипцов, лишь бы скрыть от него свои пылающие щеки и дрожащие пальцы.

Судя по шуршанию ткани за моей спиной, Рейнер всё же окончательно отмер от своего состояния каменной статуи и негромко, прочищая горло, прокашлялся. Я лишь мельком скосила на него настороженный взгляд, не прекращая тереть губкой чистый металл.

— Ты вообще зачем сюда пришел? — натянуто проговорила я, пытаюсь вернуть голосу былую строгость.

— Принес твой мобильник. Ты его на полу оставила, — он тут же невозмутимо выудил из глубокого кармана толстовки мой телефон и со щелчком положил его на деревянную столешницу. — Он всё утро трезвонил без перерыва как ненормальный. Итан из-за этого проснулся, дико взбесился и бросил его мне прямо в рожу. Так что спасибо за утренний бодрящий подгон, Миллер.

Я невольно приснула от смеха, представив, как похмельный Картер швыряет мобильник в капитана. Быстро вытерев мокрые руки о висящее на плече полотенце, я подхватила с поверхности девайс, чтобы проверить пропущенные.

— Нет, нет, нет! — тут же в полнейшем ужасе воскликнула я, едва экран загорелся. — Торнтон, это что за черт вообще?!

Я резко развернулась к нему лицом и буквально ткнула светящимся дисплеем телефона ему прямо под нос. На экране висели сообщения из семейного чата.

— Что ты им всем наплел, пока я спала?!

Рейнер тут же виновато поджал свои разбитые губы и неловко почесал затылок сорванными костяшками пальцев. Его лицо в эту секунду приняло такое подчеркнуто невинное выражение, что это выглядело даже пугающе.

— Ну... сказал, что мы встречаемся, — глухо выдавил он.

— Ты что сделал?! — я испуганно пискнула, снова лихорадочно заглядывая в мессенджер. Там всюду светился входящий текст от моего отца, который уже радостно писал, что безумно счастлив за нас и сегодня вечером ждет нас двоих у Торнтонов в особняке на праздничный ужин. — Рейн, твою мать! Ты в своем уме?!

— Поэтому я, вообще-то, так быстро сюда и пришел, — тут же резонно, вкрадчиво проговорил он, делая ко мне шаг.

— Вот только не надо мне сейчас строить эти свои фирменные щенячьи глаза, ясно тебе?! — яростно зашипела я, отступая на шаг назад и упираясь поясницей в раковину. Сердце снова забилось где-то в горле. — Что вообще значит «встречаемся»? А если бы Чейз... если бы у меня с ним всё получилось? Ты вообще соображаешь, какую кашу заварил? Скажи, что это просто твоя дурацкая, убогая шутка! Скажи, что ты соврал отцу только ради того, чтобы я снова не думала об этом ублюдке регбисте?! Мы же просто друзья, Рейн!

— Послушай, Миллер, мой предок уже месяц втюхивает мне эту стерву с её макиато и стразами! — тут же пошел в активную оборону Рейнер, недовольно хмурясь и взмахивая руками. — Наседает на меня каждый божий день, требует остепениться и заключить этот бизнес-союз семей! Что я, потвоему, должен был ему сказать когда он позвонил с допросом? Это первое, что пришло в мою голову, ясно тебе?!

— Да кого угодно мог назвать, блин, Рейн! — в сердцах выкрикнула я на всю пустую кофейню. — Любую девчонку из группы поддержки!

— Он бы ни одной из них не поверил, ясно?! — рявкнул он в ответ, упрямо сжимая челюсти. — Отец устроил бы им такой допрос с пристрастием, что мне пришлось бы тащить эту случайную куклу с собой на каникулы в Нью-Йорк знакомиться со всей остальной родней. А это, знаешь ли, вообще ни разу не круто. А ты своя. Ты идеальный вариант. Ты сможешь мне подыграть, я в этом уверен на все сто. Мы знаем друг друга с самого глубокого детства. Да и моих родителей ты тоже прекрасно знаешь, они от тебя без ума.

— Ты полный, конченный дурак, Торнтон! — в открытую крикнула я ему прямо в его самодовольное лицо, со всей силы стукая кулаком по его твердой, обтянутой хлопком груди. Боль и паника внутри смешались в безумный коктейль. — Вали отсюда нахрен, пока я тебе этими щипцами голову не разбила!

Глава 22

На учеб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.